

Овезозар Чернов

БЕЙКЕР-СТРИТ
и скрестности

Светозар Чернов

Бейкер-стрит и окрестности

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6540966

Чернов С. Бейкер-стрит и окрестности: ADVENTURE PRESS; Москва; 2013

ISBN 978-1-304-71564-7

Аннотация

Занимательный справочник-путеводитель по викторианской эпохе – эпохе Шерлока Холмса. Не только сама Бейкер-стрит, и даже не только знаменитый дом 221Б со всем, что внутри, а также соседями и владельцами лавок, фотоателье, корсетных мастерских, портными, почтальонами, полицейскими и, само собой, частными детективами. Во втором издании читателю предстоит, кроме всего перечисленного, пересечь Ла-Манш и Атлантику, узнать, как готовиться к путешествию и какие знакомые и незнакомые ситуации ожидают его в пути.

Содержание

Мир Шерлока Холмса	4
Глава 1. Где же находится дом миссис Хадсон?	9
Глава 2. Подлинная история дома 221-б	17
Глава 3. Бейкер-стрит	23
Глава 4. Соседи	40
Глава 5. Дом 221-б	51
Глава 6. Гостиная	60
Глава 7. Спальни	76
Глава 8. Кухня, ванная комната и дворовые пристройки	92
Глава 9. Освещение	109
Глава 10. Карьера доктора Уотсона	137
Глава 11. Одежда	153
Конец ознакомительного фрагмента.	169

Светозар Чернов

Бейкер-стрит и окрестности

Мир Шерлока Холмса

Сто двадцать лет назад, в ноябре 1887 года, в ежегодном приложении к журналу “Beeton’s Magazine”, носившем скромное название «Битонский рождественский ежегодник», был явлен свету новый литературный герой – частный сыщик-консультант Шерлок Холмс. Всего описанию его жизни были посвящены 4 повести и 56 рассказов, написанных Артуром Конан Дойлом. А также многочисленные подражания и стилизации (они же фанфики и пастиши), пародии и исследования, которые не перестают выходить до сих пор.

Сейчас почти все, о чем написано в этой книге, может узнать каждый, не вставая со стула и почти бесплатно. Нужна одна минута для того, чтобы выяснить, например, когда и на каком пароходе пересекал Атлантику Артур Конан Дойл, еще две секунды, чтобы обнаружить, что с ним плыл некий Баскервиль; еще 5–6 минут понадобится на то, чтобы узнать, где он жил, в каком году родилась в Лимерике его горничная и в каком приходе она похоронена. Но это не самое главное. Самое главное – это небывалая, немыслимая раньше возможность сквозного поиска в архивах. Если бы не это, каким образом можно было найти описание лондонского полицейского участка – в шотландском медицинском журнале, а жалобу на железнодорожные ланчи – в швейцарском психиатрическом ежегоднике? Одной минуты довольно, чтобы узнать, что за весь 1887 год в «Таймс» действительно ни разу не упоминались «торфяные болота». Иначе, не имея таких возможностей, остается только что читать все и держать все в голове. 17 лет назад, когда мы стали изучать историю Потрошителя, всех этих возможностей не было. И вот, приходилось читать все и все держать в голове.

Эта книга – не шерлокианская энциклопедия, хотя вы найдете в ней массу бесполезных сведений: от ассортимента лавок в окрестностях дома 221-6 по Бейкер-стрит до цен на газ и извозчика, от описания маршрута погони за Джонатаном Смоллом до жалования полицейских констеблей. Возможно даже, что где-то обилие дат, фамилий и цен заставит вас перевернуть ту или иную страницу. Делайте это смело. Ведь если вы соберетесь писать, каждая такая дата и фамилия могут оказаться бесценными, и вы вернетесь к ним. Если же вы просто читатель, то дальше вы непременно найдете истории, которые вас заинтересуют. Сразу оговорюсь: многие стороны жизни останутся сокрыты от вас и потребуют собственных изысканий. Но я помогу вам выбрать дом на реальной Бейкер-стрит, чтобы поселить в нем Великого Детектива, расскажу о соседях и примечательных местах поблизости, покажу дом изнутри и дам необходимые замечания о его устройстве и содержании. Мы немного поговорим о еде, одежде и даже пошепчемся о семейной жизни доктора Уотсона, хотя такие темы и не принято обсуждать в респектабельном обществе. По пути к месту преступления мы проедемся с вами на тогдашнем общественном транспорте и ознакомимся со средствами связи, которые были в распоряжении Шерлока Холмса. На месте у нас будет возможность разузнать об устройстве лондонской полиции, а затем спуститься вниз по Темзе на полицейском катере. К концу книги вы будете знать о Холмсе и окружавшем его мире много такого, чего не знал и даже не предполагал сам Конан Дойл.

«Мое имя – Шерлок Холмс. Мое занятие – знать то, чего не знают другие...» – говорит о себе Шерлок Холмс в рассказе «Голубой карбункул». Но ведь детективу – все равно, частому или казенному, – совершенно не нужно знать то, чего не знают другие. Прежде всего, он должен знать все, что знают другие, а это не так уж мало. Он и вправду может не знать, что Луна вращается вокруг Земли, но должен совершенно точно знать фазы Луны и все, что

связано с приливами и отливами по всему побережью Британии и на другом берегу Канала. Он должен знать лучше любого фонарщика, когда зажигаются фонари на тех или иных улицах. Он должен знать, в каких местах сушат белье прачки, обслуживающие дома на Парк-Лейн и по каким дням месяца меняют простыни в богадельне для моряков в Чатеме. Он должен знать в лицо всех старших стюардов на трансатлантических пароходах и всех буфетчиков на судах, пересекающих Канал; всех управляющих ночлежными домами к востоку от Сити и на южном берегу Темзы. Узнав только из газеты о месте преступления, он уже должен знать лучше любого клерка из управления общественных работ, где поблизости сидел ночной сторож, охранявший ночью раскопанную свинцовую трубу; мало того, он должен знать, в каком трактире можно найти жену этого сторожа и какую монету нужно дать жене сторожа, чтобы он разговорился. Если возникает вопрос, пыталась ли жертва грабителя в поезде, оглашая воплями окрестности, дернуть за сигнальную веревку, детектив уже наперед должен знать, из какого каната – манильского или русского делаются на данной дороге сигнальные фалы, какая погода – сухая или дождливая – была по маршруту. Хорошо, если детектив знает, на каких линиях подземки больше всего стрелок, но гораздо важнее знать, что такая-то смена фонарщиков так обильно орошает крыши вагонов маслом, что все сообщения о стрелках могут сразу же обесцениться. Такого рода деталей, но не мелочей, – неисчерпаемое море, только черпай. Русские переводы рассказов о Холмсе и вправду выхоленные, и многие прелестные слова в них заменены нейтральными «соусами», «коврами» и «юристами»; но сколько же деталей, не упоминаемых и в оригинальном тексте, окружало самого мистера Холмса!

Узнать, какие существовали правила и узаконения, писанные или даже неписанные, относительно любой области викторианского быта, нетрудно, но эти правила были очень далеки от реальности, даже в таких областях, как форменная одежда, не говоря уже о делопроизводстве в Скотланд-Ярде. А вся область законов, регулирующих работу лондонских коммунальных служб и надзор, представляет собой огромное административное облако, проплывающее где-то уж совсем далеко над действительностью. Английское уголовное право времен Холмса настолько громоздко и непостижимо, что изучить его мимоходом, наряду с велосипедной промышленностью и обувной модой, невозможно, а имущественное право еще круче, и намного. Но, просматривая дела и судебные отчеты, можно понять мышление адвоката, коронера и инспектора. Одно время мы пытались рассмотреть всю жизнь Холмса, каждый его шаг через юридическую призму, раскладывая всякое его действие на иски, поводы для исков, полюбовные соглашения и т. п. Например, револьверная пуля, испортившая обои, – безупречный повод для процесса Холмс против Хадсон, а вовсе не наоборот, как можно подумать. Но та же пуля, застрявшая в стене, становится собственностью наследников земельного владения Портмана, и приватное извлечение ее из стены может дорого стоить миссис Хадсон, и т. д. Современные исследователи находят в рассказах о Холмсе большое количество несообразностей и ошибок, но кажется, что сам Конан Дойл лучше этих исследователей ощущал, не зная законодательства, реальную практику своего времени. Но крайней мере, Холмс ни разу не совершил ничего противозаконного, включая вскрытие сундука с сокровищами в частном доме, во всяком случае ничего такого, что грозило бы ему неприятностями. Чтобы ясно понять, как действительно обстояло дело, нужно узнать множество деталей, и детали рассеяны в песке исторических развалин. А сохранившиеся в целостности пирамиды парламентских актов и санитарных правил ничего не дадут.

И вот по мере того, как мы просеивали тысячи страниц и выбирали нужные крупницы, вроде бы известная картина стала меняться. Зная тысячу деталей, тысячу первую мы могли уже угадать и только потом получить подтверждение. У нас выработались собственные методы и правила. Например, верить можно только рекламе. Если в 1886 году рекламируется маркер с волоконным стержнем и полупрозрачными чернилами, то значит, он точно

был и продавался – никто же не будет рекламировать того, что не продается. Но берегитесь рисунков, в них таится множество западней. Они переходят из книги в книгу десятилетиями, так что в книге 1890 года вы увидите дам, играющих в теннис в кринолинах. Хорошо, если газетный художник не получил академического образования, – если иначе, то на любой зарисовке из Олд-Бейли вы сразу узнаете гипсовых Гер, Зевсов, Бенер и итальянского мальчика-натурщика, который стоит в форме констебля с несуразным шлемом на непокорных кудрях. По этой же причине, если на картинке одна крохотная лошадь галопом несется за другой, еще меньше ее ростом, то это вовсе не значит, что собаки и крысы в те времена походили на лошадей. Художник в газете, набивший руку раз и навсегда, и в 1910 году рисует констебля с трещоткой, что для нас гораздо хуже галопирующей крысы.

Мы использовали и другие методы, например, изготавливали светильный газ и сальную свечу, чистили кирпичом медную посуду и многое другое. Это немного смешно, но, с другой стороны, стоит один час поиграть деревянной ракеткой в полтора фунта весом, чтобы понять, какая железная кисть была, например, у Мод Ватсон, блиставшей на кортах Англии и континента во времена Холмса. Вот и верь после этого, что теннис в те времена был «неатлетическим». Конечно, можно найти прочесть семь или восемь фундаментальных книг о теннисе, изданных во времена Холмса, но нужно еще найти в австралийском скаутском журнале воспоминания девятидесятилетней бабушки о том, как они в юности обшивали заново полысевшие мячики и какой шов, какая нитка при этом использовались. Правила для констеблей на дежурстве подробно расписаны и известны, но вот в пометке на коронерском рапорте суперинтендант пишет, что сомнения врача относительно времени смерти, скорее всего, объясняются тем, что констебль, как всегда, «передал» обнаруженный труп заступающему на дежурство коллеге, чтобы не задерживаться. Эта пометка стоит десяти томов уголовных актов и прецедентов. А вот шляпа из рассказа «Голубой карбункул». На ней сальные пятна от свечи, потому что владелец поднимается по лестнице, держа шляпу в одной руке, а подсвечник в другой. Звучит невразумительно, до тех пор, пока не будут восстановлены все детали этого акта. Вот человек в полной темноте входит в дом. В ста случаях из ста свеча в подсвечнике стоит на полу у входа, и, наклоняясь к ней наугад, человек снимает шляпу, чтобы она не свалилась и не закатилась в темноте под лестницу. Затем он зажигает свечу и начинает восхождение. Но все дело в том, что свеча – не фонарик. Если держать ее перед собой, то она будет слепить глаза, а кроме того, в ста же случаях из ста подсвечник представлял собой довольно широкую латунную площадку, с ручкой или без, и вот эта площадка отбрасывала тень вниз, как раз на то место, которое нужно было освещать. Выход один – нужно поднять свечу как можно выше над головой, откуда сало и будет капать на шляпу, даже если она и осталась на голове.

Общее ощущение быта и эпохи в пределе – не общее, а предельно конкретное. Оно точнее любого набора фактов – ведь исторических фактов не существует.

Таким образом, после примерно десяти лет работы, у нас получился маленький театр, своего рода коробочка на столе, в котором появлялись герои живые, но абсолютно достоверные. Вот, например, констебль. Он станет живым не тогда, когда будут изучены его шлем, пелерина, обязанности и жалованье, а только тогда, когда ясно будет понято, что для констебля хорошо, а что плохо. Например, такие вещи, как королева, долг и преступники, его совершенно не интересуют – не по каким-то циничным соображениям, а просто все это не имеет к нему никакого отношения. Что действительно его интересует – это его борола и усы. Они бережно подстригаются, иногда красятся и всегда окружены любовью владельца, как нимбом. Он бы с радостью перенес часть своего внимания на форменную одежду, но увы – она безнадежна, и никакие вставки, ушивания, заклески и подкладки ее не спасут. Его шинель всегда мокра, даже в сухие недели она никогда не просыхает в обшлагах. Около пояса она неизбежно уделана маслом и сажой от фонаря. Вот он топает, герой, по ночной

улице в районе доков. В одном кармане у него кусок горохового пудинга в газете, в другом кастет и обязательный складной нож. Этим ножом он вечером, когда свободен от дежурства, чистит морковь для своих кроликов, сидя на ступеньках в своем дворе.

А вот другой пример – кэбмен. Мы совершенно точно знаем, какое облако ароматов окружает его – запах мокрого столярного клея от экипажа, мокрой одежды и дивной смеси джина и пива. Его перчатки и руки иод ними навсегда пропахли креветками. А вот запаха лошади мы не ощущаем, потому что и современники его просто не замечали. В кармане у него хранится большая записная книжка в клеенчатом переплете, полностью посвященная сложным взаимно-кредитным расчетам, в основном в овсе и сене и частично в шиллингах. Вот он наклонился к собственному фонарю и, сопя, вносит туда очередные каракули.

Для того, чтобы точно и достоверно знать одну деталь, нужно знать еще тысячу, а это иногда невероятно трудно. Сотни врачей и полицейских оставили свои воспоминания, зеленщиков и молочников мы видим глазами их клиентов, но сколько воспоминаний оставили, например, газовые слесари? Кассиры в банке? Кто нам достоверно скажет – «такой-то газовый счетчик я терпеть не мог настраивать – там вечно было то-то и то-то?» Кто скажет нам, во что укручивали стопки монет при передаче кассы – в газету? В коленкор? Однако и это можно выяснить, и выяснялось. Но некоторые вещи, даже будучи изученными, все равно остаются неопределенными по самой своей природе. Так, в этой книге почти нет ответов на самый интересный вопрос – что сколько стоило. Тут дело не только в том, что одна и та же шляпа могла стоить семь шиллингов в магазине, шиллинг в ломбарде и стакан пива, будучи сорванной с головы владельца, но и в широчайшей системе кредита, бытовой вексельной практике и прочих сложных обстоятельствах. Финансовые окрестности Бейкер-стрит – тема отдельной книги. В любом случае, вопрос «Сколько стоил саквояж?» так же лишен смысла, как и вопрос, который нам часто задавали: «Сколько лет во времена Холмса давали за убийство?»

Смешно и нелепо упрекать Конан Дойла за его ошибки и неточности. Холмс будет жить вечно и никогда не потеряет своей загадочной привлекательности. Из-за своих невысоких чисто литературных достоинств эта книга будет жить даже тогда, когда и английский язык прекратится. Может быть, среди прочего и потому, что почти всякому читателю сразу же хочется узнать то, чего нет в книге – как мистер Холмс одевался к завтраку, куда миссис Хадсон волокла грязную посуду, как выглядела станция метро Бейкер-стрит и где же находился этот самый Скотланд-Ярд и как он выглядел. Мы постарались собрать в этой книге ответы именно на те вопросы, которые чаще всего возникают, и не растекаться мыслью по древу. Ведь не только тема, например, железной дороги неисчерпаема, не только об обивке разнообразных купе можно написать отдельную книгу, но даже одна лишь дверь вагона – с классическим засаленным ремнем, который должен поднимать неподнимаемую скрипучую раму, продуваемую всеми ветрами и с прорехой в обивке, под которую поколения пассажиров засовывали прочитанные газеты, достойна целой главы.

Мы также вовсе не касаемся загадочного мифа об особых этических нормах викторианского общества, уж бог его знает, откуда он взялся, и на каких реальных крупницахросло это нагромождение нудных и упертых запретов и повелений. Современники Холмса прекрасно ходили при дамах в рубашках, купались в костюме Адама, наливали как чай в молоко, так и молоко в чай, а многие и вовсе заваривали чай совершенно нормальным образом, без кипячения и вовсе без молока. Кроме того, они вовсе не сходили с ума при виде голых женских ног и не заворачивали ножки роялей тряпочками из скромности. Английское поведение и английское безумие были построены совсем на других принципах.

Эта книга – своего рода Шерлок Холмс, расширенный для опытного пользователя. Но необходимости, в ней нет того театра, о котором я писал выше, а только сведения. Что

делать, читатель не обязан читать то, что может показаться ему фантазиями. Но мы надеемся, что книга все равно передаст читателю часть ощущения жизни на Бейкер-стрит, типичной английской жизни – скучной, немного неуклюжей и притягательной.

Один из авторов этой книги, Степан Анатольевич Поберовский, скончался 4 апреля 2010 года. По взаимному соглашению было решено ничего о том из нас, кто умрет или рехнется, в предисловии не писать, но для тех, кто знал Степана, я это соглашение нарушу. Известно, что нельзя создать ничего стоящего, да вообще ничего нельзя создать, не расплачиваясь собой физически. Степан обладал громадным талантом, и этот труд – далеко не самое важное, что Степан сделал и мог сделать, но он был самым прожорливым нашим детищем. Пусть эта книга будет ему памятью.

Автор приносит благодарность Е.Ф. Соковениной и И.Ю. Котину, без помощи которых эта книга не была бы написана.

*Светозар Чернов,
2011*

Итак, приступим. Game is afoot, Watson! Дичь поднята уже!

Глава 1. Где же находится дом миссис Хадсон?

Первое, что нам предстоит – определиться с главным местом действия, где начинались и заканчивались большинство приключений Шерлока Холмса и доктора Уотсона. Ведь точное местонахождение дома 221-б неизвестно, и титанические усилия многих поколений холмсианцев и шерлокианцев установить его так и не дали плодов. Вернее, на эту роль без особых на то оснований претендуют слишком много домов. Дело в том, что во времена Холмса Бейкер-стрит была не столь длинной, как ныне. Она тянулась с юга на север от Портман-сквер до перекрестка с Паддингтон-стрит на востоке и Кроуфорд-стрит на западе. Дальше за перекрестком шла уже улица под названием Йорк-плейс. За пересечением с широкой и шумной Мериленбоун-роуд улица опять меняла свое название и становилась Аппер-Бейкер-стрит – Верхней Бейкер-стрит. Собственно Бейкер-стрит имела всего 84 дома: номера шли сперва по восточной стороне улицы до № 42, а потом, начиная с № 44, в обратную сторону по западной. По каким-то причинам дом № 43 на Бейкер-стрит отсутствовал. В 1921 году Йорк-плейс стала частью Бейкер-стрит, а Аппер-Бейкер-стрит присоединилась к ней в 1930 году, при этом дома были перенумерованы на всем протяжении объединенной Бейкер-стрит, и адресная система приобрела привычное для нас разделение на четную и нечетную стороны улицы. Появился и дом 221, попавший на территорию бывшей Аппер-Бейкер-стрит.

А. Конан Дойл

О том, имел ли сам Дойл в виду какой-то конкретный дом, когда в 1886 году помещал своего героя на Бейкер-стрит, практически ничего не известно. Единственное прямое указание имеется в воспоминаниях сэра Гарольда Морриса (1876–1967) «Взгляд назад» (1960). Сэр Гарольд утверждал, что однажды Конан Дойл обратился к его отцу, известному врачу-дерматологу доктору Малколму Моррису (1849–1927), с которым обсуждал многие детали задуманной им серии детективных рассказов о Шерлоке Холмсе, с вопросом о наиболее подходящем лондонском районе для проживания героев, и тот сказал: «Почему бы не поме-

стить его и Уотсона на Бейкер-стрит, в дом 21, где мой дед Джон Моррис жил после отставки из Бомбейской гражданской службы?» По утверждению сэра Гарольда, Конан Дойлу понравилась идея насчет Бейкер-стрит, и он отправился взглянуть на № 21. Он даже попросил у хозяев посмотреть некоторые комнаты, под тем предлогом, что дед его жил там за пятьдесят лет до того, но в те времена дом был полностью жилым, и его приняли без особого энтузиазма. Дойлу удалось увидеть только холл, гостиную и комнаты позади нее на первом этаже. Писатель был разочарован, потому что ему хотелось увидеть гостиную на втором этаже, которую он намеревался сделать гостиной Холмса и Уотсона. К счастью, доктор Моррис имел подробные сведения о продаже дома 21 по Бейкер-стрит с аукциона 24 ноября 1840 года по распоряжению душеприказчиков покойного Джона Морриса, эсквайра. Изучение этих подробностей да еще два-три визита для внешнего осмотра здания позволили Конан Дойлу распределить комнаты между персонажами. Полагая, что жильцы могут возражать, если он даст дому настоящий адрес и поселит там своего детектива, Дойл добавил цифру 2 перед номером дома и сделал гостиную о двух окнах, а не о трех, как это было в действительности.

Насколько рассказанное Моррисом правда – неясно. В «Таймс» от 14 ноября 1840 года имеется анонс продажи с аукциона мистером Элгудом превосходного жилого дома № 21 по Бейкер-стрит, с двойным каретным сараем и конюшней на 4 стойла, ценной библиотекой и небольшим винным погребом, а также имущества покойного Джона Морриса. Уже к 1881 году этот дом не был исключительно жилым, вопреки указанию Гарольда Морриса об обстоятельствах посещения этого дома Конан Дойлом. Здесь располагалось фотоателье Роберта Фолкнера и Ко., находившееся тут по крайней мере до Первой мировой войны, помещения обойщика и земельного агента Джорджа Маддокса, а в верхних этажах проживал актер Франк Б. А. Арнольд с женой и прислугой. В 1899 году там, кроме Фолкнера, числились: торговля товарами для здоровья “Vigor & Co.”, купец Корнелиус Харнесс, “Columbia Bicycling Manufacturers” и «Христианский институт женщин Германии и Скандинавии».

Более того, упоминавшийся в «Таймс» покойный Джон Моррис из № 21 не служил в Бомбейском президентстве, а был одним из директоров Ост-Индской компании в конце XVIII века. В Мадрасском (а не Бомбейском) президентстве служил его сын, Джон Карнак Моррис, который произвел на свет своего пятнадцатого ребенка, Малколма Морриса, отца сэра Гарольда, в 1849 году. Плохо обстояло у автора мемуаров и с домом напротив фотографического ателье Томаса Фолла, который он с таким воодушевлением считал прототипом дома 221-6. Это был дом 21 по новой нумерации, при жизни же его отца и Конан Дойла он носил номер 77, а не 21, и служил жильем для 10 портних.

Мне не удалось найти сведений о начале знакомства Конан Дойла с Малколмом Моррисом, но к описываемым сэром Гарольдом событиям его отец проживал на Харли-стрит в доме 8, был известным дерматологом, одним из ведущих специалистов в Королевской больнице по кожным болезням, а Конан Дойл был мало кому известным провинциальным врачом, так что если их знакомство не относилось ко временам учебы в Эдинбургском университете, кажется вероятным, что оно должно было произойти позднее, когда социальный статус достаточно Дойла повысился, чтобы он мог вращаться в тех же кругах, что и Моррис.

Правда, вскоре после того, как Конан Дойл опубликовал свою первую повесть про Шерлока Холмса, произошло событие, некоторым, довольно неприятным, образом связавшее Малколма Морриса с Бейкер-стрит. В октябре 1887 года, как раз когда альманах с «Этюдом в багровых тонах» должен был уйти в набор, доктор Моррис по просьбе своего друга Арчибальда Форбса посетил одного страдавшего кожным заболеванием пациента, с которым Форбс состоял в одном клубе. За год до того жена пациента умерла и за ним некому было ухаживать, да и сама обстановка в доме была неподходящая для больного (хозяева держали в нем публичный дом), поэтому Моррис позаботился о перевозе больного в частную клинику на Йорк-плейс, 28. Через три месяца пациент умер, и доктор совсем было забыл

об этом визите, когда в феврале 1889 года ему пришло письмо от поверенного хозяев дома, где проживал когда-то пациент, некоего Леграна и его любовницы Амели Деме, с угрозами возбудить против доктора дело за клевету (согласно этому письму, убеждая пациента переехать в больницу, доктор неодобрительно отозвался о доме и хозяйке, в связи с чем часть жильцов съехала, нанеся хозяйке ущерб в 2000 фунтов) и за нарушение Моррисом обещания жениться, якобы сделанного им хозяйке дома. Моррис подал на шантажистов в суд и выиграл это дело. Легран был приговорен к 5 годам каторжных работ, а его любовница – к 18-месячному заключению. Когда они начали шантажировать доктора Морриса, они проживали уже на Йорк-плейс, 2, то есть практически на Бейкер-стрит. К Леграну мы еще вернемся в других главах.

Возвращаясь к рассказу сэра Гарольда о том, что именно дом 21 был выбран писателем в качестве прототипа знаменитого дома 221-б, приходится признать, что его правдивость остается под сомнением. Во всяком случае, согласно одной из записных книжек Конан Дойла за 1887 год, содержащей черновые наброски к «Знаку четырех», первоначальным адресом детектива должен был стать дом 221-6 не по Бейкер-стрит, а по Аппер-Бейкер-стрит. Но не стал. Как не стал детективом Шерринфорд Холмс, а его другом и биографом – Ормонд Сакер из той же записной книжки.

Существует предание, восходящее, судя по всему, к одному из первых холмсоведов, Винсенту Старрету, что к выбору какого-нибудь реального дома на Бейкер-стрит в качестве дома для Холмса писателя побудил его близкий друг доктор Грей Чандлер Бриггс, известный хирург из американского города Сент-Луис. Во всяком случае, мы имеем свидетельства Алексея Толстого и Корнея Чуковского, что к февралю 1916 года Конан Дойл уже точно определился с местонахождением дома 221-6.

Корней Чуковский. Рисунок Исаака Бродского. 1916

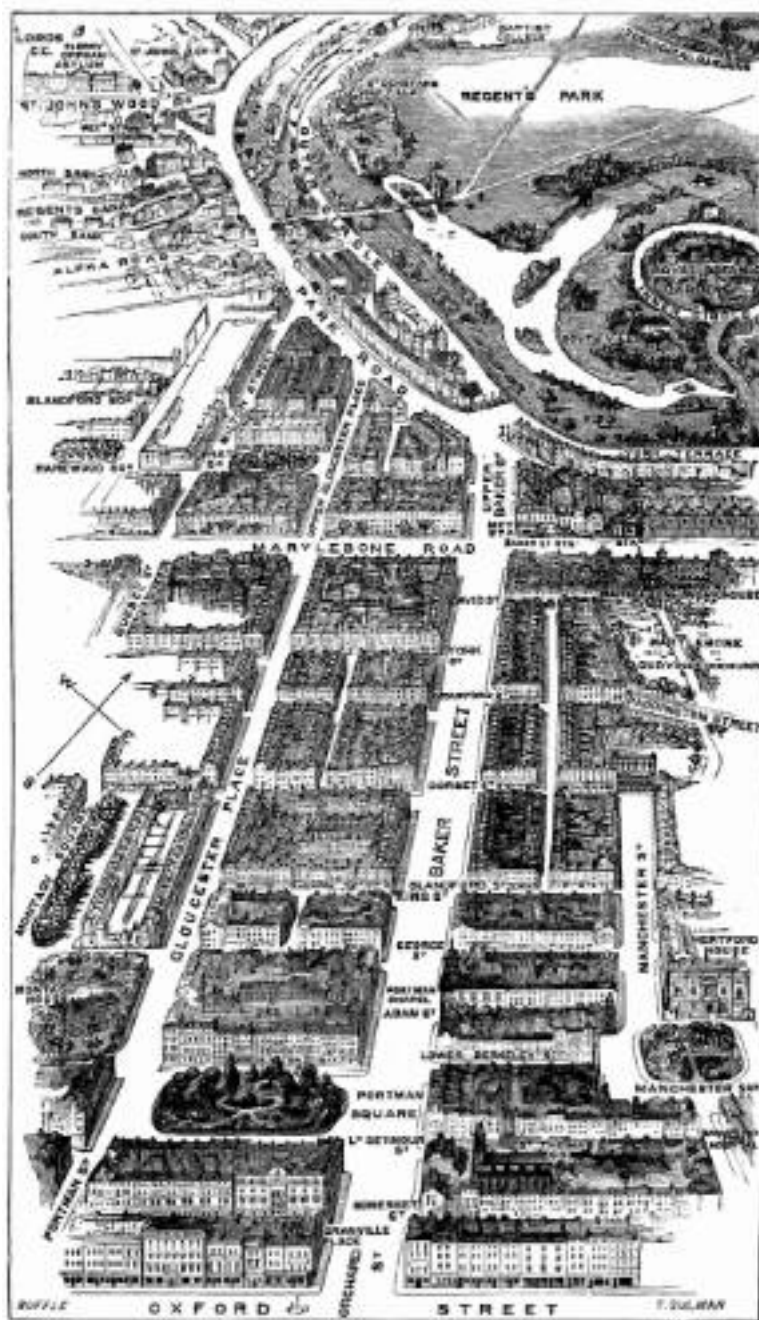
Оба русских писателя входили в состав делегации, посетившей союзников во время Первой мировой войны. В «Чукоккале» Чуковский описывает, как Конан Дойл пришел к ним в гостиницу и предложил провести экскурсию по Лондону. «На Бейкер-стрит, куда мы пришли вместе с ним, – пишет Чуковский, – в том доме, где, по его словам, жил Шерлок Холмс, оказалось фотоателье некоего Фрея». Алексей Толстой пересказывает слова Дойла, в которых тот даже упоминает номер дома: «Однажды я пошел на Бейкер-стрит посмотреть, кто живет в тридцать седьмом номере (квартира Шерлока Холмса и доктора Ватсона). Оказалось, там – фотография». В данном случае мы имеем явную ошибку: в № 37 ни в 1916 году, ни раньше фотографов не было. С 1863 года фотографическое ателье “Elliott & Fry Ltd.”, основанное Джозефом Эллиотом (1835–1903) и Кларенсом Фраем, находилось по адресу Бейкер-стрит, 55 и 56 (это второй дом южнее угла с Дорсет-стрит по западной стороне). Однако Чуковский не утверждал, что Конан Дойл с самого начала поселил своего героя в этом доме. Один из известных фотографических портретов Конана Дойла был сделан им в 1900 году в фотоателье «Эллиота и Фрая» на Бейкер-стрит, и именно тогда писатель мог заприметить этот дом в качестве претендента на роль «настоящего дома» 221-б. Окончательно же он определился, скорее всего, в 1902 или 1903 году, когда был вынужден воскресить великого детектива, ведь именно в рассказе «Пустой дом» впервые появилось достаточно точное указание на местоположение жилища героя.

Попробуем все же, не оглядываясь на поздний выбор Конан Дойла, согласовать имеющиеся в тексте его рассказов и повестей о Шерлоке Холмсе сведения о доме миссис Хадсон и найти реальный дом, который бы наиболее им удовлетворял. Ряд косвенных данных говорит о том, что он был в южной части современной Бейкер-стрит. Так, в «Знаке четырех» Уотсон посещал почтовую контору на Уигмор-стрит, 104, в двух кварталах от Портман-сквер (на Аппер-Бейкер-стрит была своя почтовая контора), а поставщиком сигарет для доктора и крепкого табака Холмсу был некий Бредли, державший табачную лавку на Оксфорд-стрит. Но главный ключ, оставленный нам Артуром Конан Дойлом, содержится в описании маршрута Шерлока Холмса и доктора Уотсона из рассказа «Пустой дом»:

«Я предполагал, что мы едем на Бейкер-стрит, но Холмс остановил кэб на углу Кавендиш-сквера... Мы шли какой-то странной дорогой. Знания Холмсом лондонских закоулков были исключительные, и сейчас он уверенно шагнул через лабиринт внутренних дворов и проходов, о существовании которых я даже не подозревал. Наконец мы вышли на узкую улицу с двумя рядами старых, мрачных домов, которая вывела нас на Манчестер-стрит, а затем на Бландфорд-стрит. Здесь он поспешно свернул в узкий проход, прошел через деревянные ворота в пустынный двор и открыл ключом заднюю дверь одного из домов...

– Знаете ли вы, где мы? – шепотом спросил Холмс.

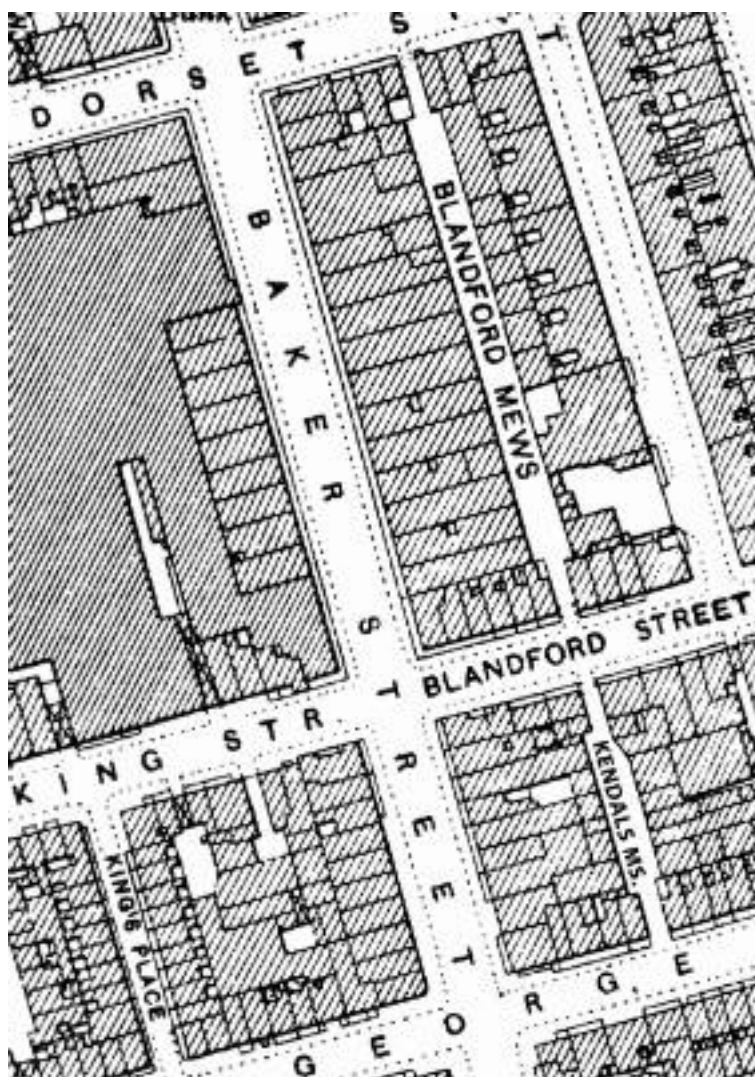
– Кажется, на Бейкер-стрит, – ответил я, глядя через мутное стекло.

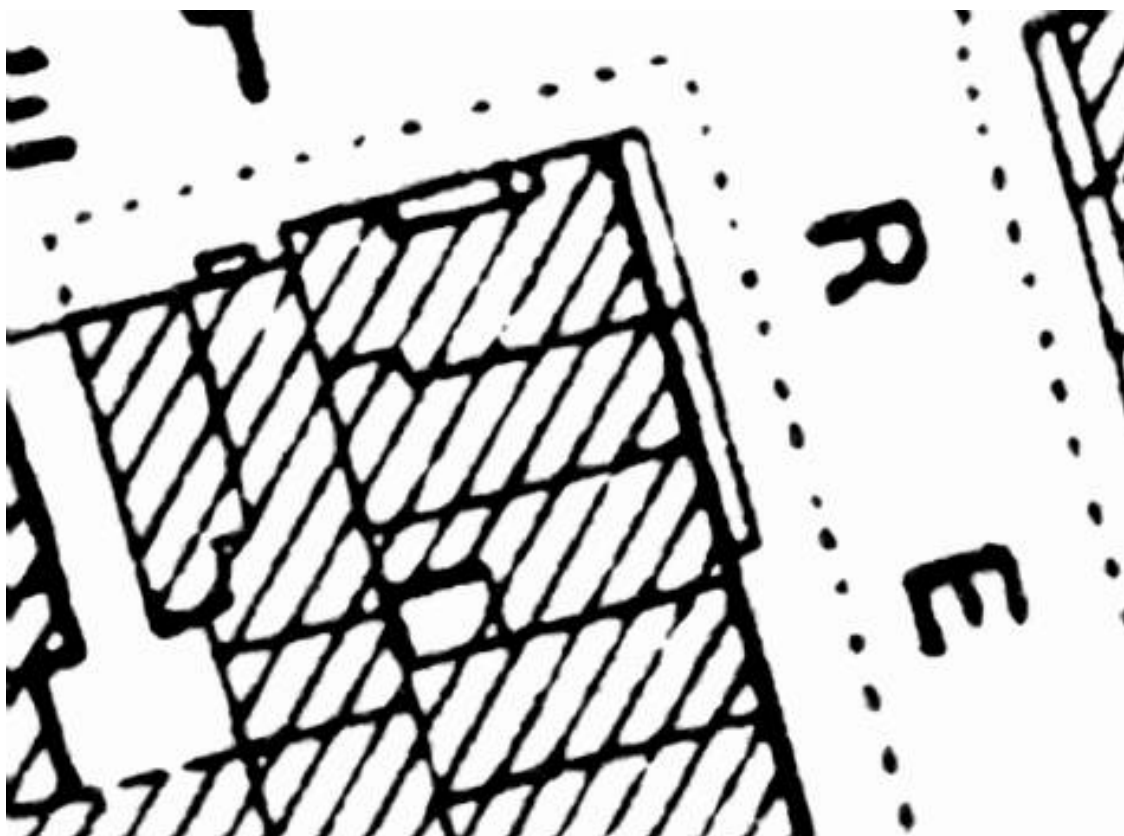
Бейкер-стрит и окрестности. 1891

– Совершенно верно, мы находимся в Камден-Хауз, как раз напротив нашего собственного старого жилища.»

Название Бландфорд-стрит носила восточная часть улицы, пересекавшей Бейкер-стрит примерно посередине, между номерами 15 и 16 (западная ее часть называлась Кинг-стрит). С Бландфорд-стрит можно было свернуть в один из двух узких и параллельных улице Бейкер-стрит проходов: Кендалл-мьюз на юге (между кафе Амлоса Суонелла и домом строителя Дейвида Бейкера) и Бландфорд-мьюз на севере (между домами портнихи мадам Мари и торговли зерном миссис Матильды Беннетт). Эти проходы можно увидеть на приведенном плане – термин *mews* использовался в то время для обозначения проулка или небольшой площади, окруженной домами, которые первоначально служили конюшнями.

*Бейкер-стрит в районе пересечения с Бландфорд-стрит. Фрагмент карты Лондона.
1894*

Дом 72 по Бейкер-стрит. Фрагмент карты Лондона. 1894

Все пытающиеся уяснить местонахождение дома Холмса на основании приведенного отрывка делятся на две партии: тех, кто полагает, что Холмс направился на север в Бландфорд-мьюз, и тех, кто думает, будто он повел Уотсона на юг в Кендалл-мьюз. С некоторой степенью уверенности можно утверждать, что Камден-хауз находился либо южнее номера 15, либо севернее номера 16. А поскольку, очевидно, вход в Камден-Хауз был непосредственно из прохода и никакие другие улицы больше не пересекались, Камден-Хауз не мог располагаться дальше, чем Джордж-стрит, и иметь номер меньше 8, если поворачивать на юг, либо находиться дальше Дорсет-стрит и иметь номер больше 32. Вероятнее всего, Камден-Хауз был одним из ближайших к Бландфорд-стрит домов, в какую сторону с нее ни сворачивай (хотя выбранный самим Дойлом дом требовал от Холмса с Уотсоном пройти по проулку практически до самого конца). Соответственно, дом, выведенный под номером 221-6, находился примерно напротив него на западной стороне Бейкер-стрит, и располагался либо около № 62, либо около № 72.

В рассказе «Загадка Торского моста» можно найти очень важную деталь для определения местоположения № 221-6. Уотсон упоминает одинокий платан, который украшал двор позади дома. Внимательно рассмотрим карту еще раз.

Севернее Кинг-стрит мы видим огромный участок, занимающий большую часть площади квартала. Это Бейкер-стритский базар, о котором речь пойдет немного дальше. На саму Бейкер-стрит здесь выходит всего девять домов, ни один из которых не имеет заднего двора. Южнее Кинг-стрит только один дом имеет такой двор – это дом № 72 (долгое время после перенумерации этот земельный участок имел № 31, сейчас весь квартал застроен громадным офисным зданием). Параллельно Бейкер-стрит на юг от Кинг-стрит шел короткий тупиковый проулок под названием Кинг-стрит-мьюз, но дома, выходившие фасадом на Бейкер-стрит, судя по карте, прямого сообщения с ним не имели. Дом 72 считали домом

Холмса такие мэтры-холмсианцы, как Бернард Дейвис, Дейвид Хаммер и Уильям Баринг-Гулд. Соответственно, Камден-Хаузом в таком случае был дом примерно напротив.

В доме 13, участок которого стоял лицом к лицу с участком 72, находилась, по крайней мере, со времен поселения Шерлока Холмса на Бейкер-стрит, аптека, принадлежавшая Джону Тейлору. Видимо, здесь Холмс всегда покупал кокаин и морфин в периоды угнетающей скуки, канифоль для скрипки, а также препараты для своих загадочных химических опытов. Дом 14, ближе к углу с Бландфорд-стрит, занимали каретники братья Мосс. А непосредственно на углу находился дом 15, при этом был № 15-а и просто № 15. Индексом 15-а обозначались деловые помещения, занятые в то время художником по цветному стеклу Стивенем Мэттьюзом, портнихой выходного платья мадам Кларой Валша и модисткой миссис Эммой Оделл. В № 15 числились портниха мадам Маргарет Грета и дамские портные Янтиан & Моллисон. К 1903 году (предполагаемому времени визита Дойла на Бейкер-стрит во время написания «Пустого дома») аптека оставалась на своем месте и просуществовала после еще, по крайней мере, лет десять. Так что более вероятно, что под именем «Камден-Хауз» был выведен дом 14 или даже 15 (кстати, в 1895 году на аукционе производилась распродажа мебели из этого последнего дома).

Глава 2. Подлинная история дома 221-б

Но вернемся к дому 72, который у Конан Дойла, как мы с этого момента будем считать, носит номер 221-б. Буква «б» (сокращение от «бис»), по утверждению автора классических холмсианских книг Майкла Харрисона («По стопам Шерлока Холмса» и «Лондон Шерлока Холмса»), указывала на то, что квартира Холмса и Уотсона располагалась над магазином или конторскими помещениями, имевшими отдельный вход. Вполне возможно: ведь ни Уотсон, ни Холмс никогда не бывают на первом этаже своего дома. Однако адресов с индексом «б» на реальной Бейкер-стрит не было, наличие же индекса «а» в некоторых случаях означало вообще отдельный дом, как это было с № № 8 и 8-а, которые стояли на разных углах перекрестка с Джордж-стрит.

В «Таймс» и в почтовых справочниках Келли мне удалось найти некоторые сведения о доме № 72. В 1821 году некая английская леди, проживавшая в Париже, где получала образование ее дочь, пожелала принять на себя заботу об образовании еще трех-четырех юных леди, с которыми обещала обходиться, как со своими собственными дочерьми. Обращаться следовало в новые читальные залы мистера Батта по интересующему нас адресу.

Гувернантка с девочкой на улице. Рисунок из журнала "Punch". 1900

В 1827 году здесь проживал некий мистер Френсис, оценщик, земельный агент и бесплатный регистратор, сдававший под коммерческие заведения несколько помещений в Сити и других районах Лондона.

В переписных ведомостях 1861 года здесь зарегистрированы ювелир Эдуард Чапмен, его свояченица-портниха и ее пять коллег-портних, шивших женские платья, а также служанка. Именно Чапмен, судя по всему, устроил в прежде исключительно жилом доме лавку на первом этаже.

В 1878 году некий джентльмен, скрывшийся под инициалами У.Ф., и его жена, вышедшие в отставку педагоги, предлагали принять для образования одного-двух «индийских» (т. е. родители которых состояли прежде на колониальной службе в Индии) или других детей.

В 1881 году, т. е. как раз когда Холмс и Уотсон сняли квартиру у миссис Хадсон, по этому адресу проживал 38-летний холостяк солиситор (стряпчий) Томас Роул.

С 1868 года владельцем дома 72 был Бенинг Арнольд. Родился он в 1824 году в Шордиче на востоке Лондона в семье бумагодела Эдуарда Арнольда, претендовавшего на первое применение машин в бумагоделательном производстве в Англии в 1813 году. Вскоре после окончания школы в Лондоне юный Бенинг был отдан в ученичество по книгопечатной части в типографию Джеймса Хаддона с Касл-стрит в Финсбери, который якобы первым в 1822 г. начал печатать ноты.

Administrative County of LONDON				The undermentioned Houses are situate within the Boundaries of the										Page 3	
Civil Parish		Municipal Borough		Municipal Ward		Urban Sanitary District		Town or Village or Hamlet		Rural Sanitary District		Parliamentary Borough or District		Ecclesiastical Parish or District	
Mraylbone				Palmer				London				St. Margaret		St. Margaret	
Dist. 1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
No. of Household	ROAD, STREET, &c. and No. or NAME of HOUSE	HOUSES (1) (2) (3) (4) (5) (6) (7) (8) (9) (10) (11) (12) (13) (14) (15) (16)	Grade (1) (2) (3) (4) (5) (6) (7) (8) (9) (10) (11) (12) (13) (14) (15) (16)	NAME and Surname of each Person	RELATION to Head of Family	AGE at last Census	AGE at last Census	PROFESSION or OCCUPATION	PROFESSION or OCCUPATION	WEEKS BORN	WEEKS BORN	WEEKS BORN	WEEKS BORN	WEEKS BORN	WEEKS BORN
14	71 Barker St	1	2	Arthur Mobley	Head	m	41	Book Keeper Royal Dock	X	London St. Margaret					
				Anne do	Wife	m	38	Housekeeper	X	London St. Margaret					
				Flora do	Wife	m	6			London St. Margaret					
15	72 Barker St	1		Benjamin Arnold	Head	m	61	Jeweller St. Margaret	X	London St. Margaret					
				Emily do	Wife	m	38			London St. Margaret					
				Benjamin do	Son	m	6	Laborer		London St. Margaret					
				Maudie do	Son	2				London St. Margaret					
				Janet do	Son	3	20	Housemaid St. Margaret		London St. Margaret					
				Elizabeth do	Son	5	27	Laundress do	X	London St. Margaret					
16	73 Barker St	1		Robert F. Elms	Head	m	49	Hairdresser	X	London St. Margaret					
				Margaret do	Wife	m	25			London St. Margaret					
				Elizabeth do	Son	3				London St. Margaret					
				Alfred do	Son	5	27	Hairdresser	X	London St. Margaret					
				Edward do	Son	13				London St. Margaret					

Фрагмент переписи 1881 года для дома 72 с Бенингом Арнольдом

Сам Арнольд хранил у себя как большую драгоценность нотный альбом «Псаломщик», изданный Винсентом Новелло и отпечатанный Хаддоном. Будущий владелец дома на Бейкер-стрит полностью готовил набор для этого издания, содержавшего около 400 псалмов и гимнов. В 1854 году Бенинг Арнольд женился на Офелии Томас, оставил печатное дело и переехал в Бейкер-стрит, 72, принадлежавший в то время У. Ч. Родсу. Кроме жены, у него была служанка, и это при том, что в доме уже проживал ювелир Чапмен с еще 7 людьми! Сперва Арнольд продавал и чинил карманные часы-хронометры, для чего нанимал мальчишку и еще одного человека, а с начала 1860-х переквалифицировался в ювелира и торговца антикварным серебром. Скорее всего, он перенял дело Эдуарда Чапмена, который вскоре исчез из дома вместе со своими многочисленными портнихами-квартирантками. В 1868 году Родс умер, и на аукционе 9 июня Арнольд выкупил дом. По крайней мере, во время переписи 1871 года он проживал здесь только с женой и двумя служанками. В 1874 году жена его умерла, и до начала 1880-х он был одиноким вдовцом, пуская к себе на жительство квартирантов.

MR. BENING ARNOLD

A CENTENARIAN'S MEMORIES

Mr. Bening Arnold, believed to be the oldest man in England, died at the age of 106 at his residence, Camelot, Surrey-road, Bournemouth, on Sunday. He was a wonderful centenarian, having retained his faculties to a remarkable degree until a short time before his death.

A native of London, Mr. Arnold was born on May 23, 1824. He was a son of Mr. Edward Arnold, who carried on the business of a papermaker in London, and who is said to have been the first to introduce a machine for papermaking in England, in 1815. Soon after leaving school in London, Mr. Bening Arnold was apprenticed to the printing trade at the works of Mr. James Haddon, of Castle-street, Finsbury, who claimed to be the first to set music in type, in 1822. One of Mr. Arnold's treasured possessions was an album of music print entitled "The Psalmist," printed by J. Haddon, Finsbury, and published by Vincent Novello. It was set up in type entirely by Mr. Arnold, and contained a collection of about 400 psalms and hymns. After leaving the printing trade Mr. Arnold became a dealer in antique silver in Baker-street, London, for several years. Shortly before taking up his residence at Bournemouth 32 years ago he lost his second wife and one son in the wreck of the *Stella* off Guernsey in 1891. His other son, Major B. M. Arnold, D.S.O., who is a master at Bradfield College, was saved from the wreck after drifting about in an open boat for 15 hours.

At the age of 85 Mr. Arnold took up bowls, having previously been a swimmer and cricketer. He was a member of the *Alum Chine Bowling Club*, Bournemouth, and was a frequent player until he was over 100 years old. He celebrated his 100th, his 101st, and his 102nd birthdays by visits to the bowling green, and actually taking part in games. In September, 1928, he paid his last visit to the green, but he did not play. Mr. Arnold received congratulations from the King on his 100th birthday and was presented to the Prince of Wales at Bournemouth in October, 1927. When he was 105 years of age he recorded his last vote in a Parliamentary election.

Among his recollections was one of the first performance in 1846 of Mendelssohn's *Elijah* at the Birmingham Town Hall. He also recalled the Chartist riots. He had a wonderful memory, and was able to write as well as any man of 60 when he was 100 years of age. Quite recently he was often to be seen taking a walk by himself. He expressed a wish to be interred in the grave of his first wife at Kensal Green Cemetery, and the funeral will probably

Затем Бенинг Арнольд вновь женился, на этот раз на Эмили Муран из Гернси, и произвел на свет двух сыновей и дочь: Бенинга Мурана (1884), Клода (1888) и Мод (1889). Судя по рекламе, которую он давал в 1884 году, он скупал драгоценности и ювелирные украшения и торговал бриллиантами по демпинговым ценам: «обручальные кольца, серебряные тарелки, скупка старого серебра за наличные, на продажу склад бриллиантов от производителя на 40 % меньше себестоимости». Интересно, что похожее прикрытие – продажу бриллиантов по низким ценам в центре лондонской ювелирной торговли Хаттон-Гарденс – имел Адам Уорт, возможно, послуживший Конан Дойлу прототипом «Наполеона преступного мира» профессора Мориарти. Правда, более вероятно, что прототипом Мориарти, или по крайней мере источником фамилии, послужил некий Гильермо Мориарти, занимавшийся скупкой аптекарской посуды и бутылок и живший в Холборне, но нам следует придерживаться более романтической версии.

30 марта 1899 г. при кораблекрушении в Ла-Манше близ Гернси парома «Стелла» мистер Арнольд потерял жену и младшего сына Клода, а старший спасся только благодаря своим навыкам лучшего пловца Лондонской политехнической школы и тому, что мать успела засунуть ему под куртку футбольный мяч.

После трагедии Бенинг Арнольд оставил дом на Бейкер-стрит и перебрался в городок Борнемут в графстве Суррей, в дом на Суррей-роуд под названием «Камелот». Здесь в возрасте 85 лет он увлекся игрой в шары, и с увлечением предавался ей, пока ему не исполнилось 104 года. Со столетием его поздравил король, а в октябре 1927 г. он был представлен принцу Уэльскому. Умер мистер Арнольд, когда ему исполнилось 106 лет.

Имя Бенинга Арнольда периодически проскакивало в «Таймс» в разделе происшествий и судебной хроники. Вечером 6 января 1861 года Арнольд, к слову, бывший лучший ныряльщик и пловец Серпентайна в Гайд-парке, отличился при спасении суперинтенданта Уильямса и следившего за состоянием льда на Серпентайном катке служащего, которые провалились под лед вместе с легкими санками при попытке вывезти на берег спасенного ими, в свою очередь, посетителя.

В сентябре 1894, в год воскресения Шерлока Холмса, Арнольд поместил в «Таймс» объявление: «НАЙДЕН, 18-го см. на Дорсет-стрит, Портман-сквер, ЗОЛОТОЙ КАРАНДАШ. Владелец может получить его по обращении к Б. Арнольду, ювелиру, Бейкер-стрит, 72, дав правильное его описание и оплатив стоимость рекламного объявления».

Ювелирный магазин. Рисунок из журнала "Punch". 1892

Разве не похоже это объявление на то, которое дал Холмс в утренние газеты в «Этюде в багровых тонах»? «Сегодня утром на Брикстон-роуд, на проезжей части между трактиром «Белый олень» и Холланд-Грув найдено простое золотое кольцо. Обращаться к доктору Уотсону, Бейкер-стрит, 221-б, с восьми до девяти вечера».

А шестью годами раньше, тоже в сентябре, Арнольд через «Таймс», наоборот, разыскивал пропажу: «ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ ДЕСЯТЬ ШИЛЛИНГОВ. – ПОТЕРЯНЫ между Бейкер-стрит и Уоррингтон-кресент маленькая ЖЕМЧУЖИНА, БРИЛЛИАНТ и РУБИНОВАЯ ПОДВЕСКА ОТ СЕРЬГИ. Обращаться к Б. Арнольду, ювелиру, Бейкер-стрит, 72».

В сентябре 1888 года, как раз когда Холмс с Уотсоном расследовали дела о «Сокровищах Агры» и «Знаке четырех», в лавку Арнольда в его отсутствие заглянул некий Чарльз Пол и попытался украсть лоток с 18 золотыми часами общей стоимостью 300 фунтов, пользуясь беспомощностью замещавшей хозяина мисс Петуик. В дверях он столкнулся с входившим Арнольдом, выронил поднос и бежал на улицу, но был пойман хозяином ювелирной лавки и сдан полиции. В апреле следующего года Чарльз Серл попытался украсть с прилавка бриллиантовое кольцо стоимостью 50 гиней, однако Арнольд вовремя заметил пропажу. Серл успел выбежать из лавки, но его догнал констебль, и позднее воришка был приговорен к трехмесячному заключению с принудительными работами.

В 1900-х годах в доме Бенинга Арнольда сменились одно за другим несколько заведений. Например, в 1901 году здесь жил голландский парикмахер Николас Говерс с женой. В 1907 году там размещался салон художественной мебели леди Окленд. С этим салоном было связано судебное дело некоего Генри Александера, подрабатывавшего агентом «Придворного путеводителя» Вебстера и посетившего салон с предложением поместить в путеводителе рекламу. Леди Окленд не пожелала этого делать, но агент продолжал исправно навещать ее. Владелице салона даже пришлось написать издателям, но это не помогло. Однажды Александер пришел, когда в салоне был муж леди Окленд, лорд Окленд, который попытался выдворить назойливого агента вон, за что получил по голове. В последующие четыре визита Александер повторил свои нападения на лорда Окленда, и тому пришлось вызывать полицию.

В конце десятилетия в доме на Бейкер-стрит, 72, поселились две дамы: мадам Кейт Берри, модистка, содержавшая здесь в дальнейшем салон, и мадам Жанна Хатлак, корсетница.

BARRI
MATERNITY
GOWNS.

Royal Letters Patent. Unobtainable elsewhere.
Especially designed to create proper balance for
the figure through changing proportions, and is
capable of the necessary expansion without
removal of any fastenings. Many designs for day
or evening wear.

Simple House gown covered over in "Nankin"
size machine, wide waist-belt, and tunic of
black velvet, square neck, with high collar and
net trim, full circular skirt. Price 7½ gns.

For Illustrated Catalogue apply
BARRI, 72, BAKER STREET, W.

Глава 3. Бейкер-стрит

Земля в Англии принадлежала большей частью аристократии, и Бейкер-стрит находилась на территории так называемых портмановских земельных владений.

Сэр Уильям Портман из Сомерсета, лорд главный судья при Генрихе VIII, в 1533 году приобрел 270 акров, простиравшихся от Оксфорд-стрит до Сент-Джонс-Вуд.

Вплоть до 1755 года главным занятием в этом районе было свиноводство и производство компоста из «ночной почвы», как тогда называли человеческий кал, используемого для удобрения земли (забавно, что Уотсон, проживая здесь позднее, и весь Лондон называл «эта великая выгребная яма»). Новый владелец земли Эдуард Беркли Портман затеял на своих землях строительство многоквартирных кварталов, сдаваемых в долгосрочную аренду.

Это строительство началось на юге портмановских владений и распространилось вдоль Эдгуар-роуд и Бейкер-стрит. Сама Бейкер-стрит прокладывалась с 1755 года Уильямом Бейкером, девонширским соседом Портманов, и была названа в его честь. К 1820 году уличная сеть на портмановских землях приобрела вид, более-менее узнаваемый и сегодня, и первоначальная застройка была в основном завершена.

Подметальщик, прочитавший о грядущей реформе уборки улиц. Рисунок из журнала

Большинство домов на Бейкер-стрит были построены в первой трети девятнадцатого века, то есть в позднегеоргианском стиле (точнее, в стиле Регентства – в 1811 – 1830-е годы), и представляли собой типичный образец английской ленточной (террасной) застройки, когда дома стояли в ряду одинаковых домов и соседние дома имели общие стены. Уже в середине XIX века этот район не был слишком престижным, так как находился у самой границы «старого» Лондона, за которой начинались унылые, безликие и не всегда качественные новостройки. Тем не менее дома здесь считались достаточно добротными. В романе «Домик в Аллингтоне» (1864) Энтони Троллоп писал: «Мы знаем, насколько мерзко звучит Бейкер-стрит и как совершенно омерзительно для утонченного уха название Фицрой-сквер. Однако дома в этих окрестностях солидны, теплы и хорошего размера».

К концу георгианского периода прежде строгое правило – терраса должна выглядеть как единое целое – перестало соблюдаться неукоснительно, и отдельные дома стали несколько отличаться друг от друга. Для георгианских домов было характерно использование желтых кирпичей местной лондонской формовки вместо красных; считалось, что они больше похожи на камень. От копоти желтый цвет превращался в желто-бурый и выглядел очень непрезентабельно. Наружные стены первых этажей таких зданий обычно были рустованы так называемым «Патентованным камнем Коуда» либо штукатурились и красились. В середине XIX века стало модно использовать краску светло-кремового цвета, а гравированные по штукатурке линии, имитировавшие камень, заполнялись серой краской. Крыши домов были крыты черепицей из природного сланцевого уэльского шифера, обычно синего, синего или зеленовато-серого, хотя оттенки колебались от темно-серого до серебристо-серого, даже багрянистого или сливового и сине-серого. Впрочем, с мостовой эти крыши обычно видны не были, так как ради экономии кровельного материала их делали с низкими скатами, а стены по тогдашним правилам пожарной безопасности должны были, по крайней мере, сантиметров на сорок возвышаться над краем крыши.

Из других характерных черт георгианских домов на Бейкер-стрит можно упомянуть наличие веерообразного светового окна над входной дверью, использование антаблементов, фронтонов, консолей и либо пилястр, либо колонок для оформления дверных и оконных проемов, а также установку простых подъемных окон с верхней и нижней скользящими рамами, которые могли сдвигаться вертикально независимо одна от другой. Из-за технологических ограничений и высокого налога на стекло до 1850 года в оконных рамах использовались частые переплеты, позволявшие застеклять окно при помощи стекол небольших размеров. С развитием технологии и ликвидацией налога стало возможно использовать большие стекла, но в 1870-х вновь стали модны мелкие стекла, правда, только в верхней половине окна.

Земля под строительство предлагалась на условиях аренды, и арендная ставка основывалась на размере строящегося дома. В среднем, согласно строительному кодексу 1774 года, тарифные разряды были следующие:

- четвертый разряд: размер до 350 кв. футов;
- третий разряд: 350–500 кв. футов;
- второй разряд: 500–900 кв. футов;
- первый разряд: от 900 кв. футов и выше.

Учитывалась площадь земли под домом, а не всех помещений. Дома первого, второго и третьего разряда были четырехэтажными, четвертый разряд имел лишь три этажа. Дома первого и второго разряда имели по фасаду три окна, дома третьего и четвертого – только два. Учитывая количество народа, проживавшего в доме миссис Хадсон: сама квартирная хозяйка, кухарка, горничная (а также, возможно, мальчик-слуга) и двое квартирантов, при том, что на первом этаже располагалась лавка, – можно предположить, что дом № 221-б

принадлежал, скорее всего, к третьему разряду, т. е. имел по фасаду два окна. Это подтверждается описанием гостиной в «Этюде в багровых тонах».

Сама миссис Хадсон была скорее арендатором, чем свободным владельцем одного (а может, даже нескольких – мы ничего не знаем об этом) зданий. Тот же Бенинг Арнольд, как я вскользь упоминал уже, владел арендой не только дома 72 по Бейкер-стрит. В 1867 году он подавал объявление в газеты о сдаче внаем мастерской, с большой гостиной и пристроенной конюшней, специально приспособленной для художников-любителей, коллекционеров книг и т. д. Располагалась мастерская близ Кавендиш-сквер, в весьма респектабельном районе. В 1878 году в «Таймс» было опубликовано объявление о сдаче в аренду на 12 месяцев небольшого меблированного дома в Бекенеме за 3 гиней в неделю. Адресоваться следовало к владельцу дома 72 по Бейкер-стрит, т. е. к тому же Арнольду.

Конечно, миссис Хадсон была в иной ситуации, чем ювелир. Скорее всего, оставшись одна после смерти мужа, она не обладала достаточными средствами для комфортной жизни без каких-то дополнительных доходов. Аренда на недвижимость в респектабельном жилом районе не только давала ей крышу над ее собственной головой, но и приносила достойные поступления, на которые она могла жить. Мы не знаем точно, когда миссис Хадсон стала хозяйкой в доме 221-б; мы даже не знаем, была ли она пожилой дамой или молодой интересной вдовушкой, поэтому приведем несколько газетных объявлений, появившихся в «Таймс» на рубеже 1870 – 1880-х годов:

«Бейкер-стрит, близ Портман-сквер. 21-годовая аренда. Плата 210 фунтов. Страховой взнос, включая недвижимый инвентарь, 220 фунтов. Рента без страхового взноса 220 фунтов, недвижимый инвентарь 50 фунтов. Агенты Браун и Ко., Дьюк-стрит, 2, Гроувенор-Сквер, 3.»

Гувернантка с девочкой на улице. Поодаль молочник с тележкой. Рисунок из журнала "Punch". 1901

«Хороший ЧАСТНЫЙ ДОМ на Бейкер-стрит, держится в течение короткого, не истекшего еще срока прямо от лорда Портмана, продается с правом продления. Цена 160 фунтов».

«14-комнатный дом близ Портман-сквер, сдается, немеблированный, рента всего 200 фунтов ежегодно. Страховой взнос номинальный».

Какой-то похожий вариант был предоставлен и агентами по недвижимости, к которым обратилась миссис Хадсон. На самой Бейкер-стрит тоже было несколько агентств, в частности, Джордж Маддокс, земельный агент и обойщик мебели, возглавлял контору Портмановского агентства в № 20, а в №№ 68–69 находилась контора агентов по недвижимости (а по совместительству обойщиков) Друса и Ко.

Примеров объявлений о сдаче в наем квартир в 1881 году – миссис Хадсон наверняка давала объявление в газеты – тоже предостаточно. Выглядели они примерно так:

«КОМНАТЫ, меблированные, 221-б, Бейкер-стрит, Портман-сквер, для одного или двух джентльменов. Гостиная с одной или двумя спальнями, хорошая кухня. Обращаться на месте к м. Хадсон».

«Лондонские словари» Диккенса-сына в конце 1870-х и в 1880-е сообщают, что в районе, где подыскивали себе жилище Шерлок Холмс с доктором Уотсоном, гостиную со спальней можно было снять по цене от 15 до 30 шиллингов в неделю. Холмс с Уотсоном сняли

гостиную с двумя спальнями и пансионом, что стоило им несколько дороже. По мнению Майкла Харрисона, размер этой оплаты был 4 фунта (может быть 4 гиней) в месяц, т. е. по 10 шиллингов с носа еженедельно. Мы точно знаем размер пенсии Уотсона в 1881 году, платившейся ему правительством в течении девяти месяцев для восстановления здоровья – 11 с половиной шиллингов в день, так что в неделю за вычетом квартирной платы доктору оставалось 3 фунта 10 шилл. 6 пенсов. Позднее он получал то ли пенсию по ранению, то ли половинное жалование как военный хирург в запасе – в двух разных рассказах Конан Дойл указывал разные варианты. Харрисон считал, что в дальнейшем миссис Хадсон могла снизить сумму до 3 фунтов за «постоянство», но как раз потом проблема оплаты уже не стояла так остро: ведь и материальное положение Шерлока Холмса росло вместе с его известностью. (Не будем брать в расчет Уотсона, который все время норовил жениться и удрать от своего беспокойного и беспорядочного в привычках друга).

В рассказе «Шерлок Холмс при смерти», опубликованном в 1913 году, доктор Уотсон писал: «С другой стороны, платил он по-княжески. Я не сомневаюсь, что тех денег, которые он выплатил миссис Хадсон за свои комнаты за годы нашей с ним дружбы, хватило бы на покупку всего ее дома». Более того, со временем Холмс явно расширил количество занимаемых им в доме помещений, на что имеются некоторые косвенные указания, которые будут обсуждаться далее.

Существовало три варианта оплаты – понедельно, ежемесячно и каждую четверть года, – как правило, в марте, июне, сентябре и декабре (в т. ч. 29 сентября в день Св. Михаила и 29 декабря с возможностью отсрочки в 15 дней). Скорее всего, Холмс с Уотсоном поначалу платили ежемесячно.

Познакомимся теперь с течением жизни на Бейкер-стрит, а затем я расскажу о соседях великого детектива.

«Рано утром, до того как трубы зданий и фабрик, железнодорожных машин и пароходов успеют заполнить воздух дымом, Лондон представляет необычное зрелище. Он выглядит чистым. Здания имеют приятный вид; утреннее солнце золотит грязную акваторию Темзы; арки и быки мостов выглядят легче и не столь неуклюжими, как днем, да и публика на улицах тоже весьма отличается от прохожих, которые переполняют их в более поздний час», – писал в 1850-х годах немецкий путешественник Макс Шлезингер.

Подобное состояние лондонских улиц бывало также по воскресеньям в теплые летние дни, когда фабрики были закрыты, и уголь жгли только на кухнях жилых домов. В остальное время дымный туман висел над Лондоном, даже когда настоящего тумана не было. Он мог иметь различный цвет: синеватый, грязно-серый или даже бурый, и приносил с собой резкий неприятный запах. Чтобы описать такой день, когда на уровне земли не было никакого тумана, а солнце закрывалось фабричными дымами, современники Холмса использовали такие термины, как «дневная тьма» (day darkness) или «верховой туман» (high fog). В «Этюде в багровых тонах» днем, когда улицы не были затянуты туманом, инспектор Лестрейд вынужден зажечь спичку, чтобы продемонстрировать Холмсу надпись на стене пустого дома.

«Лондон вообще некрасив, угрюм и грязен, – вспоминал в своей книге «Тени минувшего» бывший народоволец, а впоследствии адепт монархизма Лев Тихомиров, посетивший Лондон в начале 1884 года. – В мрачной лондонской атмосфере, пропитанной дымными туманами, все чрезвычайно быстро чернеет. Там даже крахмальные рубашки нужно менять два-три раза в день.

Земляные работы по прокладке электрического кабеля. Рисунок из журнала "Punch". 1890

Знаменитый собор Святого Павла, выкрашенный в белый цвет, похож на какую-то зебру, так как все части стен, более подверженные действию ветров, превратились в черные полосы на относительно белом фоне. Вывески по улицам тусклы, иногда совсем почернели, а для того чтобы они были сколько-нибудь красивы, их нужно подкрашивать очень часто. Эта черноватая туманность, придающая Лондону такой мрачный вид, происходит от соединения двух условий: сырого воздуха и массы фабричного дыма. Частишки дыма обволакивают частички паров, и из этого смешения образуется тяжелое, грязное облако, лежащее над землей и с трудом сдуваемое ветром.

В относительно очень светлое время я выходил на Темзу – посмотреть на великую английскую реку и, можно сказать, немного увидел. Правда, был смутно замечен даже противоположный берег – а Темза гораздо шире Невы – но трудно было что-нибудь рассмотреть. Разные суда, копошившиеся по реке, были видны тоже плохо, да и сама Темза имела вид какого-то тяжелого, гигантского стока помоев».

Но еще до того, как дым заволакивал лондонские улицы, на Бейкер-стрит появлялись «подметальные машины» – фургоны с грубыми щетками, смонтированными на вращающемся барабане. Приходские управления общественных работ ежегодно нанимали кучеров специально для этих устройств. Вращающиеся щетки собрали уличную грязь и накапливали ее в фургоне. Хотя качество уборки улиц этими машинами было ниже, чем если бы это делали дворники с метлами, и они наносили некоторый вред дорожному покрытию – в тех случаях, когда оно было асфальтовое или деревянное, – использование машин позволяло убирать улицы быстрее и дешевле. Медленно, с глухим грохочущим звуком они двигались вдоль улицы, выстроившись по две-три в ряд, и убирали пыль и мусор, накопившийся с вечера. Летом также проезжали водовозы на телегах, на которых были установлены железные прямоугольные баки с торчавшим сзади отрезком перфорированной трубы, и поливали дороги, чтобы прибить пыль.

Уличная сценка. Рисунок из журнала "Punch". 1891

Затем начиналось время прибытия торговцев на лондонские рынки. По Бейкер-стрит пролегал маршрут тех, кто намеревался попасть на Портманский сенной и овощной рынок на Карлайл-стрит (он находился на северо-западе, юго-западнее Риджентс-парка) и на Клерский и Ньюпортский продуктовые рынки в центре. Быстрой рысью проносились фургоны и телеги с овощами, торопясь поспеть к ранним покупателям. Их сменяли угольные фургоны и телеги с пивоваренных заводов, которым разрешалось разгружаться на основных улицах города только в определенные часы. Одновременно легкие двухколесные тележки мясников, торговцев рыбой и хозяев гостиниц проносились в надежде успеть выбрать самое лучшее и закупить по низкой цене. Тогда же на свет Божий выбирались из люков и отправлялись по домам рабочие, чьей заботой были подземные газовые и водопроводные коммуникации и канализация столицы, а в других частях Лондона нужда выгоняла на улицы докеров и складских рабочих, работников потогонных мастерских.

Бейкер-стрит была улицей дорогих портных и фотографов, поэтому деловая жизнь начиналась здесь несколько позже. Между семью и восемью утра по улице проезжали первые omnibuses: Бейкер-стрит отнюдь не была тихим и спокойным местом – днем она была одним из самых загруженных в транспортном отношении проездов. Именно здесь ходили из северного Лондона в южный и обратно зеленые omnibuses линии «Атлас», здесь всегда было полно кэбов и частных экипажей.

Незадолго до 8 утра невыспавшиеся половые в трактирах и приказчики в лавках начинали снимать ставни на своих заведениях. Грузные чемоданами, саквояжами и картонками кэбы спешили доставить пассажиров на железнодорожные вокзалы к утренним поездкам. На улицы выходили клерки, отправлявшиеся в банки и другие места службы. Разносчики утренних газет оглашали воздух своими криками. К 10 часам все окна и двери были уже открыты, жизнь на Бейкер-стрит кипела вовсю, тротуары были заполнены людьми, а по проезжей части с грохотом и шумом двигались бесчисленные экипажи. У перекрестков дежурили старики и мальчишки с метлами, называвшиеся по-английски *cross-sweeper* 'ами; их задачей было разметать мостовую перед переходившими улицу дамами и господами от навоза и пыли. Часто среди юных метельщиков дамы избирали любимчиков, доверяя только им обеспечивать чистоту своих подошв и давая щедрые чаевые, а на Рождество оделяя подарками.

Начиналось время уличных торговцев, переходивших от двери к двери, предлагая хозяйкам и кухаркам свои товары. Во время завтрака или утреннего чая у дверей дома миссис Хадсон могли появиться девочки, продававшие свежий кресс-салат. Сразу после завтрака появлялись мальчишки в голубых блузах и темно-синих передниках, собиравшие заказы на мясо. Почти наверняка кухарка миссис Хадсон пользовалась этой услугой, потому что мясных лавок в окрестностях дома на Бейкер-стрит не было. Спустя несколько часов мальчишки возвращались с лотками, полными кусков мяса; к каждому был приколот ярлык с написанными ярко-синими чернилами именем и адресом заказчика. Сходить в кондитерскую за булками было недалеко, а вот молоко в доме 221-б покупали у молочников или у женщин-селянок в белых сорочках, которые ходили по улицам с двумя закрытыми ведрами, подвешенными на коромысло.

Обычным зрелищем на Бейкер-стрит были продавцы сдобы с колокольчиком и с лотком на голове, торговцы «едой для кошек», продававшие из корзин или с тележек конину, покупаемую ими на живодернях, и мальчишки, собиравшие на улицах навоз и потом продававшие его домохозяевам как садовое удобрение. Миссис Хадсон вполне могла быть клиентом таких мальчишек, потому что на Бейкер-стрит она была одной из немногих, кто имел небольшой садик, да еще с растущим в нем платаном. Ходили зеленщики с запряженными пони тележками, с которых они торговали всевозможными фруктами и овощами, кроме апельсинов и каштанов.

Уличный торговец. Рисунок из журнала "Punch". 1892

Уличная сценка. Рисунок из журнала "Punch". 1892

С конца мая и до середины июня улицы были заполнены барышнями, продававшими клубнику. Их крики «Прекрасная земляника! Спелая! Вся спелая!» призывали жителей купить самую вкусную ягоду из тех, что выращивались на Британских островах. Летом на Бейкер-стрит можно было встретить продавщиц вишен, продавщиц лаванды, цветочниц с тачками или лотками и продавца липучек для мух в поношенном старом цилиндре, вокруг которого были наклеены липучки с пойманными мухами. Осенью на улицах продавали длинные красные подушечки от сквозняков, наполненные опилками; этими подушечками закрывали щели под дверями и окнами. Зимой у уличных торговцев на Бейкер-стрит можно было купить жареные каштаны и печеный картофель.

Многие уличные торговцы имели постоянные места. Обычно в окрестностях трактиров устанавливались утром и разбирались вечером лотки и палатки торговцев фруктами и овощами, продавцов сладостей, тушеных угрей, бараньих ножек и устриц. Имели свои постоянные места и чистильщики обуви. На «приличных» улицах, в том числе наверняка и на Бейкер-стрит, это были члены т. н. «Бригады чистильщиков», имевшие красную униформу и подчинявшиеся единому управлению. «Всегда занятый чистильщик сапог, – описывал члена этой бригады американец Дж. М. Бейли в книге «Англия с заднего входа»

– в красной рубашке и картузе с околышем, который всегда одной рукой указывает укоризненно на ваши грязные туфли, а другую прикладывает уважительно к своему картузу.» За свое постоянное место чистильщики платили своей организации, взимая с клиентов за наваксивание пары туфель один пенни.

В то же время начинали свое печальное шествие вдоль водосточных канав люди-сэндвичи с рекламными плакатами спереди и сзади – им не разрешалось ходить по тротуару, а на проезжей части было опасно. Более того, они не имели права приближаться друг к другу на расстояние менее 30 м.

«Людам, одетым в гротескное платье рекламного характера, не позволяется здесь [в Лондоне – С.Ч.] пугать лошадей и оскорблять утонченные вкусы вроде моего, – писал Дж.

Бейли, – но вы можете видеть большое число их торжественно шествующими взад-вперед, с рекламными щитами, несомыми спереди. Однако им не позволяют идти по тротуарам и они должны ограничить свои хождения сточными канавами. Им платят четырнадцать пенсов в день, и они редко теряют хотя бы день из-за расстройства желудка.»

Чистильщик обуви. Рисунок из журнала "Punch". 1894

В конце дня на Бейкер-стрит появлялись продавцы съедобных ракушек и мидий, а в будние дни во время вечерней трапезы шествовали половые из трактиров, которые несли деревянные рамы, разделенные продольно на две части, с двумя закрепленными в них металлическими кувшинами – один с портером, другой с более крепким темным пивом – стаутом. Они шли по известным им адресам, но доктор Уотсон или Шерлок Холмс, приметив их из окна, могли пригласить подняться к себе в гостиную.

К этому времени жизнь на Бейкер-стрит начинала успокаиваться. По улицам пробежали фонарщики с лестницами. Они ловко карабкались на фонари, открывали дверцу, зажигали горелку и, спустившись вниз, бежали до следующего фонаря. Высота фонарного столба была около 3–3,5 м, расстояние между ними на Бейкер-стрит было около 20 м, на более тихих и бедных улицах оно могло составлять до 40 м. Обыкновенно один фонарный рожок расходовал 150–200 л газа в час. Позднее, когда появились интенсивные газосветильные горелки, высота фонарного столба увеличилась до 8 м, а потребление газа выросло до 1600 л.

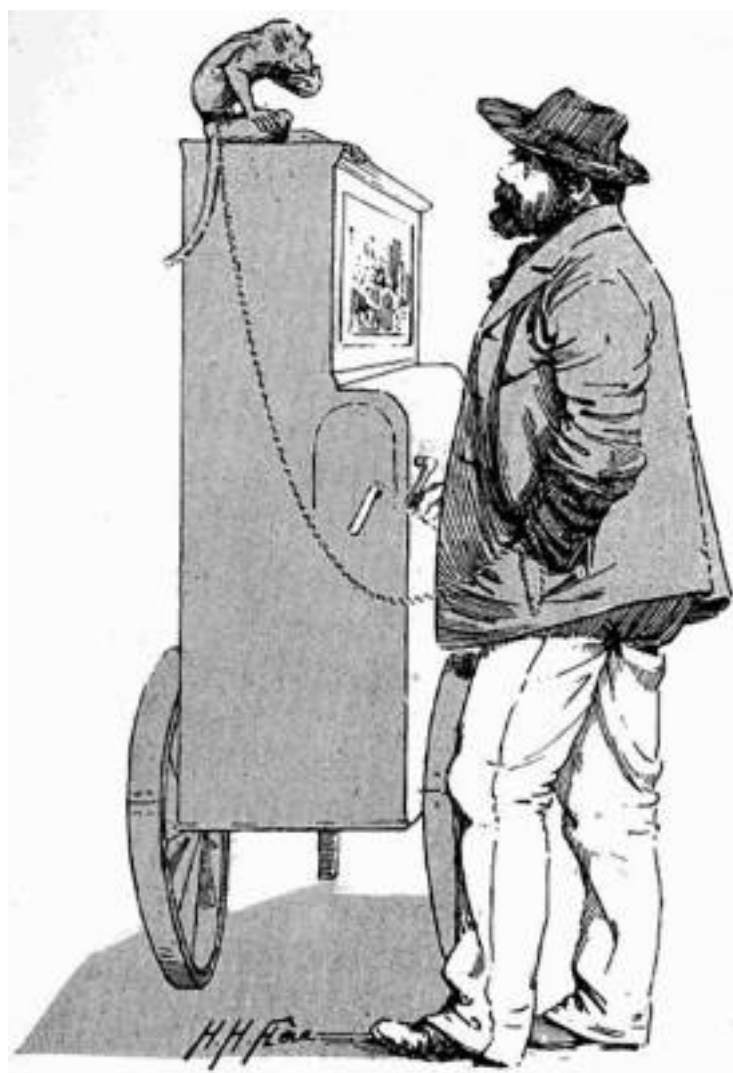
Уличные музыканты. Рисунок из журнала "Punch". 1892

С 9 до 9:30 вечера по рабочим дням, с 10:30 до 11 вечера в пятницу разбирались палатки и ларьки. К полуночи только трактиры, табачные лавки да аптеки все еще работали. Правда, по субботам многие лавки продолжали свою работу тоже до полуночи. В половине первого закрывались трактиры, и жизнь окончательно замирала до утра. Таково было ежедневное течение жизни на Бейкер-стрит. Если только на Лондон не спускался настоящий смог.

Помните описание лондонского смога в «Чертежах Брюса-Партиingtonа»?

«На третьей неделе ноября 1895 года на Лондон спустился густой желтый туман. Я сомневаюсь, было ли вообще возможно с понедельника до четверга из окон нашей квартиры на Бейкер-стрит различить очертания зданий на противоположной стороне. Первый день Холмс потратил на приведение в порядок своего толстого справочника, снабжая его перекрестными ссылками и указателем. Второй и третий день были им терпеливо посвящены предмету, недавно ставшему его коньком – музыке средневековья. Но когда на четвертый день мы после завтрака, отодвинув стулья, встали из-за стола и увидели, что за окном жирное, бурое коловращение все так же медленно ползет мимо, маслянистыми каплями оседая на стеклах, нетерпеливая и деятельная натура моего друга решительно отказалась влачить дольше столь унылое существование. Досадуя на бездействие, с трудом подавляя свою энергию, он расхаживал по комнате, кусал ногти и постукивал пальцами по мебели, попадавшей на пути.

– Есть в газетах что-либо, достойное внимания? – спросил он.

Итальянский шарманичик. Рисунок Х.Х. Флор из журнала «The Sketch». 1893

Лондонская погода. Вдалеке видна печь для нагревания битума, использовавшегося при дорожных работах. Рисунок из газеты "The Illustrated London News". 1891

Я знал, что под «достойным внимания» Холмс имеет в виду что-нибудь из мира преступлений. В газетах были сообщения о революции, о возможности войны, о неминуемой смене правительства, но все это находилось вне сферы интересов моего компаньона. Я не смог заметить ничего такого, что было бы облечено в форму преступлений, не носивших обычный пустяковый характер. Холмс издал стон и возобновил свои беспокойные блуждания.

– Лондонский преступник – безусловно, унылый бездарь, – сказал он ворчливо, словно охотник, упустивший добычу. – Гляньте-ка в окно, Уотсон. Видите, как вдруг возникают и снова тонут в клубах тумана смутные фигуры? В такой день вор или убийца может рыскать по Лондону, словно тигр в джунглях, невидимый, пока не нападет внезапно, но даже тогда его увидит лишь сама жертва.

– Произошло множество мелких краж, – заметил я.

Холмс презрительно фыркнул.

– Эта величественная и мрачная сцена предназначена для чего-то большего, – сказал он. – Счастье для общества, что я не преступник».

«Посмотрите в окно. Как уныл, отвратителен и безнадежен мир! – говорил скучавший без дела Шерлок Холмс Уотсону в «Знаке четырех». – Посмотрите, как желтый туман клу-

бится по улице, обволакивая грязно-коричневые дома. Что может быть более прозаично и грубо материально?»

А вот еще одно описание смога холодным туманным утром ранней весной, на этот раз из «Медных букв»:

«Густой туман тек между рядами сумрачных домов, и окна напротив маячили темными бесформенными пятнами сквозь тяжелые желтые клубы».

Классический лондонский смог возникал оттого, что с туманом соединялся дым от сжигания большого количества угля в домах и на многочисленных фабриках и заводах. 1880-е годы, то есть первые десять лет дружбы Шерлока Холмса и доктора Уотсона, были пиком этих туманов. Если между 1871 и 1875 Лондон был окутан смогом 51 день в году, то между 1881 и 1885 это было уже 62 дня, а между 1886 и 1890 – 74 дня в году. Самые густые туманы возникали в ноябре и могли продолжаться до самой весны. Кроме мистической и тревожной атмосферы, которую клубы тумана создавали на лондонских улицах, они служили источником множества вполне реальных проблем. Во-первых, туманам всегда сопутствовало полное прекращение движения городского транспорта. Если бы Холмс с Уотсоном дольше смотрели на Бейкер-стрит, окутанную гороховым туманом, они бы увидели, как пробираются по улице омнибусы, предшествуемые специальными провожатыми с факелами или фонарями в руках. Конной железной дороги на Бейкер-стрит не было, но в Лондоне это был единственный, помимо омнибусов, вид транспорта, рисковавший выходить на маршруты. Наемные кэбы в такую погоду были беспомощны, поскольку кэбменам нужно было самим искать путь во мгле и никто в этом деле не помогал им. В таких случаях самым быстрым и надежным средством передвижения становилась подземка. Однако самой большой проблемой была угроза для здоровья. В течение одной туманной недели 1880 года от респираторных заболеваний умерло на 600 человек больше, чем в обычные недели без тумана. В 1878 году сотни голов крупного рогатого скота погибли от удушья на сельскохозяйственной выставке в пригороде Лондона Излингтон, и еще больше было прирезано из «гуманных соображений».

«Я был в Лондоне в светлое, по-тамошнему, время, так что несколько раз видел красный диск солнца, однако и при мне туман несколько раз мешал находить дорогу на улицах, – вспоминал Лев Тихомиров. – А лондонцы говорят, что когда наступает настоящий туман, то на улицах не видно экипажей и на тротуаре человек пропадает из виду уже в двух шагах».

Натаниэль Готорн в своих «Английских тетрадах» за 1859 год описывал довольно легкий лондонский смог так:

«В то утро, когда настало время вставать, был только лишь слабый отблеск дневного света, и у нас на столе за завтраком, почти в десять часов, стояли свечи. Снаружи был плотный, тусклый туман, заволокший все настолько, что мы едва могли видеть противоположную сторону улицы. В одиннадцать часов я вышел в самую середину этого тумана, который в тот миг казался несколько более смешанным с дневным светом; ибо, казалось, происходят непрерывные изменения в плотности этой тусклой среды, которая меняется так сильно, что вот сейчас вы можете видеть не дальше своей руки, а мгновение спустя вы можете видеть, как кэб выскакивает из сумрака в двадцати ярдах от вас...

Я пошел домой через Холборн; туман был более плотен, чем когда-либо – очень черен, действительно более похожий на квинтэссенцию грязи, чем на что-нибудь еще; призрак грязи, одушевленная сущность грязи, отошедшей в мир иной... Добравшись до дома, я обнаружил, что туман распространился по гостинной, хотя как он мог проникнуть в нее – тайна. Начиная с сумерек, однако, атмосфера снова ясна».

Настоящие туманы, – утверждал известный английский журналист Джордж Сала, – «были туманами, осязаемыми на ощупь, так что вы могли... закупорить их в бутылку для дальнейшего осмотра». Автор «Живописных зарисовок Лондона» Томас Миллер говорил, что в тумане человек чувствовал себя оказавшимся «в растворе желтого горохового пудинга,

достаточно густого как раз для того, чтобы проходить через него, не будучи совершенно удушенным или полностью задохнувшимся... каждый раз, когда вы открываете рот, вы глотаете его, и целый день вынуждены жечь свет и, в дополнение к туману, вдыхать пары от газа, свечи или лампы, у которых шанс на спасение не больший, чем у вас, так как горят они тускло, желтым светом и дурно... [уменьшение количества кислорода в заполненном смогом воздухе сказывалось на яркости горения газа. – С.Ч.] Вы осторожно ступаете вперед, нащупывая ваш путь вдоль стен, окон и дверей всякий раз, когда есть возможность, пока вы, наконец, не кувырнетесь с головой в какой-нибудь подвал... или, возможно, подземный угольный погреб... Вы опять выбегаете на улицу; а поскольку вы не можете видеть ни на ярд перед собой, то ломаете ноги о бидон молочника... Даже тот, кто хорошо знаком со всеми углами и закоулками нашего далеко распростершегося города, удивительно обманываются в расстоянии и величине, которую принимают предметы, когда они разрастаются до неясных и гигантских размеров через плотный туман. Газовые фонари выглядят так, будто находятся на высоте третьего этажа, если только вы не стоите прямо под ними, поскольку свет, который они испускают, почти весь направлен вверх... Разок поверните неправильно, и можете считать себя сверхудачливым, если сумеете снова найти правильную дорогу в течение трех часов... Вы, кажется, идете как назад, так и вперед; и некоторые старые кокни действительно утверждают, что самым надежным способом добраться до Темпл-Бара от Чаринг-Кросса было бы... решительно идти в другую сторону, ни разу не поворачивая головы, и что к концу третьего часа вы почти наверняка доберетесь до места, куда намеревались попасть, если только не пройдете мимо».

Лондонский смог. Рисунок из журнала "Punch". 1892

Смог не только мешал пешеходам и экипажам: он представлял большую проблему и для всех, кто работал в Лондоне – ремесленникам, ювелирам и часовых дел мастерам, портным и фотографам. А таковых, как мы сейчас увидим, среди соседей Шерлока Холмса было немало. Им приходилось даже днем использовать дорогое газовое освещение, а те, кто не

мог себе этого позволить, просто не могли ничего делать. Да и газ не всегда спасал. В декабре 1859 года Энгельс писал Карлу Марксу: «...как только я зажег газ, то оказалось, что он горит до того тускло, что во всей конторе пришлось остановить работу. В моей квартире уже около недели еще хуже: из-за продолжительного мороза с туманом столько газа потребляется в течение дня, что вечером совсем нет давления, а следовательно, нет и света. Это лишает меня возможности написать сегодня статью...»

Глава 4. Соседи

Теперь пришло время посмотреть, кто же оказался соседями Холмса с доктором Уотсоном, когда оба жильца перевезли свои вещи в дом миссис Хадсон.

Если встать спиной к дверям дома 72, который мы выбрали в качестве дома 221-б (из уважения к долгой жизни Бенинга Арнольда, проживавшего в тот год в доме 72 вместе с горничной и кухаркой, мы поместим здесь его ювелирную лавку на первом этаже), то налево до угла с Кинг-стрит будут всего два здания. Ближайшее, № 71, занимал профессор музыки Джордж Карр с женой, 3 дочерьми, 3 сыновьями и служанкой, однако в тот же год они съехали. Напрашивается вывод, что профессор музыки сбежал вместе с семейством, не выдержав музыкальных упражнений Холмса на скрипке. И самому тяжело слушать, да и ученики приходят. Брандмауэры между террасными домами очень часто были всего в полкирпича толщиной вместо положенного кирпича (т. е. примерно 11 см), так что звуки скрипки наверняка были слышны соседям. Возможно, что в эту стену Холмс еще и из револьвера стрелял, выводя вензель королевы Виктории. Наши предположения подтверждаются и тем, что занявший квартиру профессора обойщик Томас Артауд и портниха мадам Луиза Фреше тоже недолго здесь прожили и через несколько лет съехали. Вместо них в доме открыл кондитерскую француз Жозеф Дюбуа, который уже никуда отсюда не девался по крайней мере до Первой мировой войны. Может быть, он был тугим на ухо, а может, ему даже нравилась музыка, исполняемая соседом. У него миссис Хадсон могла покупать себе сладости, а доктор Уотсон – конфеты для очередной своей невесты. Одновременно с кондитерской Дюбуа, квартиру в доме 71 снимали обычно портнихи.

Угловое здание занимал вестэндский филиал Объединенной страховой конторы, заведение довольно старое, располагавшееся здесь как минимум с начала 1840-х годов и во все время проживания Холмса на Бейкер-стрит. Управлял филиалом в 1881 году Чарльз Дарелл, но затем его сменил Роберт Лаудон, продолжавший исполнять свои обязанности до самой мировой войны.

Дом 73 справа служил жилищем парикмахеру, парфюмеру и специалисту по восстановлению волос Роберту Эймзу, его жене, двум дочерям, сыну, двоюродной сестре, служанке и помощнику.

у. Мистер Эймз, а с конца 1890-х его вдова, продолжавшая дело супруга, были постоянными соседями Холмса и никогда в интересующее время не покидали этот дом. Так что великий детектив всегда мог заглянуть к ним в заведение и заказать очередной парик для маскировки. Дом 73 был, видимо, достаточно большим, потому что Эймзы не только, подобно их соседу-ювелиру Арнольду, сдавали в аренду другую недвижимость, но в том же доме в 1881 сдавали комнаты портнихе миссис Амелии Барбер с ее взрослым сыном и двоюродной сестрой-портнихой. И при этом им всем было где поместиться.

Массаж головы в парикмахерской. Рисунок из журнала "Punch". 1891

Парикмахер. Рисунок из журнала "Punch". 1892

Дом 74 в 1881 году делило фотографическое заведение Генри Ашдауна и ювелирная лавка Чарльза и Уильяма Найтов. Последние не выдержали конкуренции с Арнольдом и вскоре исчезли с Бейкер-стрит, да и фотограф тоже предпочел уступить место портнякам и дамским портным.

В доме 75 располагалась лавка канцелярских товаров француза Эмиля Маскара, вполне процветавшего на этом месте вплоть до Первой мировой войны. Сам он с семейством жил не здесь, а за углом на Бландфорд-стрит. Жилые помещения занимала портниха мисс Маргарет Стьюарт с сестрой, двумя племянницами и служанкой.

Дом 76 занимала торговка книгами и канцелярскими товарами миссис Катрин Хемпфри с дочерью, служанкой и одной квартиранткой. Видимо, окрестные жители Бейкер-стрит потребляли очень много чернил и бумаги, потому что и через десять лет здесь все еще была канцелярская лавка (правда, с другими хозяевами, девицами Эмили и Флоренс Белл), к рубежу столетий все же сменившаяся на ателье вышивальщиц.

Дом 77 служил в 1881 году мастерской выходного платья, которой владела миссис Э. А. Джонстон, с коей проживали еще 7 девушек-портних и служанка.

Нижний этаж дома 78 был складом экипажей-берлин Чамберса и Шульца, а в верхних этажах обитала мисс Л. Э. Грей, агент по приисканию, обучению и найму гувернанток, вме-

сте с матерью и служанкой. Потом их всех сменила «Портман-Сквер Раббер Ко.», а к концу века-Фредерик Бакс, торговец антикварной мебелью.

В парикмахерской. Рисунок из журнала "Punch". 1892

Старая леди у фотографа-шотландца. Рисунок из журнала "Punch". 1891

Последним домом в этом квартале, прямо на углу с Джордж-стрит, был трактир «Св. Андрей», содержавшийся в 1881 году мисс Эмили Браун, а к концу века перешедший в руки миссис Элизабет Неттлтон.

В мясной лавке. Рисунок из журнала "Punch". 1892

Как я уже упоминал выше, на противоположной стороне Бейкер-стрит, прямо напротив дома 72, находилась аптека Джона Тейлора, который проживал вместе с женой, двумя дочерьми, помощником аптекаря, кухаркой и горничной.

Слева от него в доме 14 жили супруги Бакенем, занимавшиеся пошивом мужских сорочек и дамских нарядов, два их сына, две дочери, внучка и служанка. Отдельно от них проживал еще один аптекарь, Чарльз Чайлдз с женой. Во времена воскрешения Шерлока Холмса мы находим здесь каретных мастеров братьев Мосс, еще через пять лет других каретных мастеров Дж. А. Лаутона и Ко.

На углу с Блэндфорд-стрит в доме 15 располагалось Дамское общество взаимопомощи, секретарем которого была миссис М. Дж. Лаптон. Из постоянных жильцов здесь была торговка галантереей с помощницей и служанкой, а также еще одна пожилая дама с дочерью-модисткой и внучкой. К 1894 году общество переехало в другое место, а дом был полностью оккупирован портнихами и модистками. В XX веке население дома в целом сохраняло свой характер, хотя в верхних этажах расположилась частная лечебница мисс Элизабет Мастерс.

Дом справа от аптеки Тейлора (№ 12) занимали строитель Джон Э. Хаммонд, живший здесь с женой и служанкой, и портниха мисс Эмма П. Макферсон, с которой проживали 7 помощниц и служанка. Спустя 14 лет состав арендаторов стал несколько благороднее: кроме

портнихи справочники указывают здесь фотографию Брауна, Барнза и Белла, а также аукционистов Перси Сларка и Ко.

Дом 11 занимал зеленщик Френсис Брукс с женой-портнихой, дочерью, двумя помощницами жены, квартирантом, кухаркой и горничной. В начале 1890-х здесь располагался уже итальянский ресторан Аброджио Цаффарони, куда Холмс мог ходить обедать после своего воскрешения. Амброджио Цаффарони сменили братья Анновацци, но итальянский ресторан остался. Впрочем, к 1910 г. его уже здесь не было, вместо ресторации опять заселились портные.

Нижний этаж домов 9 и 10 занимала фотография Томаса Фолла, куда в течение всего своего проживания на Бейкер-стрит мог обращаться Холмс. В верхнем этаже № 10 жили Уильям Филлипс и сын, мастера по внутренней отделке домов, а в № 9 – сторож фотографического ателье с женой и двумя служанками.

В угловом доме 8-а находилась кондитерская Генри Энгельфилда и Ко; к рубежу столетий к совладельцам добавилось имя Уидера, который к 1910 г. стал главным партнером. Скорее всего, именно отсюда посыльный доставлял Холмсу с Уотсоном ужин в рассказе «Знатный холостяк».

Дальше на юг мы не пойдем. В этом направлении через квартал Бейкер-стрит заканчивалась, упираясь в Портман-сквер. Укажу только, что по восточной стороне, на дальнем углу высилась Портмановская англиканская церковь Св. Павла. «Подобно большинству ее соседей, это унылое, тяжелое, нецерковно выглядящее строение», – так описывалась церковь в книге 1878 года «Оксфорд-стрит и ее северные окрестности». Она была выстроена в 1779 году как частная церковь для Портмановских владений, а с 1899 стала приходской: с 1888 года в ней начали производить обряд крещения, а с 1899 – венчания. Священником здесь в год поселения на Бейкер-стрит Холмса и Уотсона был Невилл Шербрук.

Наша прогулка по Бейкер-стрит продолжится на север, в сторону Мерилебоун-роуд.

Самой большой достопримечательностью здесь был Бейкер-стритский базар, занимавший большую часть квартала по левую сторону и принадлежавший Уильяму и Эдмунду Боулнойсам. Первоначально он назывался «Портмановский базар». Он хорошо виден на плане и имеет выходы на Бейкер-стрит, на Кингс-роуд и в проулок Глостер-мьюз-ист. Это был самый популярный лондонский базар викторианского времени. Базаром в те времена назывались прообразы современных торговых центров, в которых сдавались различным владельцам помещения под лавки и другие заведения.

Из этих заведений, прежде всего, интересна выставка мадам Тюссо и Сыновей. Да, это тот самый музей мадам Тюссо, лакомая приманка для посещающих Лондон туристов. Выставка восковых персон обосновалась здесь в задней части здания в 1835 году, где и находилась вплоть до 1884 г., когда по распоряжению внука мадам Тюссо, Джозефа Ренделла, музей переехал на его нынешнее место, на Марилебоун-роуд. К моменту появления на Бейкер-стрит Холмса с Уотсоном сама мадам Тюссо уже тридцать лет как умерла, но ее восковые персоны продолжали пользоваться популярностью. Чтобы попасть на выставку, нужно было пройти через маленький холл и подняться на второй этаж по широкой лестнице. Сама выставка представляла собой хорошо освещенную анфиладу комнат длиной 74 м и шириной 15 м. Здесь были представлены британские короли от Георга IV в королевской мантии до королевы Виктории и покойного принца-консорта, европейские монархи и политики, убийцы и жертвы Французской революции. Были две комнаты Наполеона с реликвиями великого императора, в том числе походной кроватью, на которой он умер, и двумя экипажами, которыми он пользовался при Ватерлоо. Открыта выставка была ежедневно с 10 до 17 и с 19 до 23 часов (позднее время считалось лучшим для осмотра экспозиции). Стоимость посещения выставки составляла 1 шиллинг, детей можно было провести за полцены. Для тех, кто хотел посетить комнату Наполеона и «Палату ужасов», дополнительная плата

составляла 6 пенсов. Здесь же можно было купить каталог за 6 пенсов. На пасху в апреле 1881 года в музее мадам Тюссо появился новый экспонат – восковая фигура, изображающая умирающего Александра II, за две недели до того убитого в Петербурге народovolьцами.

По части торговли Базар славился в Лондоне 1880-х своими экипажами (депо экипажей принадлежало хозяевам Базара братьям Боулнойсам) и прекрасным выбором китайских и японских товаров, занимавших цокольный этаж. Для торговли Базар был открыт ежедневно с 10 утра до 6 вечера. Когда музей восковых персон выехал из здания, его место заняли Портмановские залы, ставшие одними из наиболее популярных «залов для приемов» викторианских времен. Залы находились в задней части домов №№ 56, 57 и 58 по Бейкер-стрит, с импозантным входом на Бейкер-стрит, прорезанным в нижнем этаже дома № 58.

Что еще находилось в этом конце Бейкер-стрит? Несколько фотоателье – надо сказать, что фотографы почему-то любили Бейкер-стрит. На западной стороне в № 54 помещались знаменитые фотографы, господа Эллиот и Фрай, чья галерея «Талботайп» – возможно, названная в честь британского пионера в области фотографии Уильяма Фокса Талбота, физика и химика, изобретшего в конце 1830-х негативно-позитивный процесс калотипии, – тянулась по фасадам сразу двух домов: 55 и 56 (то самое место, что указывал Дойл Чуковскому как дом Шерлока Холмса). Здесь не только фотографировали, но и продавали фотографические аппараты. В № 63-а была фотография Уиндоу и Грува в № 44, кроме канцтоваров и парикмахерской, располагалась Имперская Фотографическая компания (Imperial Photographic Company); по восточной стороне – фотоателье Чарльза Смолла и Боннинга в № 22, Роберта Фолкнера и Ко в № 21 и Неттервиля Бриггса в № 20.

Уже после появления на Бейкер-стрит Холмса и Уотсона в угловом доме № 54 обособилась «Лондонская меховая компания», а вот знаменитая похоронная компания Эдуарда Боддингтона находилась в доме 82 все время, пока Холмс проживал по соседству. В доме 65-а жили супруги Кост: муж изготавливал грудные эспандеры для ритмической гимнастики, а его жена была профессором ритмики.

Были на Бейкер-стрит еще несколько конкурентов Бенинга Арнольда: Джеймс Эдмондс держал ювелирный магазин в №№ 66 и 67 и Бейкер-стритском базаре, а в доме 25 жил ювелир Альфред Фуллер.

Существует утверждение о том, что прототипом доктора Уотсона был некий зубной техник (протезист) Уотсон, проживавший на Бейкер-стрит, но мне не удалось найти каких-либо его следов. А вот другие врачи на Бейкер-стрит были. Например, в домах № 33 (на углу с Дорсет-стрит) и № 34 проживали хирург Чарльз Хаммонд с семьей и квартирантом (армейским хирургом Р. А. Хайдом) и зубной хирург Артур Фредерик Кантон, так что наш доктор Уотсон был не одинок.

Почтово-телеграфная контора (и там же сберегательный банк), куда Холмс первоначально ходил отправлять свою корреспонденцию, находилась рядом, на Бландфорд-стрит. Позднее она переехала с Бландфорд-стрит на Бейкер-стрит в дом 66, но и тогда до нее было рукой подать. Ежегодно Холмс с Уотсоном наведывались на почту еще для одной надобности: чтобы купить себе за 10 шиллингов лицензию на ношение оружия вне дома, так как с 1870 года без лицензии оружие можно было держать только дома. Лицензия не имела регистрационного характера и была просто одним из способов пополнить казну.

Тот странный факт, что Уотсон в «Знаке четырех» ходил на почту так далеко, на Уигмор-стрит, может служить подтверждением уже высказанного мной предположения, что в противоположность заявлениям сэра Гарольда Моррисона, уже поселив героев на Бейкер-стрит, Дойл по крайней мере два года не удосуживался сам побывать на месте действия и потому ничего не знал о Бейкер-стритском почтовом отделении.

На почте. Рисунок из журнала "Punch". 1892

Столь же странно пристрастие доктора Уотсона (и Холмса, видимо, тоже) к табачной лавке Бредли на Оксфорд-стрит. До появления на Бейкер-стрит Уотсон провел в Лондоне совсем немного времени (в гостинице на Стрэнде, которая значительно дальше от Оксфорд-стрит, чем дом 221-б), Холмс тоже жил в другом месте. Почему они выбрали именно эту лавку? Ведь на самой Бейкер-стрит и в окрестностях таких лавок было несколько. На юго-восточном углу Адам-стрит и Бейкер-стрит, прямо напротив церкви, там же, где и трактир «Герб Манчестера», была табачная лавка. Еще одна располагалась на северо-восточном углу Дорсет-стрит и Бейкер-стрит. В доме 19 по Блендфорд-стрит, на полпути между Кендаллс-мьюз и Манчестер-стрит, имелась табачная лавка Уильяма Холла, которого позднее сменила в качестве хозяйки мисс Сара Хейзель.

Воскресный день в трактире. Рисунок из журнала "The Graphic". 1879

Из культурных достопримечательностей на Бейкер-стрит можно также упомянуть Общество Глюка с секретарем Дж. А. Хатчинсоном во главе, занимавшее помещения в № 39, Аштоновскую библиотеку в доме № 33, Квебекский институт и Ашемское общество в доме № 18, где собирались поклонники английского ученого и писателя Роджера Ашема (1515–1568).

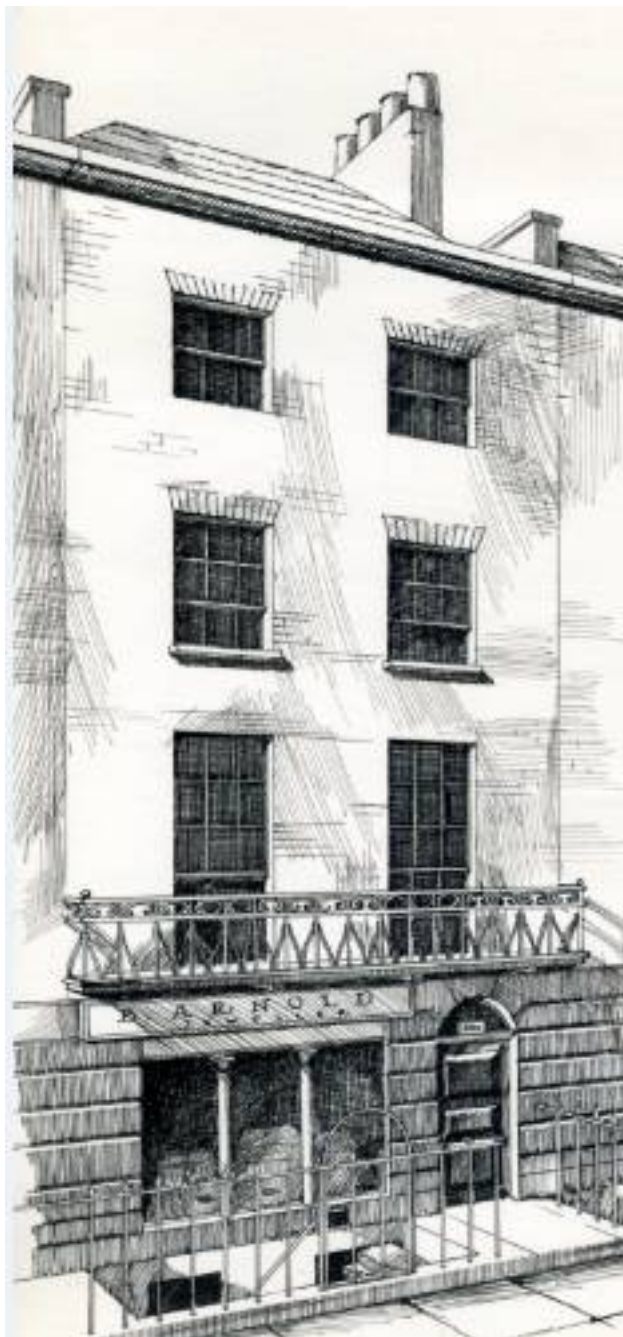
Ну и, конечно, жизнь лондонца была немыслима без питейных заведений. До знакомства с Холмсом доктор Уотсон не прочь был, похоже, «заложить за галстук»: мы знаем, что он встретился со Стемфордом в баре «Критерион» и, пригласив приятеля в ресторан «Холборн», также распивал с ним вино. Да и во время проживания в квартире на Бейкер-стрит у Холмса с Уотсоном не переводились алкогольные напитки. Прямо наискосок от их дома, на северо-восточном углу с Бландфорд-стрит, в доме № 16 находился прекрасный винный магазин «Генри Доламора и Ко.», основанный бывшим владельцем знаменитой таверны «Старый чеширский сыр» на Флит-стрит. Трактир «Святой Андрей» на углу с Джордж-стрит я уже упоминал. Если пройти по этой улочке на восток, то на юго-западном углу с Манчестер-стрит был трактир «Герб Уэстморленда», а если пройти на запад, то на юго-восточном углу с Глостер-Плейс – трактир «Герб Ворчестера». Трактир «Голова Уолласа» был на северо-западном углу Бландфорд-стрит и Ист-стрит. На северо-восточном углу Дорсет-стрит с Дорсет-мьюз-ист стоял трактир «Ячменная скирда», а на северо-восточном углу той же Дорсет-стрит и Спринг-стрит – трактир «Пшеничный сноп». Три трактира было на Ист-стрит: между Дорсет-стрит и Паддингтон-стрит – «Герб друидов», между Паддингтон и Йорк-плейс – «Герб Йорков», ниже Дорсет-стрит – «Военная удача». Ну, и на юго-восточном углу Адам-стрит и Бейкер-стрит, как уже говорилось, прямо напротив церкви можно было найти трактир «Герб Манчестера».

Из банков ближе всего к дому находилось отделение London and South Western Bank Limited, в доме 451 по Оксфорд-стрит – это на южной стороне улицы на углу с Orchard-

стрит, продолжением Бейкер-стрит. Однако мы совершенно точно знаем, что Холмс имел счет в другом банке – Capital and Counties Bank Limited, который существовал все время Холмса и был тем самым ульем, в сотах которого великий детектив копил свои сбережения, потраченные впоследствии на аренду пасеки в Суссексе. Его филиал находился в 195, Oxford Street. Это совсем не близко, да и условия вкладов и хранения там не отличались от других крупных банков, так что не понятно, почему Холмс выбрал именно его; возможно потому, что ко временам «Возвращения Шерлока Холмса» некоторые упоминания в тексте уже вполне могли и оплачиваться. А вот Ватсону выбирать не приходилось – за своей пенсией ему нужно было топать на Чаринг-Кросс, в банк Cox and Co, который обеспечивал его денежным довольствием еще в Индии и Афганистане.

Глава 5. Дом 221-б

Теперь пора поближе осмотреть дом, где поселился Шерлок Холмс со своим другом доктором Уотсоном. Чтобы лучше представить себе устройство дома, я подготовил поэтажные планы дома 221-б, взяв за основу планы аналогичных домов викторианской эпохи.

Дом 221-б по Бейкер-стрит. Рисунок А. Владимирова

Обычно лондонский средней руки дом имел подвал или, скорее, цокольный этаж, заглубленный на всю свою высоту в землю. От улицы дом отделялся рвом, вырытым вдоль наружной цокольной стены. Этот облицованный кирпичом ров (в который выходили окна цокольного этажа) обносился со стороны улицы чугунной или железной оградой с острыми

пиками. Пики были не только украшением – многие домохозяева специально затачивали их острия, полагая их действенным средством против воров и уличных животных, кошек и собак. Впрочем, миссис Хадсон или ее горничную трудно представить с напильником в руках затачивающими пики, разве что Билл, которого нанял себе позднее Шерлок Холмс, мог быть пристроен к этому делу. Через ров к входным дверям вел каменный или железный мостик, загороженный, как правило, цепью или чугунной калиткой с теми же пиками, что и на ограде. В известном музее Шерлока Холмса в Лондоне дом 221-б имеет не одну, а две двери: одна ведет в жилые помещения, а вторая – непосредственно в лавку на первом этаже. Однако для домов всего с двумя окнами по фасаду вторая дверь была чрезвычайной редкостью, если вообще встречалась. На сохранившихся фотографиях Бейкер-стрит начала XX века при наличии лавки внизу дверь всегда одна, то есть вход в торговое помещение находится уже внутри дома. Некоторые дома имели с фасада специальный вход для прислуги. Он представлял собой дверь прямо под мостиком парадной двери, ведущую из рва в цокольный этаж, и чугунную или железную лесенку с калиткой, позволявшую к этой двери спуститься. Такой вход для прислуги в английском уголовном жаргоне назывался «агеа» – зона, через которую можно проникнуть в дом.

В цокольный этаж мы еще заглянем, а пока перейдем через мостик и остановимся перед входной дверью. Справа или слева мы непременно найдем скребок для обуви – счищать грязь с ботинок перед входом в дом. Он мог быть приделан к мостику или представлять собой железную пластину, вделанную в особую, примерно с кирпич размером, нишу в стене.

Характерной особенностью парадного крыльца георгианских домов была полукруглая арка и установленное в ней полукруглое окно над дверью. Дверь была филанчатой, выкрашена матовой или полуматовой краской в бронзово-зеленый или киноварью в темно-красный цвет. Часто покраска имитировала текстуру дерева. Поклонники эстетического стиля предпочитали черный цвет, но миссис Хадсон нигде не упомянута в качестве таковой. В тот же цвет, что и дверь, красились рамы окон и все наружные металлические детали. Для дверей были характерны цветные витражи: они пропускали свет в холл, но не давали при этом проникать внутрь любопытным взорам прохожих и торговцев.

Нумерация всех городских домов была установлена актом Парламента еще в 1765 году, а с 1805 года стало обязательным наличие номера дома на двери. Номер 221-б мог быть обозначен разными способами: нарисован на стекле полукруглого окна над дверью, включен в рисунок дверного витража, выгравирован на пластинке (для зрительного акцентирования цифр в этом случае использовался черный воск) или нарисован черным на белой эмалированной табличке. Изготавливались также штампованные и литые номера.

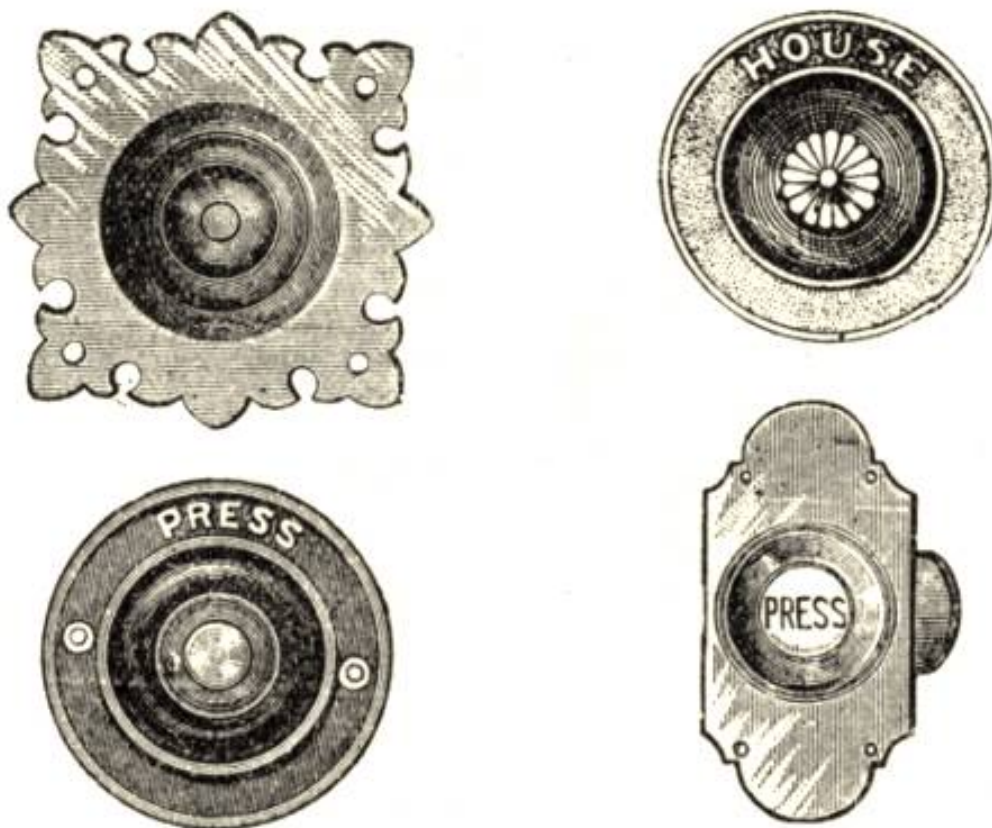
Непременным атрибутом был дверной молоток, крепившийся по центру двери примерно на уровне головы. Уже цитировавшийся Лев Тихомиров писал: «Я слышал, читал у Диккенса об этих молотках, помнил даже, что они называются *door nail*, но не знал их формы. Оказалось, что это действительно скорее «дверной гвоздь», чем молоток. Это всякая скобка, железная, с железным носиком, прикрепленная на петле к железной доске. Вот этим носиком и стучат в доску, вделанную в дверь. Стук очень сильный и, конечно, может быть чрезвычайно разнообразным. Жители дома или квартиры по стуку узнают – пришел ли зеленщик, или молочница, или просто знакомый. Торговцы и ремесленники все имеют свой особенный стук, и, конечно, легко условиться даже со знакомыми и членами семьи в условном стуке для каждого: мне это понравилось и напомнило, как мы перестукивались между собой в тюрьме. Этот *door nail* имеет много преимуществ перед звонком.»

Дверной молоток.

Правда, Лев Тихомиров ошибался, полагая, что молочница, зеленщик и другие торговцы стучались в дверь при помощи молотка.

У парадной двери или у входа для прислуги имелся специальный звонок с надписью «Для торговцев», который вел прямо в кухню-чтобы молочник или зеленщик мог вызывать прислугу, не тревожа хозяев. Первоначально звонок приводился в действие специальной ручкой посредством протянутого от нее к колокольчику шнура, но с развитием электричества распространился электрический звонок в виде круглой медной пластины, установленной на деревянном башмаке.

Кнопки электрических звонков для парадной двери. Рисунок из книги “Sidney F. Walker. Electricity in our homes and workshops”. 1889

Макс Шлезингер также посвятил в своих воспоминаниях целый абзац стуку дверного молотка. «Намного легче выучить язык англичан, чем выучить язык дверного молоточка; и многие иностранцы клятвенно уверяют, что дверной молоток – наитруднейший из всех музыкальных инструментов. Нужен хороший слух и опытная рука, чтобы быть понятым и избежать замечаний и насмешек. Каждый класс общества дает о себе знать в воротах этой крепости ритмом дверного молоточка. Почтальон делает два громких удара в быстрой последовательности; а для посетителя этикет предписывает нежное, но безапелляционное тремоло. Хозяин дома дает тремоло крещендо, а слуга, который объявляет о прибытии своего хозяина, превращает дверной молоток в таран и орудует им с такой доброжелательностью, что дом сотрясается да самых своих основ. С другой стороны, торговцам, мясникам, молочникам, пекарям и зеленщикам не разрешают касаться дверных молотков – они звонят в звонок, который связан с кухней. Все это очень легко в теории, но очень трудно на практике. Смелые, но и неопытные иностранцы полагают, что они утверждают свое достоинство, если действуют дверным молотком с сознательной энергией. Тщетное заблуждение! Их ошибочно принимают за лакеев. Скромных людей, напротив, принимают за нищих. Нечто среднее в этом, как и в других отношениях, является наиболее трудным.»

Прачки у дверей дома предлагают свои услуги. Рисунок из журнала "Punch". 1892

Выделение почтальонов в особую группу было связано с тем, что в зависимости от района они разносили в день почту от шести до двенадцати раз и, чтобы прислуга не отвлекалась при их приходе от работы, они дважды стучали в дверь инструментом, похожим на барабанную палочку. Опущенные в щель почтового ящика на двери письма не требовали срочного внимания горничной, и, услышав двойной стук почтальона, она спускалась за почтой, когда имела для этого время. Если же почтальон приносил телеграмму, которую нужно было вручить лично, он стучал дважды по два раза, и тогда уже прислуга бросала свои занятия и шла открывать ему дверь.

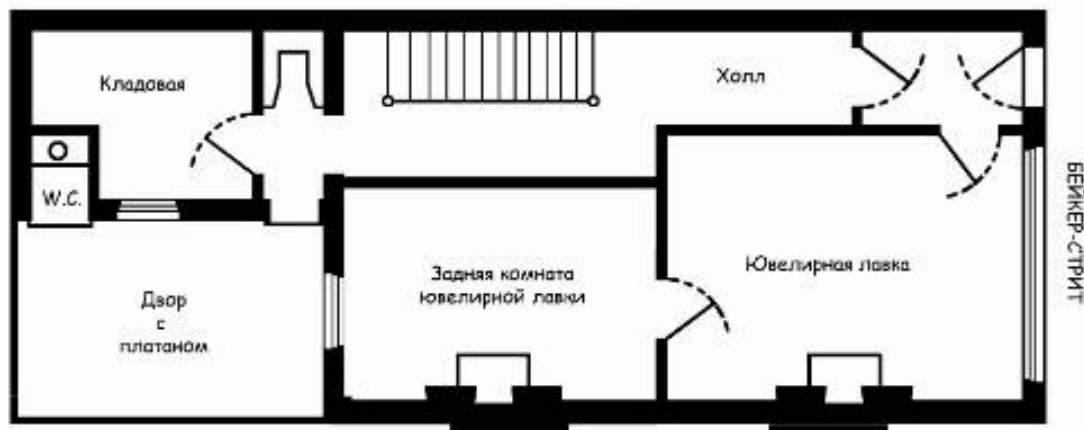
Однако давайте войдем внутрь. Как остроумно заметил Макс Шлезингер, «английский дом похож на дымоход, вывернутый наизнанку – снаружи грязь и сажа, внутри чистота и порядок». Первым делом мы оказываемся в небольшом тамбуре или прихожей. Отсюда одна дверь ведет в ювелирный магазин Бенинга Арнольда, вторая – дальше в холл. Обычно в холле – между входом и лестницей – стояла пара стульев для посетителей, несколько цветочных горшков, могли быть какие-нибудь статуэтки и дешевые картины. Этого в доме миссис Хадсон тоже не было. Холл представлял собой длинный узкий коридор, шедший на всю глубину дома и в дальнем конце имевший выход в дворовую пристройку, откуда можно было попасть на задний двор. Часто в таких пристройках располагалась кухня, но коль скоро мы взяли в качестве прототипа реально существовавший дом, будем придерживаться его плана:

пристройка была слишком мала для кухни. Пол в холле обычно делался либо дощатым, выкрашенным в темно-коричневый цвет, либо выкладывался плиткой.

Почтовый ящик для холла. Рисунок из каталога «JUNIOR Army and Navy Stores». 1893

Примерно посередине коридора располагалась лестница, ведущая в верхние этажи. Здесь самое время сказать, что типичный английский дом той эпохи имел явно выраженную поэтажную иерархию помещений. В георгианскую эпоху, когда строились дома по Бейкер-стрит, первый этаж обычно был занят столовой и так называемой «утренней комнатой» (morning room) – небольшой столовой для семейного пользования, на втором этаже находилась гостиная и кабинет хозяина либо вторая гостиная, третий этаж предназначался для спален, а четвертый, куда вела крутая и узкая лестница, представлял собой пару низких каморок, предназначавшихся для случайных гостей.

Дом 221-б. План первого этажа

Сейчас нам предстоит расселить по комнатам и этажам обоих квартирантов, миссис Хадсон и ее прислугу. Сэр Гарольд Моррис предлагал один из вариантов, автором которого, якобы, был сам Конан Дойл. Столовую на первом этаже, большую комнату размером 7,2 x 4,6 м, создатель Шерлока Холмса, по словам сэра Гарольда, превратил в жилую комнату для «джентльмена из Сити», поскольку доктор Мортимер Моррис полагал, что миссис Хадсон не могла зарабатывать на жизнь, сдавая комнаты только Холмсу и Уотсону, и должна была иметь еще какого-нибудь квартиранта. Гостиная миссис Хадсон занимала комнату позади столовой на том же первом этаже. За ней была еще меньшая комната, служившая спальней мальчику-слуге Билли, и уже снаружи во дворе была кухня и судомойня. Общая гостиная наших героев находилась на втором этаже в передней части дома, а заднюю часть занимала спальня Холмса. Спальня Уотсона была на третьем этаже над гостиной, а комната в задней части дома на этом этаже была приспособлена под лабораторию и мастерскую. На верхнем этаже располагались спальни горничной и миссис Хадсон, а третья комната четвертого этажа была чуланом.

Лестница. Рисунок из журнала "The Idler". 1892

О достоверности воспоминаний Морриса уже говорилось, поэтому мы самостоятельно расселим героев Конан Дойла в доме. Первый этаж, как мы уже знаем, занимала ювелирная лавка Бенинга Арнольда, который еще в середине 1850-х переделал столовую и «утреннюю комнату» в торговые помещения. Поэтому сразу поднимаемся на второй этаж, а помещения на первом этаже дворовой пристройки рассмотрим позже.

В полностью жилых домах внизу у входа на лестницу обычно вешалась широкая портьера; она отделяла общественную часть холла от частного пространства позади занавеси. В доме 221-б такой портьеры, скорее всего, не было. Более того, не только первый этаж, но и лестница на второй этаж не рассматривались в нашем случае как частная область этого дома. Вспомним «Скандал в Богемии», когда Холмс с Уотсоном ожидают у себя наверху некоего графа фон Крамма, в действительности Его величество короля Богемии.

«— Он идет сюда. Садитесь в это кресло, доктор, и будьте очень внимательны.

Медленные, тяжелые шаги, которые мы слышали на лестнице и в проходе, затихли перед самой нашей дверью. Затем раздался громкий и властный стук.

– Входите! – сказал Холмс.»

Поведение посетителей во многих рассказах ясно указывает на то, что путь с улицы в гостиную Холмса преграждала только дверь самой гостиной, поскольку парадную дверь и дверь из прихожей в холл, вероятно, большую часть дня оставляли открытой. Посетитель входил в дом, шел наверх по лестнице и стучал в дверь гостиной (либо врвался без стука, как это сделал доктор Ройлотт в рассказе «Пестрая лента»).

Ни стойки для зонтов и тростей, ни гардероба в доме 221б внизу не было: косвенно это подтверждается частыми упоминаниями о появлении в гостиной у Холмса посетителей в верхней одежде и головных уборах: король Богемии входит, держа шляпу в руках, в «Собаке Баскервиль» д-р Уотсон тоже имеет при себе цилиндр, в «Пяти апельсиновых зернышках» Холмс предлагает явившемуся в бурю Джону Опеншо повесить мокрый ватерпруф и зонт на крючок непосредственно в гостиной.

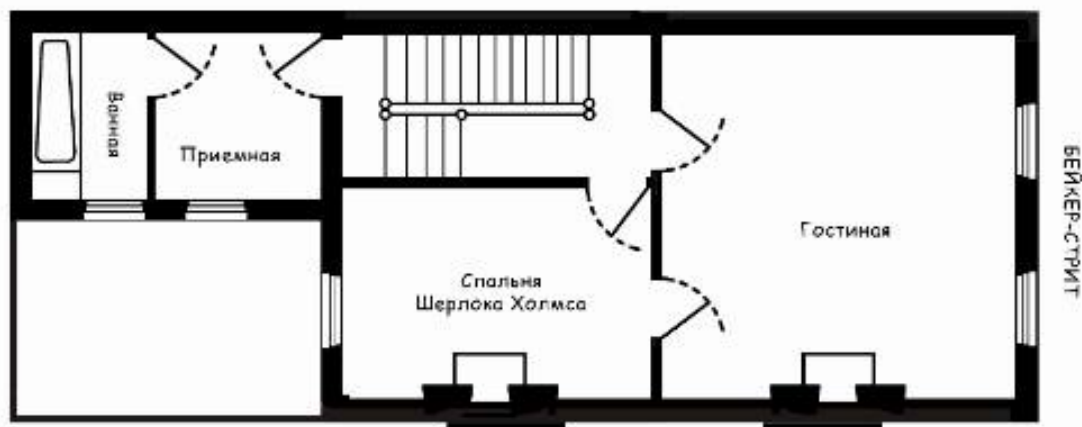
Сама лестница на второй этаж (высотой, как мы знаем, в 17 ступенек) имела, скорее всего, два пролета и лестничную площадку между двумя этажами, откуда можно было попасть на второй этаж дворовой пристройки. Второй пролет был значительно короче, поэтому от лестницы до дверей гостиной имелся проход, образованный с одной стороны стеной, а с другой – перилами. Стойки перил и сами перила были обычно деревянными. Отделка холла, лестницы и лестничной площадки была практически единообразной: плинтусы, стенные панели, картинные рейки и двери тоновались в нейтральные темные или средние тона либо красились.

Промежуточные площадки домов, у которых имелся внутренний дворик, имели окна, вероятно даже витражные, которые занавешивались гардинами. Однако на первой такой площадке дома 221-б окна не было, потому что, как мы уже решили, здесь была дверь в пристройку. На этой площадке (или на площадке перед гостиной) в первые годы проживания в доме Холмса и Уотсона мог находиться стул или даже небольшой столик в углу, поскольку до появления «приемной» в квартире Холмса лестничная площадка исполняла роль комнаты ожидания.

Глава 6. Гостиная

Открыв крашеную под дерево филленчатую дверь с четырьмя панелями, мы оказываемся в гостиной. Доктор Уотсон в «Этюде в багровых тонах» описывал снятую ими квартиру на втором этаже как состоявшую из «двух уютных спален и большой просторной гостиной, освещаемой двумя широкими окнами». Идеальная гостиная в те времена должна была быть длинной, с высокими потолками и эркером. Действительно, «гостиный» этаж всех старых георгианских домов на Бейкер-стрит имел очень высокие окна, что хорошо видно на фотографиях того времени. Они начинались практически от самого пола, как современные балконные двери, но никогда не использовались в таком качестве, хотя узенький декоративный балкончик в домах на Бейкер-стрит был обычным делом. Вероятно, уотсоновское определение окон как «широких» означало «больших» – т. е. бóльших чем окна этажей выше, поскольку ширина окон во всех домах по Бейкер-стрит была одинаковой. А вот эркеров в георгианских домах на Бейкер-стрит не было. Мода на них распространилась потому, что они позволяли увеличить площадь окон и, соответственно, количество света, попадавшего в помещения. На Бейкер-стрит эркеры стали появляться в начале XX века, как раз когда Холмс покинул свою старую квартиру и переехал в Суссекс, но и тогда они устраивались только на первых этажах. Конечно, возможно, существовал эркер, устроенный по своему почину каким-нибудь арендатором, но, ввиду строгих обязательств, наложенных владельцем земли на домохозяев (я уже упоминал, что Бейкер-стрит была проложена по владениям Портмана), такое неправильное распределение оконных проёмов по фасаду маловероятно. Даже ради своего почитаемого квартиранта миссис Хадсон едва ли решилась бы на переделку, грозившую ей огромным штрафом вплоть до расторжения договора аренды. Так что упоминание эркеров в рассказах «Камень Мазарини» и «Берилловая диадема» является большой вольностью Конан Дойла.

Рассказ «Камень Мазарини» вовсе нельзя использовать для реконструкции жилища великого детектива по очень простым причинам. Короткая одноактная пьеса «Коронный бриллиант» впервые была поставлена Стенли Беллом на сцене Бристольского ипподрома (Колизеума) в мае 1921 с Деннисом Нельсоном-Терри в роли Шерлока Холмса. Сам же рассказ написан позже, по пьесе. То ли Конан Дойл на старости лет начисто забыл, куда он поселил Холмса 35 лет назад, то ли он писал рассказ в декорациях виденной им пьесы. А театральная сцена все же неизбежно горизонтальная, а не вертикальная и в рассказе тоже возникает ощущение протяженной по площади петербургской или парижской квартиры, занимающей один этаж.

План второго этажа

Насколько гостиная Шерлока Холмса была «большой и просторной» – судить трудно. По утверждению все того же брехуна Морриса, Дойл сказал однажды его отцу про № 21: «Этот дом действительно слишком велик для миссис Хадсон, потому что имеет фасад в двадцать шесть футов, и представляя его, я должен был отрезать по крайней мере шесть футов». Т. е., по представлениям Конан Дойла (или сэра Гарольда) гостиная должна была по фасаду иметь ширину примерно шесть метров. Кстати, выбранный нами в качестве прототипа дом 72 как раз имел примерно такую ширину.

В домах, где существовали столовая и гостиная, последняя считалась комнатой «дамской». Зимой здесь с раннего утра и до поздней ночи горел в камине огонь, здесь проводили семейные воскресные молитвы, эта комната также служила местом, куда дамы удалялись из столовой по окончании трапезы. В квартире Шерлока Холмса столовой не было, гостиная была единственной общей комнатой для обоих квартирантов. До переделки в меблированные комнаты большие двойные раздвижные двери, которые занимали почти всю ширину стены, отделяли гостиную от заднего помещения. Если эти двери открывались настежь, оба помещения образовывали обширную комнату, где устраивали приемы. При переделке помещений второго этажа под сдаваемую в наем квартиру раздвижные двери были демонтированы и заменены обычной одностворчатой дверью, а проем заложен кирпичом и заштукатурен. Образовавшаяся передняя комната, тянувшаяся по всей ширине здания, была отведена под гостиную, а задняя, несколько меньшая и выходившая окном на двор, стала служить спальней Холмса.

Гостиная была местом парадным и потому старательно украшалась. Полы в домах средней руки практически всегда делали из сосновых досок и покрывали коврами дорожками, стены облицовывали деревянными панелями. Древесина для панелей вообще говоря, должна была быть дубовой, но по причинам чисто практического характера чаще она делалась теплого темного цвета, например, красного дерева, что подразумевало сосновые фанерки, оклеенные шпоном красного дерева. Еще более экономичными были фанерки, крашенные морилкой под красное дерево. Часто же стены и вовсе обтягивались практичной, коричневатой тканью типа дерматина. В средне- и поздневикторианский период, то есть во времена Холмса и Уотсона, стали использовать рельефную бумагу типа «линкруста» (с 1877 г.), «анаглипта» (с 1887 г.) или «тайнкаслского гобелена». Поначалу они окрашивались так, чтобы придать им вид кожи. Позже они красились в оттенки главного цвета комнаты, например, в темно-бордовый или серовато-зеленый (цвета шалфейного листа). Модны были рисунки в виде свитков, винограда и птиц.

Оформление гостиной в доме 221-б на Бейкер-стрит представляет определенную проблему. Шерлок Холмс жил здесь с 1881 по 1904 год, причем переделка второго этажа под меблированные комнаты и последний ремонт там перед поселением квартирантов приходились, вероятнее всего, на середину 1870-х годов. На это время попадает расцвет нескольких стилей, каждый из которых имел собственные предпочтения. Так, неоготический стиль был популярен между 1855 и 1875 годом, стиль эпохи королевы Анны был популярен с 1860 по 1900 год, с 1867 стал популярен стиль, впитавший идеи Движения прикладного искусства Морриса. С 1860 примерно до 1890 был в ходу также эклектический стиль, смешавший в себе готические и итальянские элементы и элементы более поздних стилей. У нас слишком мало информации, чтобы утверждать, что миссис Хадсон (а позднее ее квартирант) придерживались какого-то определенного стиля.

Если миссис Хадсон была женщиной пожилой, то гостиная ее квартирантов, по крайней мере до первого ремонта, сделанного при Холмсе, имела, скорее всего, яркие флоксовые обои или обои, имитировавшие муаровый шелк, с букетами позолоченных цветов, перевя-

занных позолоченными лентами, и шедших «симметричными рядами, подобно солдатам на параде». С равной вероятностью вместо описанных тканевых обоев стены гостиной могли быть оклеены обоями бумажными. Основной гаммой обоев, имевших мелкий рисунок из завитков, виноградных лоз и птиц, был красный с оттенками темно-красного и золотого либо зеленый или серый. Неудивительно, что Холмса, имевшего генетически predetermined художественную натуру, тянуло издырывать эти стены из револьвера. На полу неизбежно лежал ковер, занимавший все пространство от стены до стены, с рисунком из гигантских цветов.

Особое место занимали драпировки. В 1860-1870-х драпировали все: цветочные горшки, лампы, часы, зеркала, каминные полки и даже ножки фортепиано. Как вспоминала американка Сара Данкан, «единственной вещью в комнате, которая не пыталась одеться, была кочерга, и по контрасту она выглядела совершенно голой».

Окна зашторивались одной или несколькими занавесками. В 1850-х годах повсеместно стали применять украшенные узорами позолоченные деревянные или штампованные металлические карнизы, украшенные оборкой с фестонами или кружевами – «ламбрекены». Ближнюю к окну штору изготавливали, как правило, из швейцарского или гардинного ноттингемского тюля. Внутренние гардины делали из более плотного непрозрачного материала. Большая часть гардин изготавливалась из хлопка, полотна или шерсти. Если позволяли средства, для придания гостиной и столовым более respectable и богатого вида использовали шелковую парчу, дамастную ткань, атлас, тафту, чинтс, репс, плюш и бархат. К дорогим внутренним гардинам из парчи, шерсти и шелка подшивали слой фланели. Поскольку шелк был слишком дорог, в гостиной у Холмса гардины были, скорее всего, из шерстяных тканей, тогда как в спальнях занавески были холщовые либо из вошеного или набивного ситца. В семидесятых годах было все еще модно иметь гардины такой длины, чтобы они, даже перевязанные или собранные при помощи особых булавок на высоте около метра, касались нижним краем пола и подметали пыль всеми многочисленными кисточками, лентами и гирляндами, которыми обычно украшались. Однако к началу 1880-х мода на перевязывание штор и на длинные занавески прошла. Летом богатые тяжелые гардины полагалось заменять на белые муслиновые. Кроме тюля и гардин многие окна защищались деревянными венецианскими подъемными жалюзи. Чтобы избежать преждевременного выцветания ковров и драпировок под солнечными лучами, жалюзи и занавески старались большую часть дня держать опущенными или полузадернутыми.

Известный парковый и интерьерный дизайнер первой половины XIX века Джон Клодьюс Лаудон писал: «Гардины придают комнате такую атмосферу комфорта, как для зрителя снаружи, так и для обитателя внутри, что мы могли бы пожелать, чтобы ни один коттедж, какой бы скромный он не был, не обходился без них. По той же самой причине мы должны пожелать окнам коттеджа быть большими, чтобы можно было показать гардины, не слишком мешая свету».

18 апреля 1881 года в «Таймс» появилось письмо к редактору, озаглавленное «Здоровый дом» и написанное без указания имени неким врачом-консультантом, членом Королевского колледжа хирургов, который тоже проживал в Портмановских владениях, т. е. неподалеку от Бейкер-стрит. В нем он описывал меблировку своего дома, приобретенного им за 10–12 лет до того, и те опасности, которые сулил традиционный подход к этому.

Рисунок из журнала "Punch". 1892

«Я меблировал дом обычным для жилья его класса образом, — писал автор письма. — Были шторы на окнах в гостиной, шторы на окнах в консультационной комнате, шторы на окнах в столовой, шторы на окнах в спальнях. Были ковры на всех полах; были незащищенные обои на стенах; были платяные шкафы и другие образцы мебели, которым увеличили их подлинную высоту карнизами, внутри которых были полые пространства, по видимому сделанные нарочно, чтобы образовывать пристанище для грязи. Были массивные книжные полки, содержавшие огромное количество печатаного хлама и еще более огромное количество пыли. Стены были старые, с неровными поверхностями, и к этим шероховатым поверхностям грязь цеплялась с почти трогательным упорством. Были всякого рода пушистые вещи, которые считались декоративными, модные циновки и тому подобное, которые чернили пальцы любого достаточно смелого, чтобы дотронуться до них. И наконец, но ни в последнюю очередь по значению, были постоянно увеличивающиеся скопления мусора, вроде старой одежды, старых игрушек, старых книг и брошюр, старых газет, старых нот и разной дряни всех видов. На все эти вещи грязь лондонской улицы сыпалась без перерыва. В сухую погоду пыль находила свой путь через каждую щель; во влажную погоду ноги посетителей приносили грязь, которая быстро высыхала в пыль. Если бы дети поиграли в течение десяти минут в покрытой коврами комнате, пыль лежала бы толстым слоем на столах и стульях, когда они закончили. Грязь, казалось, была вездесущей и всепроницающей. Она

изобиловала в воздухе, которым мы дышали, она смешивалась с пищей, которую мы ели, и с жидкостями, которые мы пили.

Дом, таким образом устроенный, был сценой бесконечных недугов и болезней. Кто-нибудь всегда имел «насморк» или головную боль; первая болезнь, как теперь считается, имеет мало общего с температурой или с охлаждением, но вызывается ядовитым влиянием на слизистую оболочку дыхательных путей зараженной пыли, которую люди вдыхают и которую, в большинстве случаев, они выбивают из своих грязных ковров. Дети проводили в Лондоне большую часть года; и было совершенно необходимо часто отправлять их подальше от города для смены обстановки, на побережье или в сельскую местность, где они вскоре меняли бледность щек на румянец. Две смерти произошли среди них, в обоих случаях от болезней, происхождение которых, казалось, невозможно проследить. В начале прошлого года другой ребенок страдал от опасной и продолжительной болезни; и после этого микробы болезни, которая слишком скоро оказалась смертельной, развились у моей жены».

В изданной в 1883 году книге «Наши дома, или Как сделать их здоровыми» Ширли Мерфи, в 1890-х старший медицинский чиновник Совета Лондонского графства, описывал другой источник опасности, таившийся в домах. Подлежащие окраске стены грунтовались обычно в два слоя свинцовым суриком и свинцовыми белилами; в краску для основного слоя также подмешивали свинцовые белила. Когда влажная краска впитывалась через кожу, она вызывала у маляров своего рода паралич. Обои тоже были не намного безопаснее: для получения более насыщенных оттенков желтого, красного и зеленого часто использовались краски, сделанные с употреблением соединений мышьяка, и в сыром климате плесневый гриб *Penicillium brevicaulis* перерабатывал мышьяковистые краски в ядовитый газ с чесночным запахом – триметиларсин. Опасными были обои, розовые, сиреневые, различных оттенков синие и «французский серый», но особенно зеленые, «зелень Шилия», швейнфуртская (венская, императорская) зелень, парижская зелень – в их состав входили аурипигмент, мышьяковистый ангидрид или кислая медная соль мышьяковой кислоты (в некоторых случаях ее содержание достигало 59 %). Кроме того, ярко-красная краска разбавлялась обычно свинцовым суриком. В 1860-1870-х обои, в состав которых входил мышьяк, были объявлены вне закона в Пруссии, Баварии, Швеции, России и Франции, но до конца 1880-х они все еще были распространены в Великобритании. Оскару Уайльду приписываются слова, сказанные им якобы за несколько дней до смерти в 1900 году: «Я веду со своими обоями поединок не на жизнь, а на смерть. Кто-то из нас должен погибнуть».

Если миссис Хадсон была молодой вдовушкой, она должна была придерживаться более прогрессивных взглядов на убранство комнат и прислушиваться к советам медиков. Ковер в этом случае занимал бы только центр комнаты. Доктора рекомендовали заменять шторы и гардины на жалюзи, предпочтительно из глазированной (лощеной) ткани, которую можно было вытирать, или устанавливать в окна матовые либо цветные стекла. Как бы то ни было, еще до женитьбы Уотсона на мисс Морстон в гостиной на окнах висели жалюзи, но из контекста не понятно, были они деревянными или тканевыми. Также можно было последовать одному из многочисленных советов по проверке обоев на содержание мышьяка и купить безопасные для здоровья. Скорее всего, после воскрешения Холмса в квартире производился ремонт, и на стенах появились обои с большими рисунками и цветным бордюром, который стали выпускать в виде отдельных бумажных лент.

Главным украшением гостиной был камин. Это было весьма неэффективное и дорогое средство обогрева. Однако идея камина как центра и символа дома преодолевала все его очевидные недостатки, и англичане предпочитали жариться с одного бока и замерзать с другого, но не переходить на континентальные печи. Как писал Ширли Мерфи, «открытый огонь имеет то преимущество, что один человек может греться у него и находиться так близко к нему, как ему нравится, а другой может держаться подальше от его лучей и все же

находиться в обществе тех, кто пользуется его теплом. В комнате, обогреваемой железными дымовыми трубами или нагретым воздухом, такого не бывает».

Рисунок Сидни Паджета к рассказу «Скандал в Богемии». Журнал “The Strand Magazine”. 1891

Во времена Холмса и Уотсона камин снаружи облицовывались, как правило, мрамором, сланцем, изразцами или деревом, причем красное дерево в этом случае полировалось, а сосна красилась. Вероятно, когда в 1868 году, по смерти У. Ч. Родса, аренда дома 221-б была выкуплена новым владельцем и здание подверглось ремонту, камин был украшен модными тогда консолями, поддерживавшими каминную полку, и они сохранились при переделке второго этажа под меблированные комнаты. Чугунная внутренняя обделка камина имела призматическую форму и вставлялась в нишу топки; в 19 веке ее отливали целиком. Боковые стенки топки выкладывались под углом с задней стенкой – изобретение, сделанное американцем графом Рамфордом еще в XVIII веке и призванное отражать часть тепла не в дымоход, а в сторону комнаты. К обделке крепились топочная решетка (под), на которую клались угли и которая обеспечивала равномерный приток воздуха к топливу, и барьерная, предупреждавшая выпадение углей на пол. Внизу, ниже пода, устанавливался выдвижной ящик для золы. В викторианскую эпоху обделка имела декоративные железные наличники с одной или по обе стороны барьерной решетки. При помощи графитовой пасты барьерная

решетка и наличники полировалась до тусклого блеска, хотя часто вместо полировки графитом решетку покрывали сперва слоем матовой черной краски, затем воском и опять же полировали.

NOTICE OF REPORT OF GENERAL BOARD OF HEALTH, LAID BEFORE PARLIAMENT.
"For Domestic Fires the admirable Fire-place recently invented by Dr. ARNOTT, and described at length in a recent number of the Quarterly Review, is probably, in the opinion of the Board, the improvement most likely to root English habits and feelings. The principle of the Fire-place is that of supplying the fresh fuel at the bottom, instead of heaping it on the top of the fire. The coal is in a box nearly air-tight below the fire; the air vapours and gases produced by the decomposition of the coal pass through the incandescent fuel above, and burn on reaching the air, while fresh fuel is supplied by pushing up the coal from below. The draft is regulated by a single valve, and the useless escape of heated air up the chimney diminished. The fire burns quite free from smoke, the burnt ash is safely carried away, and fuel economical. The invention may be easily adapted to existing Fire-places.—TIMES, June 25, 1855."

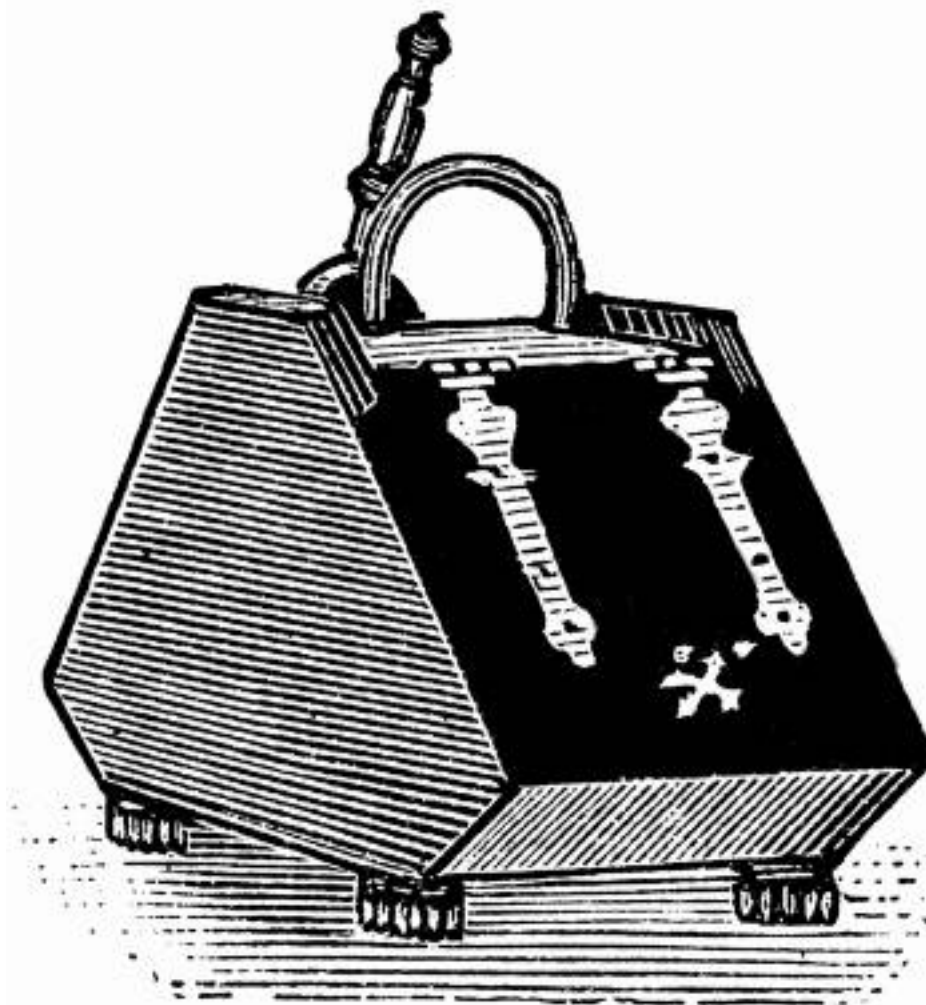
Реклама камина. Ф. Эдуарде, Сын и Ко. 1855

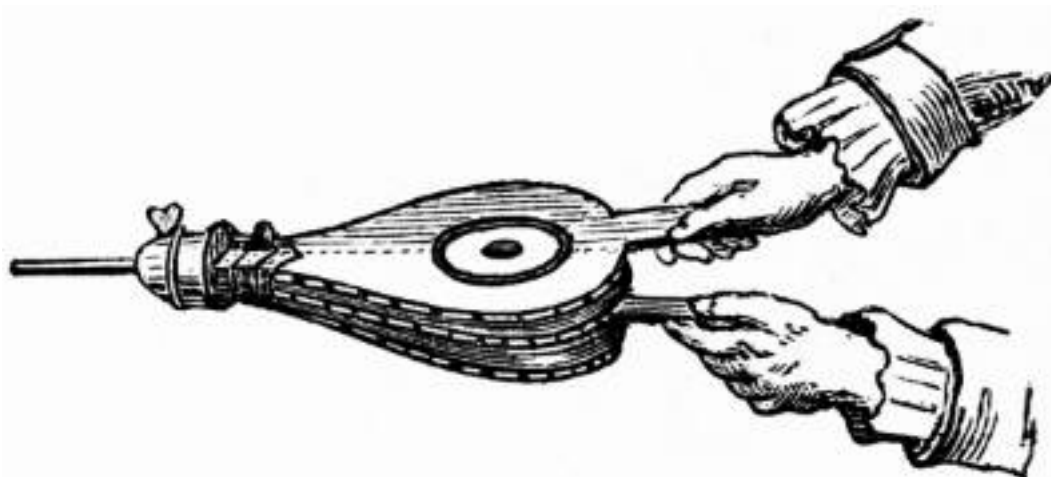
У камина. Рисунок из журнала "Punch". 1892

Основной сценой ярмарки тщеславия в викторианском доме была каминная доска над очагом. Она традиционно служила местом, где выставлялось напоказ все, чем гордились хозяева. Как правило, сюда ставились часы под стеклянным колпаком, вазы (тоже часто накрывавшиеся стеклом для защиты от сажи), различные украшения, веера, расписные фарфоровые тарелки и кувшин с лучинами для разжигания огня. Позади каминной полки вешалось зеркало, а на полку ставились подсвечники, чтобы свет, отраженный в зеркале, казался более ярким. Количество предметов, расставляемых на камине, быстро росло, и чтобы увеличить полезную площадь, сверху стали класть деревянную доску, покрытую бархатом и украшенную свисающим балдахином с бахромой. Позднее простую доску сменила сборная конструкция, включавшая, кроме полки над камином, газовые рожки вместо подсвечников, книжные полки, снабженные полоской кожи или кожзаменителя 5 см шириной, чтобы защищать верхнюю часть книг от пыли, и буфеты для фарфора. В гостиной Шерлока Холмса было, скорее всего, именно такое сооружение: мы знаем, что на полках рядом с камином Холмс хранил свои альбомы с вырезками и собственноручно составленные справочники о представителях лондонского преступного мира и высшего общества, переплетенные в толстые красные тома. На самой каминной полке (в гостиной на Бейкер-стрит она была деревянной, потому что в ее центре великий детектив складным ножом прикалывал корреспонденцию, ожидавшую ответа) хватало места для персидской туфли, в носке которой Холмс хранил крепкий дешевый табак, и ящика с трубками.

Около камина стояло угольное ведро и кочерга, совок, ручной мех для раздувания огня и щипцы для горячих углей. Обычно ведро (которое внешне было очень мало похоже на ведро) использовалось для того, чтобы носить уголь из угольного подвала в гостиную в особый декоративный угольный ящик с навесной крышкой – пурдониум. В среднем ведро вмещало 11–12 кг угля, и чтобы наполнить пурдониум углем на весь вечер, требовалось несколько раз подняться с ведром на второй этаж. Шерлок Холмс дополнительно использовал ведро как место, где он хранил сигары и старые трубки.

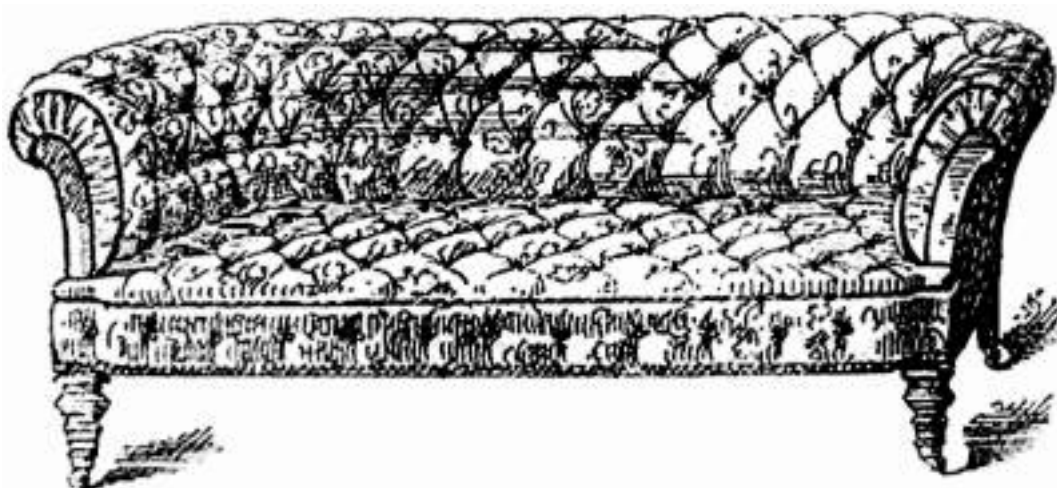
Угольное ведерко. Рисунок из “Illustriertes Haushaltungs-Lexicon”. 1890

Мех для раздувания огня. Рисунок из книги “Illustriertes Haushaltungs-Lexicon”. 1890

Чтобы защититься от слишком сильного жара, перед камином ставили декоративный экран. Декоративные экраны также использовали, когда камин не горел.

В гостиной полагалось иметь диван, одно или два мягких кресла, восемь стульев и шифоньер; один центральный стол, а также один раскладывающийся обеденный стол в задней комнате. Поскольку задняя комната второго этажа была переделана под спальню, специального обеденного стола в гостиной Холмса не было. Зато один из углов занимал простой стол с сосновой столешницей, обожженной каплями кислоты, на котором стояли бунзенова горелка, реторты и бутылки с химикалиями. В центре гостиной располагался большой стол квадратной, круглой или прямоугольной формы с простой столешницей, покрытой скатертью. По крайней мере, первоначально мебель была от миссис Хадсон, и если была куплена достаточно давно, то была обтянута красной тканью, а скатерть на столе была красная с изящным черным цветочным рисунком.

Диван. Рисунок из каталога “JUNIOR Army and Navy Stores”. 1893

Джентльменское кресло. Рисунок из каталога

Кресла с набитыми тростником сиденьями были удобными и недорогими, но часто имели существенный недостаток – они скрипели. К тому же классу принадлежали так называемые стулья-дерби, у которых не было подлокотников, и которые, если их не снабжали тростниковыми подушками в подражание креслам, изготавливались из деревянных планок. Если их снабжали подушкой и обивали ситцем или камвольным репсом, они превращались в наиболее удобные (с точки зрения современников) мягкие кресла для дам, в которых те могли работать или читать. Для обивки стульев использовали шерстяной репс, хотя лучшим для этой цели считался утрехтский плюш, который, однако, в Англии не был особенно популярен.

После стола и стульев, наиболее важными предметами мебели в гостиной были буфеты и серванты. Они имели зеркало, полки, ящики и широкую полку-столешницу. Деревянные части часто украшались резьбой – при наличии достаточного количества прислуги, которая бы могла вытирать с резьбы пыль. Дом 221-б избытком прислуги похвастать не мог, так что затейливая резьба вряд ли украшала какую-нибудь мебель в гостиной на Бейкер-стрит. Во время приемов – правда, Уотсон ни разу не сообщает о таком происшествии в жизни Холмса – большая часть блюд ставилась в буфет или сервант, и уже оттуда подавалась прислугой во время обеда.

Удобные низкие шифоньеры красного дерева, распространенные в предыдущее царствование и в начале правления королевы Виктории и часто выполнявшие обязанности серванта, если настоящий сервант был слишком дорог или комната была слишком мала, как,

например, в гостиной у Холмса, стали постепенно выходить из моды в средних и высших слоях общества. Тем не менее, значительное их число все еще продолжало служить своим хозяевам. Если у шифоньеров над основной полкой надставляли верхнюю часть, ее использовали в качестве книжного шкафа. Вероятно, именно на таком шифоньере были расставлены книги доктора Уотсона.

Для письменных занятий было популярно украшенное инкрустацией бюро красного дерева, которое закрывалось гибкой скользящей крышкой, набранной из тонких деревянных планок, скрепленных между собой шарнирами.

Бюро. Рисунок из каталога “JUNIOR Army and Navy Stores”. 1893

Однако в квартире на Бейкер-стрит бюро, упоминания о котором отсутствуют у доктора Уотсона, видимо не было, и Холмс пользовался обычным столом. Не было в гостиной, скорее всего, и любимых викторианских украшений в виде округлых стеклянных витрин-горок, в которых выставлялись на обозрение фарфор, искусственные растения, восковые фигуры и даже чучела животных.

Существовало также большое количество мебели необязательной, но делающей жизнь уютной и удобной.

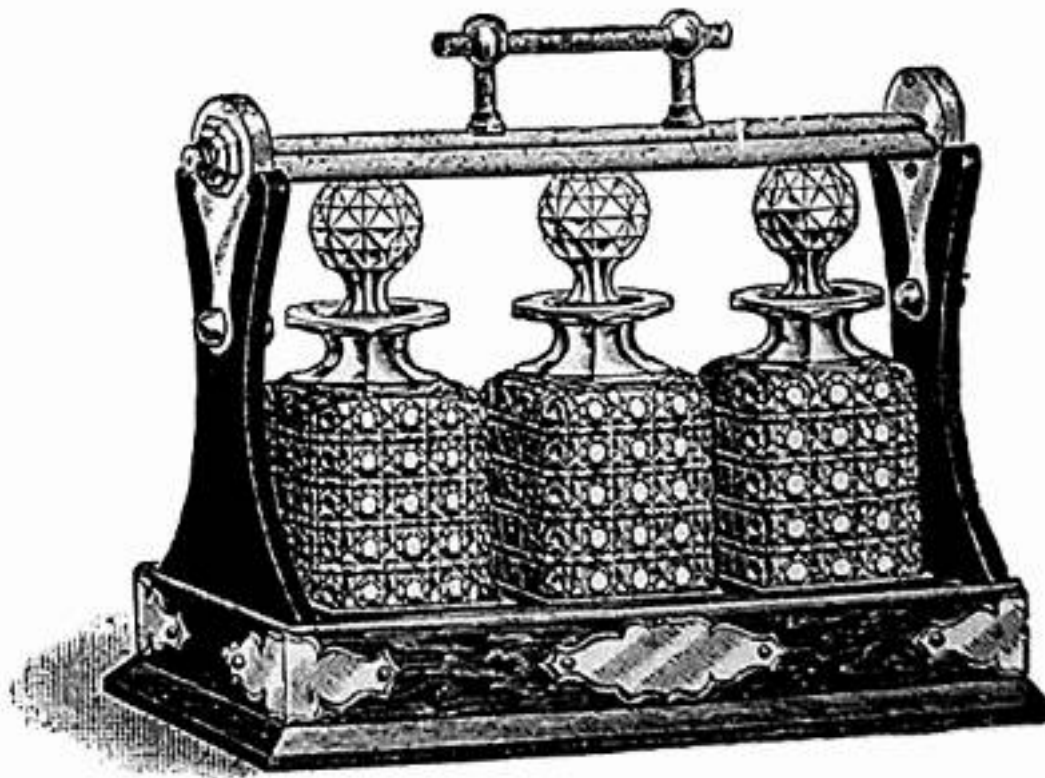

Буфет. Рисунок из каталога “JUNIOR Army and Navy Stores”. 1893

Барометр. Рисунок из каталога “JUNIOR Army and Navy Stores”. 1893

Можно упомянуть такие вышедшие из обихода вещи, как подставки под книги (они могли быть и настольными, и в виде отдельного пюпитра), особые прикроватные столики для чтения лежа, конторки, за которыми можно было писать стоя, столики для игры в нарды и шахматы, уже упоминавшиеся пурдониумы и специальные погребцы – ящики из красного дерева со льдом для охлаждения спиртных напитков. Был ли такой погребец на Бейкер-стрит – мы не знаем. В русских переводах «Скандала в Богемии» упоминается погребец и сифон, приобретенные Холмсом, видимо, во время проживания Уотсона отдельно с женой в Паддингтоне. В оригинале это *spirit case*, обычно небольшая шкатулка из ореха или красного дерева, куда ставились от двух до четырех хрустальных графинчиков со спиртными напитками. По традиции, введенной одним из первых американских шерлокианцев Кристофером Морли, считается, что у Шерлока Холмса была не шкатулка, а специальная подставка для трех хрустальных графинчиков с виски, бренди или другими спиртными напитками, остроумно названная «танталом» – их нельзя было вынуть, не имея ключа от замка.

«Тантал». Рисунок из каталога “JUNIOR Army and Navy Stores”. 1893

Традиционно стены викторианских гостиных были увешаны картинами в тяжелых золоченых рамах, семейными портретами и фотографиями. Не избежала этой участи и гостиная в доме 221-б. Уотсон упоминает, что одну из стен украшал портрет генерала Гордона (в 1887 или 1888 вставленный в новую раму), сверху на книгах доктора стоял без рамки портрет американского проповедника и противника рабства Генри Уорда Бичера, а слева от каминной полки висела фотография в рамке, изображавшая Уотсона в его бытность игроком университетской крикетной команды на фоне павильона и крикетного поля.

Генерал Гордон. Гравюра Дж. Кука с фотографии Адамса и Сканлана

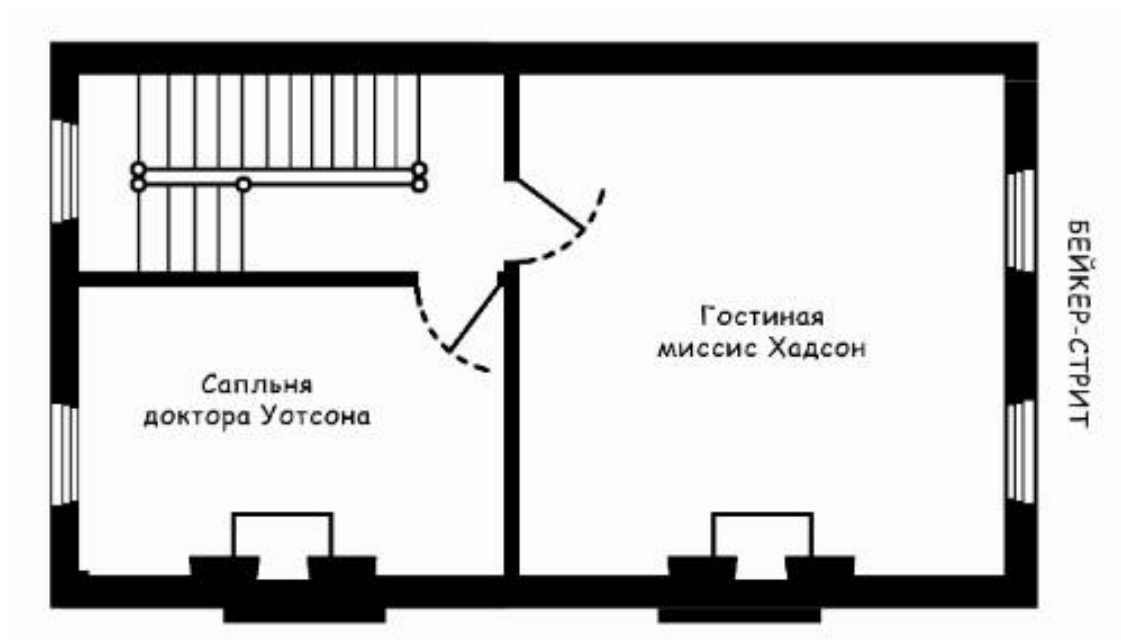
Но основное место занимали все же не картины, а «научные диаграммы» Холмса.

Возможно, если миссис Хадсон позаботилась об этом, близ окон были выставлены горшки с аспидистрами – единственными растениями, выживавшими в атмосфере угольной пыли и газового освещения.

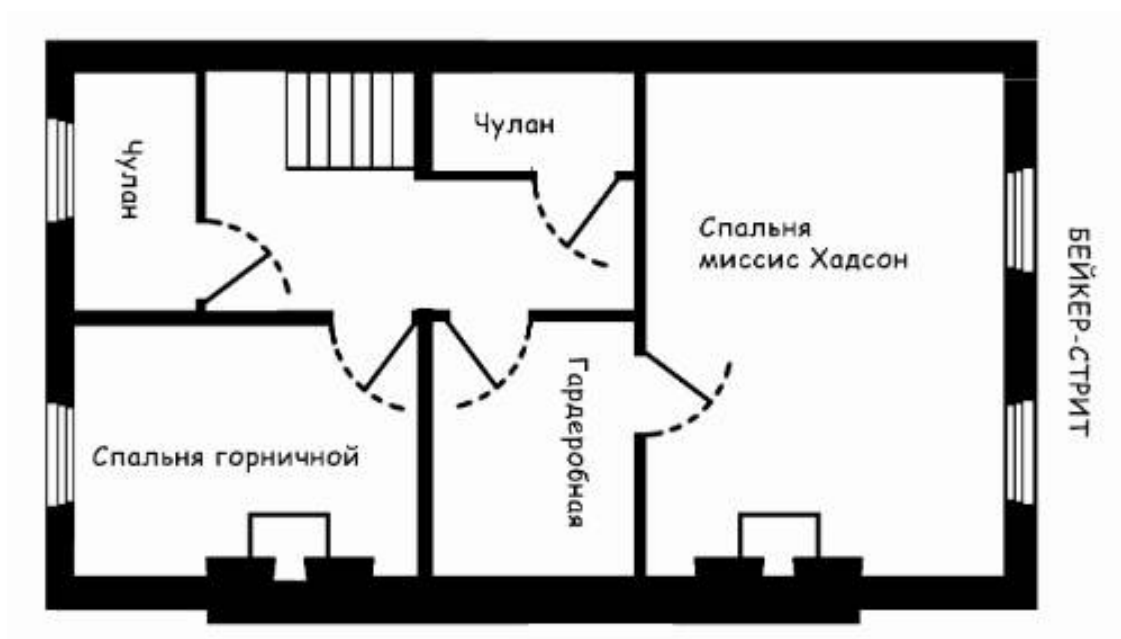
Глава 7. Спальни

Из гостиной дверь вела в спальню Шерлока Холмса, выходившую одним окном во двор с платаном. Всего в четырехэтажном террасном доме могло быть до пяти спален различного размера. Некоторые из них, особенно на четвертом мансардном этаже, были совсем небольшие, чуть больше чем 2 х 3 метра, с пространством только для кровати, стула и комода. В спальнях того периода не принимали посетителей, поэтому они были украшены по тогдашним меркам довольно скромно: минимум архитектурных украшений, скромный карниз, если позволяло место – камин с простым деревянным или металлическим ограждением, часто выкрашенный в белый цвет. Камин в спальнях использовались редко, только если ее обитатель был болен (Ширли Мерфи считал идеальной температуру в спальне 10 °С; для больных допускалась 16 °С), а в холодное зимнее время на ночь кровати нагревали заполненными горячей водой грелками – это могли быть медные грелки для ног, которые были дорогими, сильно нагревались и могли обжечь, или в виде глиняных бутылей.

Спальни заставлялись мебелью очень плотно. Обычно здесь стояли кровать, платяной шкаф, туалетный столик, стулья и умывальник. Стоимость мебели, как и в гостиной, зависела от доходов и запросов хозяев. Например, в мебельном магазине Эцманна на Тотнем-корт-роуд всю обстановку и белье для спальни: кровать, матрас, простыни, подушки, коврик, платяной шкаф, ручной умывальник, комод, вешалку для полотенец, прикроватную тумбочку с графином и бокалом на ней – можно было купить за пять гиней. В то же время покрытый черным лаком платяной шкаф мог быть куплен без зеркала за девять гиней, с зеркалом за одиннадцать гиней. Меньший платяной шкаф из лакированной древесины только с отсеком для платья, закрытым дверцей, и с двумя глубокими выдвижными ящиками, стоил приблизительно пять гиней. Цены на шкафы красного дерева и ореха варьировались от восьми гиней до восьмидесяти и выше, причем ореховая мебель была немного дороже мебели красного дерева. Во времена Холмса с Уотсоном уже не было тяжелых балдахинов над кроватями, наиболее здоровым считался сон при наименьшем количестве драпировок в спальне. Снова в моду вошли т. н. «арабские» кровати или кровати с «половинным полом». Вокруг любой, даже вовсе не имевшей полога кровати, полагался украшенный оборками подзор, а также множество подушек как на самой кровати, так и на другой имевшейся в спальне мебели. В викторианские времена кровати уже редко изготавливали из дуба, ему предпочитали красное дерево и орех. А из березы чаще всего делали умывальники, стулья и столы. В спальне у Холмса и Уотсона могли быть и простые железные кровати с плоскими пружинами.

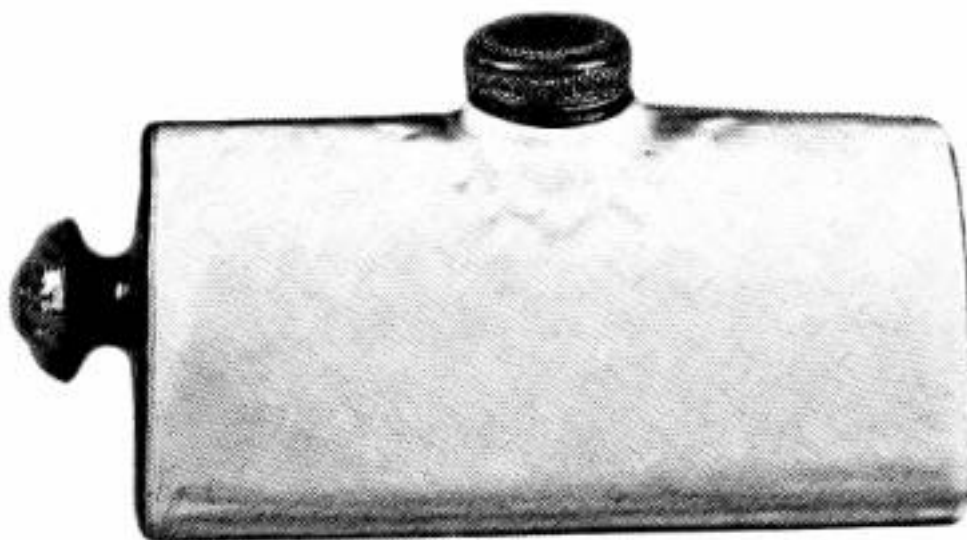
План третьего этажа

План четвертого этажа

Металлическая грелка

Металлическая грелка

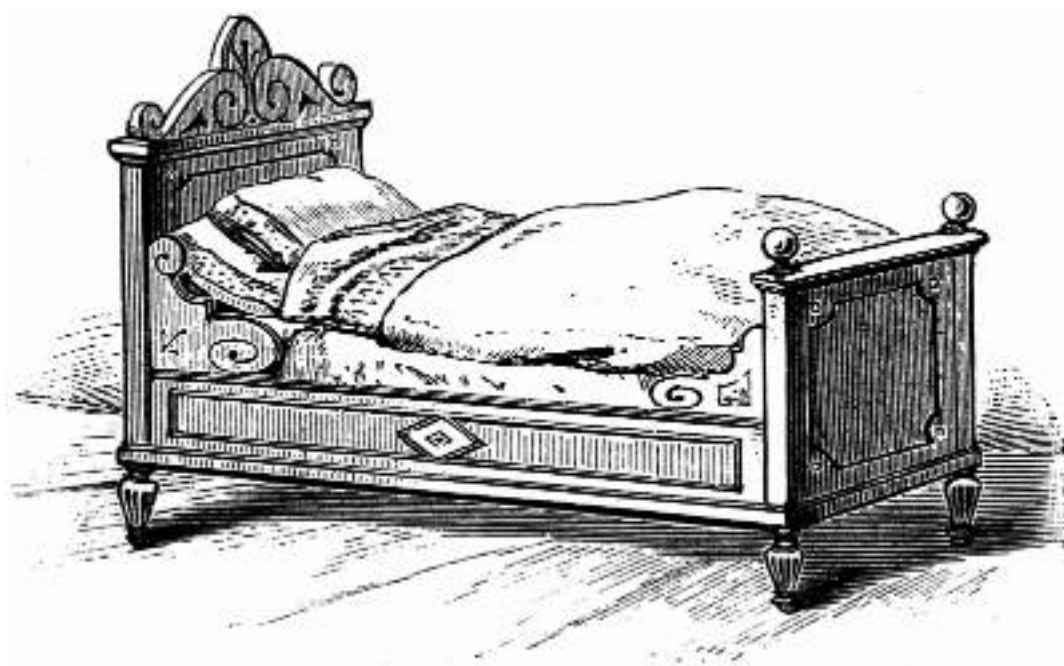
Рисунок Сидни Паджета к рассказу «Медные буки». Журнал “The Strand Magazine”. 1892

Прикроватный столик. Рисунок из каталога “JUNIOR Army and Navy Stores”. 1893

Сама по себе постель была невероятно сложным, по современным меркам, сооружением. Перины уже выходили из моды и использовались значительно реже, чем прежде, тем более что они были очень дороги и требовали очень заботливого ухода. В основном матрасы изготавливались из органических волокон: самыми дорогими среди них были шерстяные – матрас из чистой овечьей шерсти стоил от 4 фунтов 10 шиллингов, то есть, больше чем общая ежемесячная плата за квартиру Холмса и Уотсона. Средними по стоимости были волосяные матрацы, которые, при равных качествах с шерстяными, обходились раза в четыре дешевле. Предпочтение отдавалось матрасам из конского волоса, хотя в ходу были и менее долговечные – из коровьей щетины. Самыми дешевыми и практичными были матрасы, изготовленные из трех или четырех простеганных вместе грубых одеял – их можно было стирать. Как правило, под волосяной матрас для предохранения от железного острова кровати подкладывался еще и соломенный. Мечтой любого любителя поспать был, конечно, пружинный матрас, но такие матрасы были дороги. Как правило матрас представлял собой деревянную раму, на которой крепились спиральные пружины. Ткань прибивалась к этой раме, поэтому в ногах и изголовье, там, где натянутая ткань сильно сжимала пружины, высота матраса оказывалась ниже, чем в остальной части, и в этих местах клали валики, набитые хлопчатобумажными очесами. «Чтобы избежать неравномерного давления на пружины», поверх матраса следовало обязательно укладывать волосяной или какой-нибудь иной матрас. Но еще до

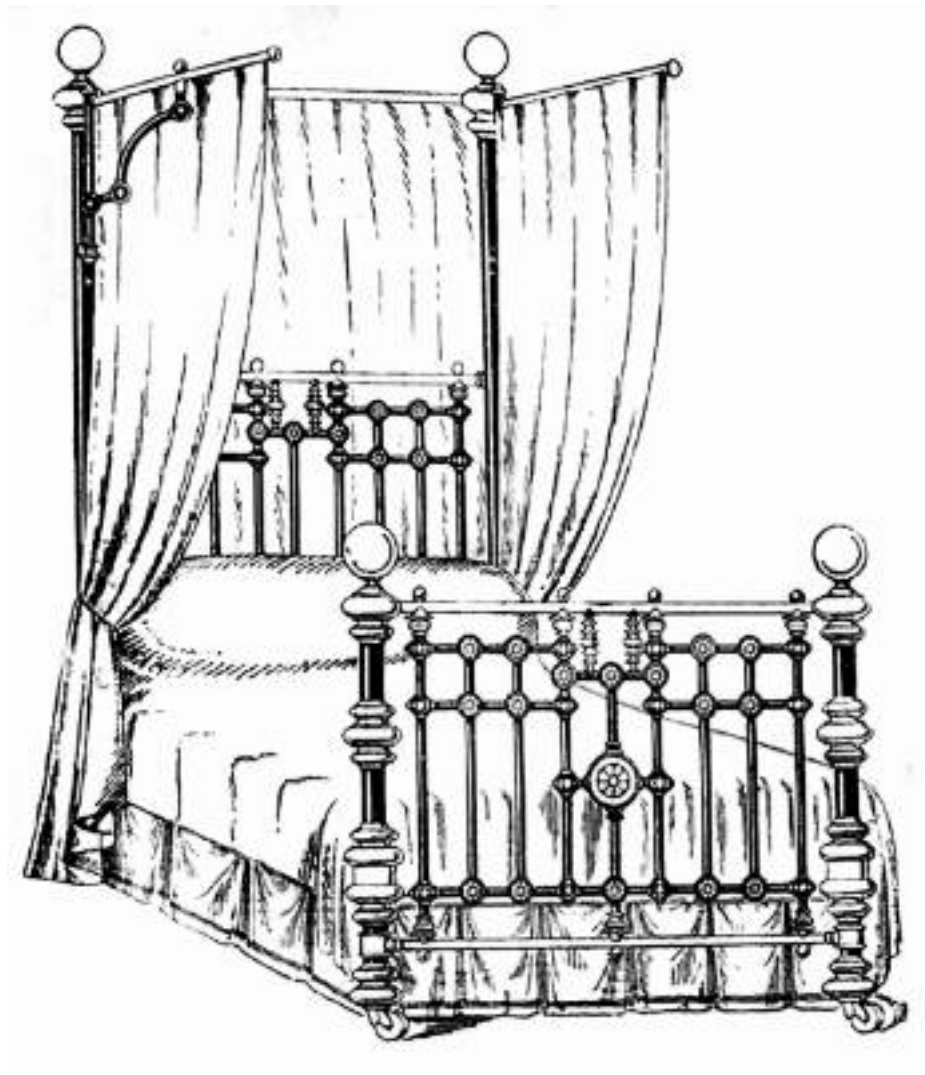
укладывания верхнего матраса рекомендовалось к пружинному привязывать кусок холста. Поскольку независимые пружинные блоки еще не были изобретены, спиральные пружины при сжатии цеплялись друг за друга витками, а со временем имели тенденцию деформироваться и зажевывать лежавший сверху волосяной матрас. Холст был призван предохранять верхний матрас от повреждений. На сам волосяной матрац натягивали дополнительный холщовый наматрасник для защиты его от сажи и грязи. Весь этот сложный фундамент из матрасов следовало переворачивать и вытряхивать каждый день, иначе материал, которым он был набит, сбивался и сваливался в комки.

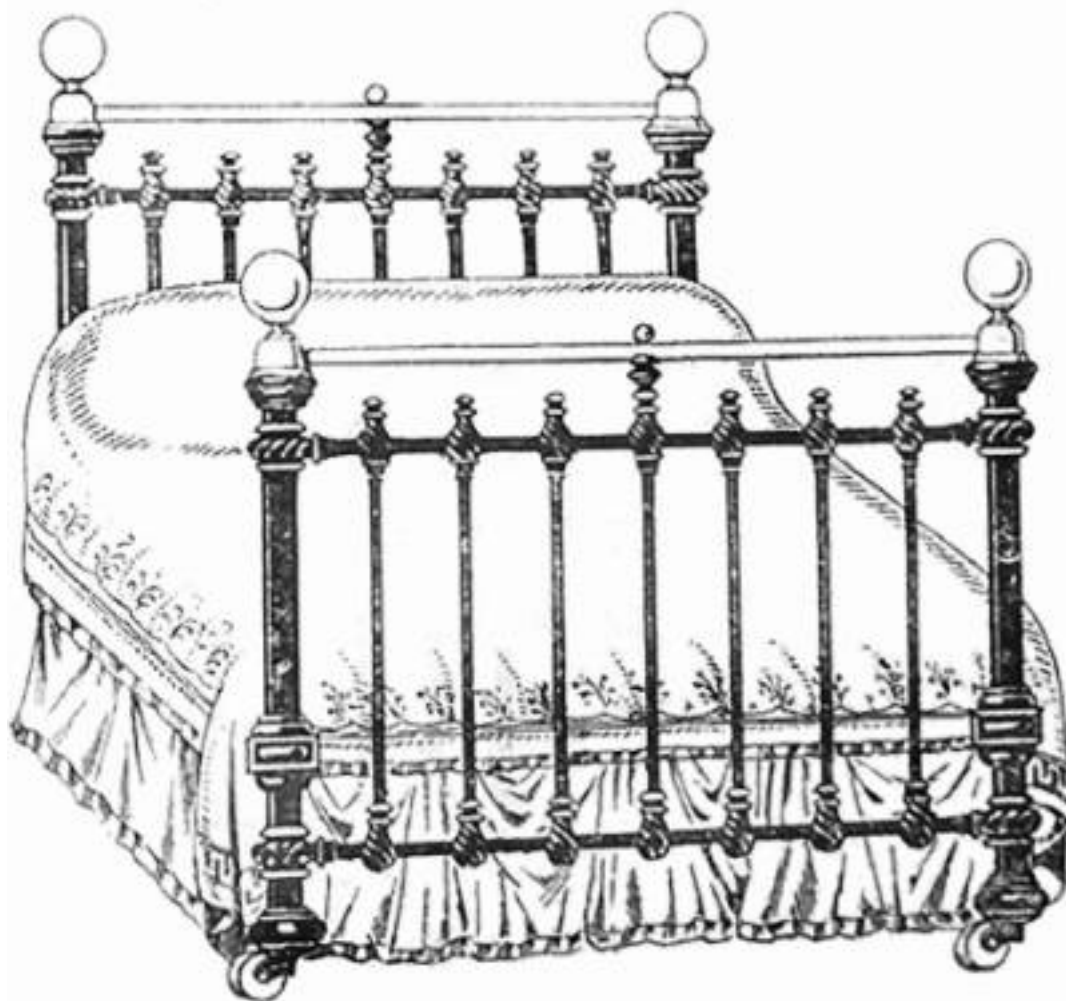
Деревянная кровать. Рисунок из книги "Illustriertes Haushaltungs-Lexicon". 1890

Металлическая кровать с плоскими железными пружинами. Рисунок из каталога “JUNIOR Army and Navy Stores”. 1893

Кровать с половинным пологом. Такая, скорее всего, была у миссис Хадсон. Рисунок из каталога “JUNIOR Army and Navy Stores”. 1893

А так, вероятнее всего, выглядели кровати Холмса и Уотсона. Рисунок из каталога “JUNIOR Army and Navy Stores”. 1893

Постельное белье состояло из нижней простыни, которую подвтыгивали не под верхний, а под нижний матрас (опять же чтобы защитить его от пыли и сажи), основной простыни, верхней простыни, одеяла (или трех-четырех зимой), валика под подушку, подушек, холщового покрывала для валика и подушек, и наволочек для валика и подушек. Простыни на кроватях Холмса и Уотсона стирались раз в месяц, причем в стирку никогда не отправлялось все белье сразу. Снимали основную простыню и наволочки, а верхняя простыня становилась основной, поверх которой стелили на следующие две недели свежую. Наволочки, как можно заметить, стирались чаще: каждые две недели.

Здесь самое время вспомнить о домашних паразитах, поскольку спальни и кухни были самыми уязвимыми местами в доме. Крысы и мыши считались сравнительно безвредными, в противоположность черным тараканам, клопам и сверчкам. Борьба с ними в викторианской Англии велась постоянно и неустанно. Миссис Хадсон как хорошая хозяйка должна была проверять свою кровать и постельное белье, кровати своих постояльцев и прислуги каждую неделю. В случае обнаружения клопов кровать разбирали и вместе со всем постельным бельем выносили во двор, где мыли кроватьную раму водой и хлорной известью, а затем посыпали персидским порошком. Из других средств использовали ошпаривание кроватных остовов круто посоленным кипятком, окуривание серой, а также смеси со свинцовыми, ртутными и содержащими мышьяк составами, равно как и вымачивание ковров в растворе кар-

боловой кислоты. Процедуру эту повторяли ежедневно до тех пор, пока от клопов не осталось и следа.

Многие для борьбы с насекомыми заводили ежей. Однако основным инструментом в этой войне был персидский порошок, который в Англии выпускался под названием «Порошок Китинга». Его основой была смесь цветов ромашки кавказской (пиретрум красный) и далматской (пиретрум цинерариелистный). Этот порошок рассыпали на кровати за несколько часов до сна. Продавался он в жестянках ценою 6 пенсов, 1 шилл. и 2 шилл. 6 пенсов. Если в «приличных спальнях» в 1880-х клопы и блохи были уже редкостью, то при всякой поездке Холмса и Уотсона за пределы Лондона «порошок Китинга» был непременным их спутником. Кроме того, всегда существовала опасность подцепить какую-нибудь блоху в кэбе, омнибусе или в поезде. По той же причине хозяйки старались избегать покупки подержанной мебели, а полученное из прачечной белье тщательно осматривали на кухне, прежде чем отнести наверх.

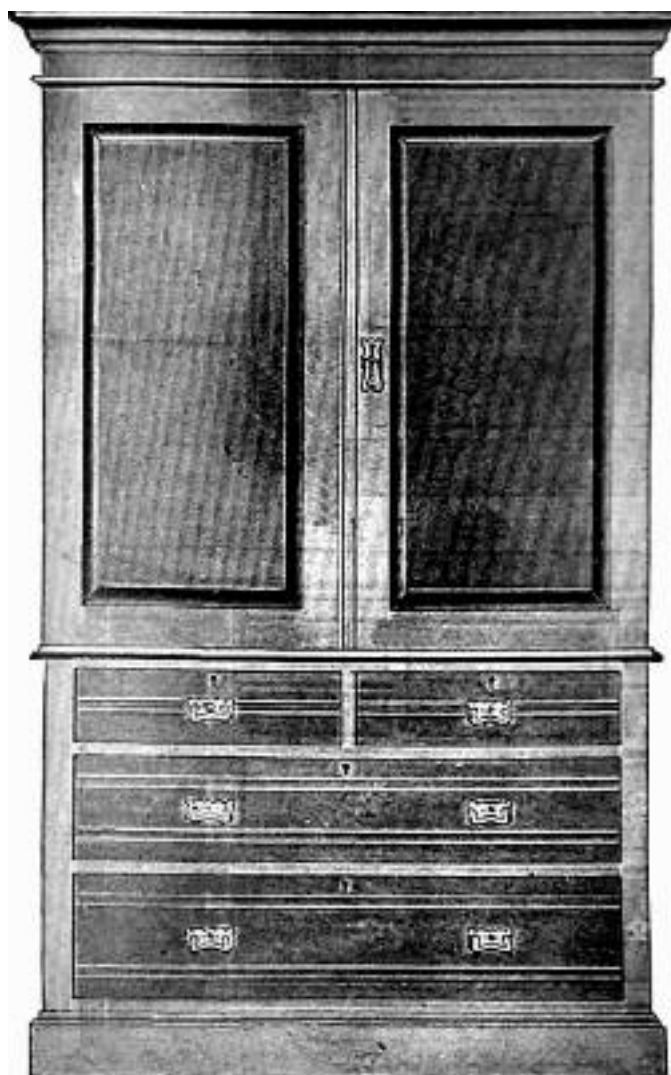

Реклама персидского порошка Китинга. Ок. 1888

Платяной шкаф в спальне был, как правило, тройным, с зеркалом (или без оно́го) на центральной дверце. За дверцей скрывался отсек с четырьмя или пятью выдвижными ящиками, а над ними находилась обычно небольшая ниша с двумя дверцами. По обе стороны этого центрального отсека были дверцы отделений, где вешалось платье. Внизу делался глубокий выдвижной ящик, хотя иногда шкафы изготовлялись и без него. В спальне обязательно имелся комод, обычно красного дерева, с тремя-четырьмя большими выдвижными ящиками.

Хранение одежды было обычной головной болью для жителей маленьких террасных домов. Ее вешали на крючках либо складывали в ящики комодов и коробки, поскольку до

1900-х годов вешалки (которые по-английски так буквально и назывались: «плечиики») не были распространены. Для одежды всегда не хватало места, поэтому для нее постоянно придумывали все новые хранилища: полые табуреты, скамьи, оттоманки. Оттоманка представляла собой сундук такой же ширины, как кровать, который имел прибитую к крышке квадратную подушку, набитую камвольной шерстью. Когда крышку поднимали, становилось возможным откинуть переднюю стенку и выдвинуть один из трех поддонов, на которые укладывалось платье. Это позволяло вынимать нужное платье, не тревожа остальные. Изнутри оттоманка отделялась синей бумагой, а снаружи часто обклеивалась кожезамениателем, так что при необходимости могла использоваться как дорожный сундук. Для красоты на оттоманку надевался чехол из ситца, подбитого небеленой хлопчатобумажной тканью или любым другим крепким и дешевым материалом. В сложенном виде хранили даже большие вещи. Так, Роберт Эдис, автор книги «Украшение и мебель городских домов» (1881) советовал ставить в холлах при входе буфеты «с полками, приспособленными для пальто». В спальне также держали коробку для обуви с выдвижным поддоном. Иногда ее объединяли с трехступенчатой прикроватной лесенкой из красного дерева. Верхняя ступенька представляла собой откидывающуюся крышку, а средняя – выдвижной ящик этого своеобразного маленького комода. Многие семьи с ограниченными доходами проблему хранения зимних вещей в теплое время года решали кардинально: весной они сдавали их в ломбард и выкупали обратно в конце осени.

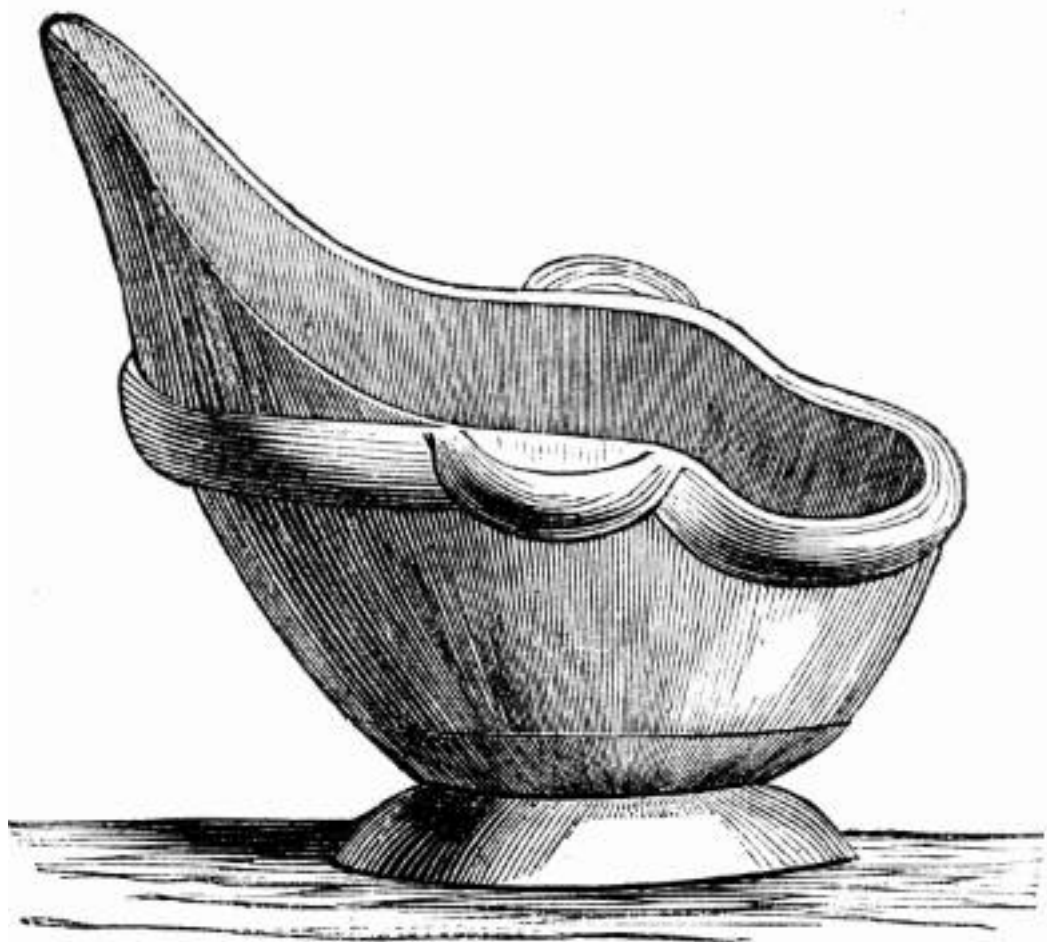

Платяной шкаф в спальне джентльмена. Рисунок из каталога “JUNIOR Army and Navy Stores”. 1893

Стулья для спальни редко изготавливались из красного дерева, палисандра или ореха; как правило, для них использовалась береза, платан и бамбук. Из гигиенических соображений набитые тростником сидения этих стульев во времена Холмса и Уотсона стали заменять плетеными. Считалось желательным иметь в спальне также диван или мягкое кресло. Часто мебель в спальнях была старой и прежде использовалась в столовой или гостиной.

В отличие от гостиной, где вешали парадные картины, стены спален обильно украшали эстампами, литографиями и фотографиями в легких рамках. В спальне у Холмса по всем стенам были развешаны картинки, изображавшие знаменитых преступников. Как и в гостиной, каминная полка здесь тоже бывала заставлена различными предметами, но значительно более скромно. У Уотсона в спальне на полке стояли часы. А вот у Холмса она была завалена всяким хламом: трубками, кисетами, шприцами, перочинными ножами и револьверными патронами.

До середины 1870-х годов спальня была местом, где умывались и даже мылись в небольших сидячих ваннах, в которые прислуга носила снизу из кухни горячую воду в больших бидонах из латуни или меди.

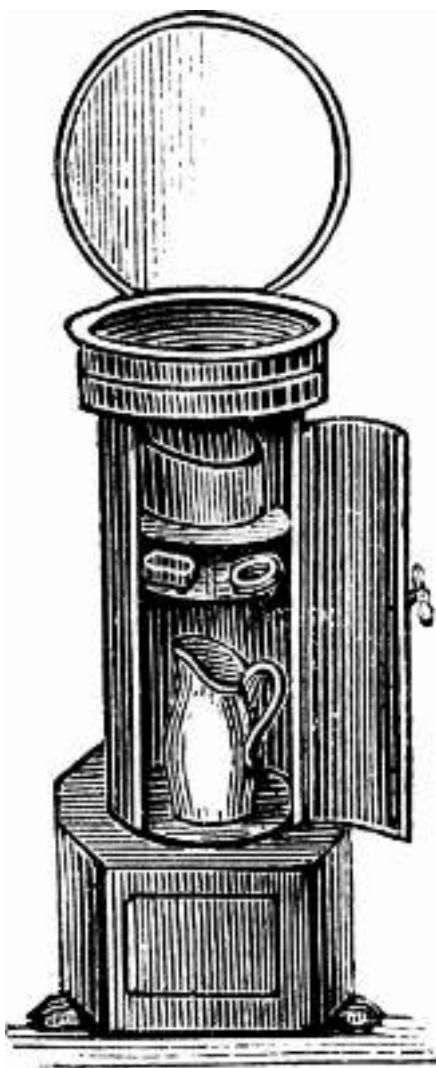

Сидячая ванна. Рисунок из книги “Illustriertes Haushaltungs-Lexicon”. 1890

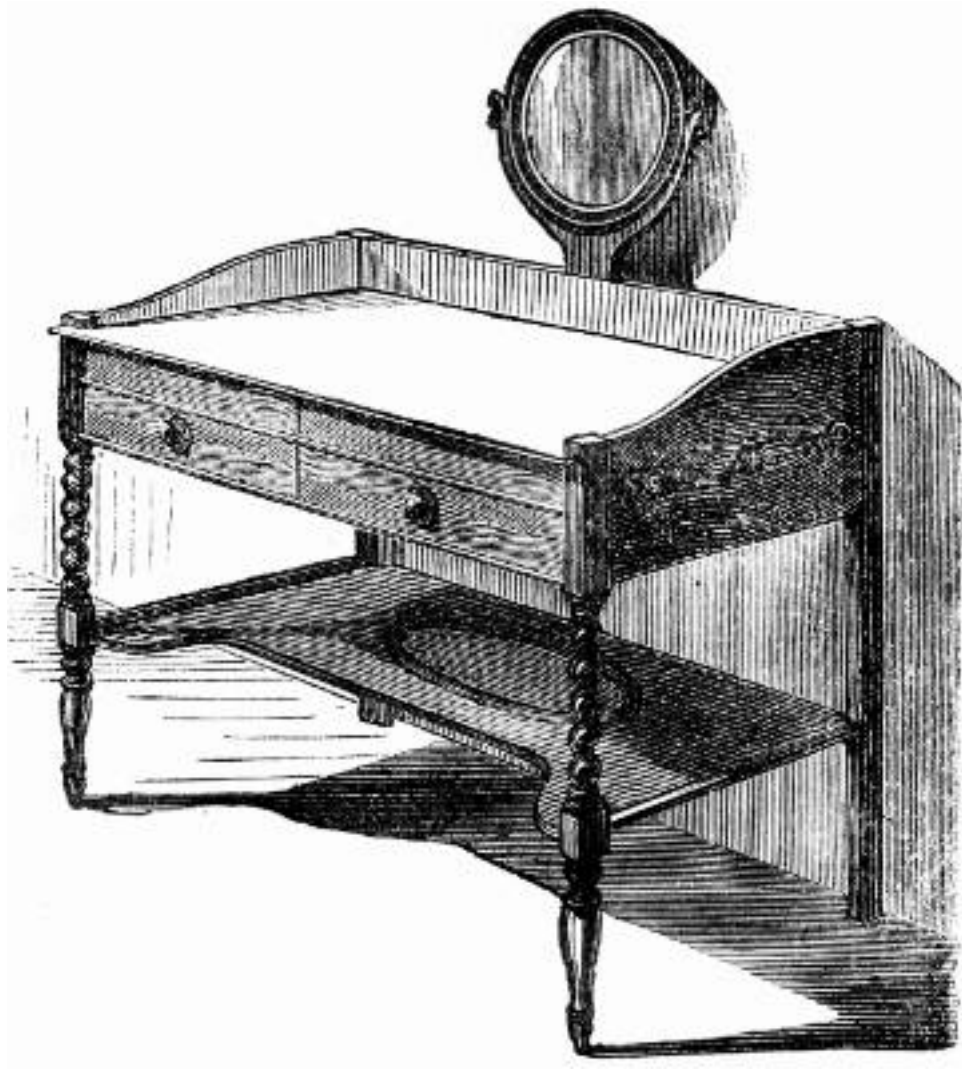
Мытье в сидячей ванне. Рисунок С. Поберовского

Однако к тому моменту, как Холмс с Уотсоном сняли квартиру на Бейкер-стрит, привычные для нас большие ванны стали уже обычным делом и помещались в отдельной комнате. Тем не менее, люди продолжали умываться в спальне, поэтому обязательной принадлежностью спальни был умывальник.

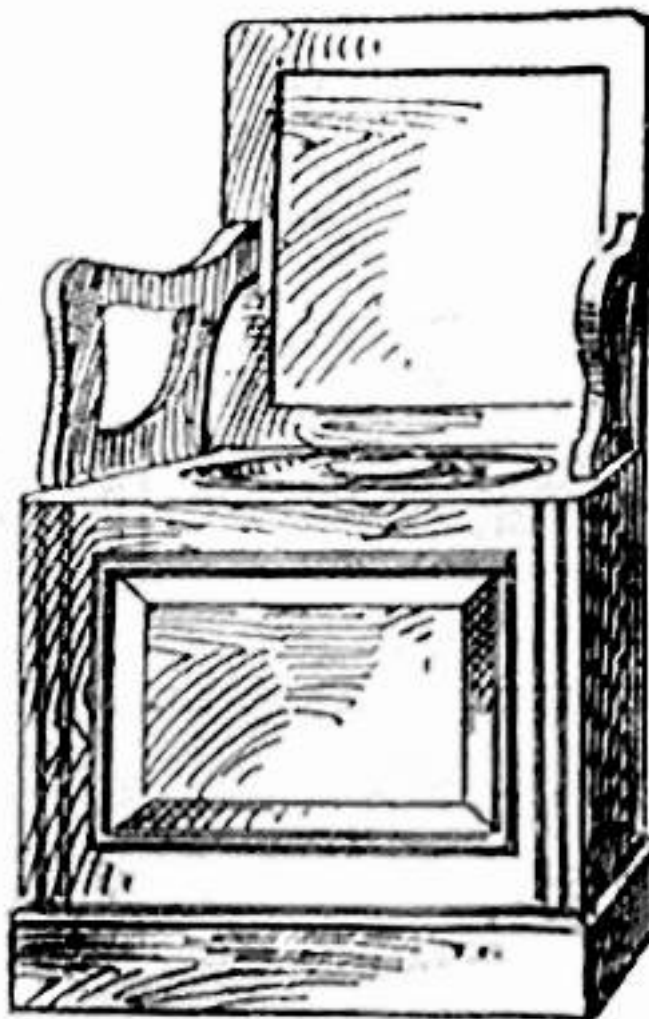
Умывальник. Рисунок из каталога “JUNIOR Army and Navy Stores”. 1893

Умывальник представлял собой продолговатый деревянный стол с раковиной и большим простым или расписанным узором кувшином. Делались умывальники из березы, потому что на ней вода не оставляла следов. Ближе к рубежу столетий деревянная столешница была заменена на мраморную, сперва почти всегда белую, а позже из красного или другого мрамора теплых оттенков. По обеим сторонам умывальника имелись вешалки для полотенец, на столешнице располагались мыльница, блюдце для губки, блюдце для зубной щетки и блюдце для щеточки для ногтей, бутылка с водой и стакан. Часто стенку над раковиной отделывали керамической плиткой, чтобы предохранить от брызг. Кроме умывальника, в обстановку спальни входила также корзина для белья.

Столик для бритья. Рисунок из книги “Illustriertes Haushaltungs-Lexicon”. 1890

Все еще были в ходу ночные горшки, которые держались под кроватями и часто имели тот же цвет и рисунок, что и кувшин умывальника. Они исчезали по мере того, как отхожие места перекочевывали со двора во внутренние помещения.

Стульчак для ночного горшка. Рисунок из каталога “JUNIOR Army and Navy Stores”

Газовое освещение в спальнях старались не использовать, поскольку в этом случае прислуга должна была зажечь его, пока хозяева все еще были в гостиной, так что ко времени сна значительная часть кислорода была бы сожжена. Каминные в спальнях не горели и были совершенно бесполезны с точки зрения вентиляции, поэтому при закрытых окнах головная боль к утру была бы обеспечена. Холмс с Уотсоном удалялись к себе в спальню с зажженной свечой или с канделябром на пару свечей, которые ставились на каминную полку. Спички старались положить где-нибудь недалеко от изголовья так, чтобы их легко было найти в темноте. В спальне Холмса небольшая полочка для спичек уже вполне могла быть покрашена недавним изобретением, «Люминесцентной краской Бламейна», как это советовал Шерли Мерфи.

Кроме двери, соединявшей спальню Шерлока Холмса с гостиной, имелась еще одна дверь, которая из спальни выходила прямо в коридор, соединявший два лестничных пролета. По лестнице можно было подняться на третий этаж, где располагалась выходившая в тот же двор с платаном спальня Уотсона (доктор спускался из нее в гостиную к завтраку). Понятно, что кроме спальни Уотсона на третьем этаже была, по крайней мере, еще одна комната (может быть, разделенная перегородкой на две), равная примерно площади гостиной внизу. Кому принадлежало это помещение, мы не знаем. Я склонен предполагать, что оно

было изолированно от всех других помещений третьего этажа и служило квартирой домохозяйке миссис Хадсон. На четвертом этаже была спальня горничной.

На протяжении саги о Холмсе мы встречаем упоминание других комнат, которые занимали Холмс с Уотсоном. Вероятно, по мере повышения социального статуса Холмс расширял и свою жилую площадь. Например, в «Шести Наполеонах» говорится: «Холмс провел этот вечер, роясь в подшивках старых ежедневных газет, которыми был завален один из наших чуланов. Когда он, наконец, спустился...». Так что к 1903 году в распоряжении Холмса было, по крайней мере, два чулана, и они находились вверху. Логичнее всего было бы предположить, что чуланы располагались на четвертом этаже. Однако некоторые упоминания очень трудно или даже невозможно уложить в единую схему.

Например, Уотсон позднее говорил о «скромной комнате» и о «нашей маленькой гостиной», тогда как в «Этюде в багровых тонах» они сняли квартиру с «просторной» гостиной. Можно, конечно, предположить, что Уотсон сравнивал их общую гостиную с теми, что находились в квартирах в Паддингтоне, Кенсингтоне и на Куин-Анн-стрит, которые он снимал, когда был женат. А вот где находилась приемная, упомянутая в «Союзе рыжих», неясно. И что имел в виду Уотсон, когда, навещая Холмса, нашел детектива занятым беседой с краснолицым мистером Джабезом Уилсоном и предложил: «Тогда я подожду в соседней комнате». Ведь не в спальне же Холмса собирался он дожидаться окончания разговора! Опять же, где квартировал мальчик-посыльный Билли, которого Холмс нанял во второй половине 1880-х?

Ответа на эти вопросы нет. Возможно, «большая просторная гостиная» была еще раз перепланирована и разделена на «маленькую гостиную» и «приемную». На плане я поместил приемную, то есть помещение, где посетители могли дожидаться, когда Шерлок Холмс примет их, в дворовой пристройке. Эту приемную Холмс мог иметь в виду, говоря о соседней комнате. Для размещения Билли какая-то свободная площадь оставалась на четвертом этаже.

Глава 8. Кухня, ванная комната и дворовые пристройки

Однако пора, как было обещано, спуститься вниз и заглянуть в подвал. Туда вели два входа – один с улицы, другой из холла, вероятнее всего из-под лестницы, ведущей на второй этаж. В подвале располагалась кухня и все, что было связано с ней. Здесь всегда горел огонь в кухонной плите, в которую был вделан бак для кипячения воды. Помещение, отведенное под кухню, украшали развешанные по стенам кухонные полотенца гигантских размеров, металлические блюда, разнообразные медные кастрюли, горшки и фарфор, окна были занавешены холщовыми занавесками.

Сцена на кухне. Рисунок из журнала "Punch". 1891

Сами стены были оклеены лакированной бумагой, упрощавшей мытье. В 1890-х годах распространилась облицовка глазированной плиткой, так что после возвращения Холмса из небытия в 1894 году кухня миссис Хадсон скорее всего имела достаточно современный вид. Кухонный стол был обычным буфетом с широкой столешницей, ящиками и шкафчиками под ней и полками наверху, одна из которых делалась мраморной для содержания продуктов в прохладе. В открытом очаге на специальном крюке с металлическим экраном, отражавшим

исходящее от огня тепло и потому позволявшем обжаривать мясо равномерно со всех сторон, подвешивали весьма крупные куски баранины или говядины, размеры которых были необычны для континента или России. Из кухни несколько дверей вело в различные подсобные помещения: судомойню – комнату для мытья тарелок и блюд, чистки ножей и вилок, одежды и обуви; в кладовые для провизии, угольный подвал, винный и пивной погреба. На Бейкер-стрит кладовая могла находиться во дворовой пристройке. Судя по советам, приводимым в многочисленных справочниках и руководствах для подыскивающих жилье, помещения цокольного этажа часто имели плохую гидроизоляцию и потому были сырые и заплесневелые. Впрочем, мы не знаем, как обстояли дела в подвале дома 221-б на Бейкер-стрит – похоже, что Шерлок Холмс и доктор Уотсон никогда туда не спускались.

Судомойня была тем местом в доме, куда подводился водопровод. Уже из судомойни трубы шли внутрь дома в ванную и ватерклозет. Стоимость воды во времена Холмса составляла примерно 10 % от стоимости аренды. Наличие водопровода вовсе не означало, что вода поставлялась водопроводными кампаниями двадцать четыре часа в сутки и все семь дней в неделю. В 1874 году только 10,3 % домов имели постоянное снабжение, в 1890-х такие дома составляли четверть от всех лондонских домов. Часто воды не было по воскресеньям, а в те несколько дней, когда она текла из крана, это счастливое время длилось один-два часа. Только в 1902 году, с созданием Столичного водопроводного управления, водоснабжение во всех районах стало постоянным. Впрочем, дома на Бейкер-стрит, скорее всего, входили в число счастливицев, имевших воду в любой час и день.

В небольших домах кухня, как правило, служила одновременно спальней для прислуги. Вероятно, так было и на Бейкер-стрит, в том случае если у миссис Хадсон помимо горничной, которая упоминается уже в «Этюде в багровых тонах», имелась кухарка. Скорее всего, в 1881 году кухарки еще не было, и миссис Хадсон делила с горничной, исполнявшей роль универсальной прислуги, домашнюю работу, в том числе участвовала по понедельникам в стирке белья.

К концу 1880-х Холмс приобрел достаточную известность, и доходы его выросли настолько, что позволили ему после женитьбы Уотсона нанять Билли, служившего у детектива до самого его ухода от дел в 1903 году. Возможно, тогда же и миссис Хадсон обзавелась кухаркой – считается, что миссис Тернер, действующая в рассказе «Скандал в Богемии» вместо домохозяйки, могла быть ею. С этого момента обязанности между горничной и кухаркой распределялись примерно так: кухарка готовила пищу, полностью заботилась о кухне, мыла коридоры, кухню, судомойку, холл и лестницу, а утром (когда горничная была занята уборкой, а наиболее вероятными посетителями были торговцы, явившиеся за распоряжениями кухарки) открывала дверь на звонки. Горничная же убирала спальни и гостиную на втором этаже, прислуживала при обеде, готовила чай и открывала дверь остальную часть дня, а также в целом прислуживала миссис Хадсон.

День в доме 221-б у прислуги летом начинался в половине шестого утра, зимой, самое позднее, в шесть и длился часов до десяти вечера. Первым делом кухарка чистила плитку, наполняла водой бак для кипячения, а горничная ставила чайник и принималась точить ножи либо чистить обувь миссис Хадсон и постояльцев. Затем она поднималась на второй этаж в гостиную. Шерлок Холмс, который любил поздно вставать, еще спал. Горничная поднимала жалюзи в гостиной, раздвигала гардины и тюлевые занавески, и закрывала тканью мебель и украшения. Теперь можно было приниматься за уборку. Коврик перед камином (на плане квартиры 221-б в журнале «Стрэнд» перед камином лежала медвежья шкура) она складывала и потом выколачивала на дворе, поверх ковра постилалась грубая ткань. Каждый день горничная чистила и полировала графитовой пастой под камин, каминный прибор и барьерную решетку, затем, выдвинув из-под решетки поддон, при помощи специального ручного

сита или вделанного в крышку специального оловянного ведра решета отсеивала золу от угольного шлака – его затем использовали на кухне. После чего разводился огонь, чтобы согреть комнату к тому моменту, когда Шерлок Холмс с доктором Уотсоном выйдут завтракать. Оставалось вычистить и протереть мебель, вымыть каминную доску, рассыпать по ковру влажную, спитую накануне заварку, и подмести ее.

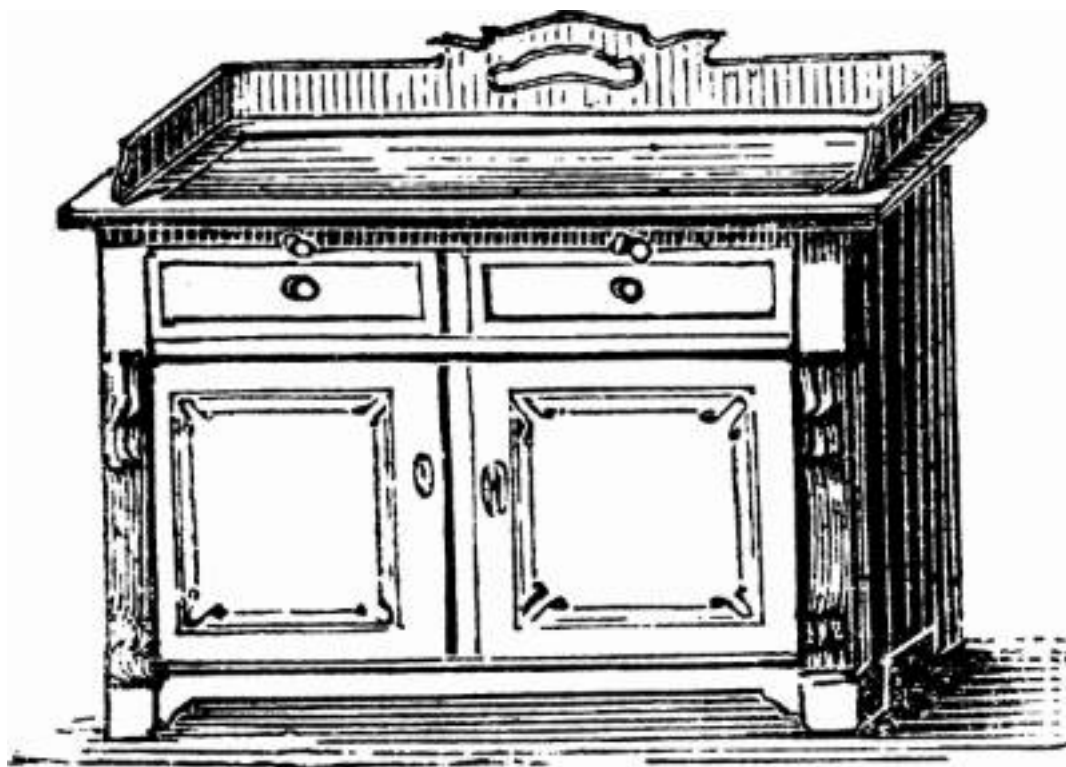

Служанка и домохозяйка. Рисунок из журнала "Punch". 1892

Такое внимание уборке и защите от грязи было вызвано не только, и даже не столько пристрастием миссис Хадсон к чистоте – в конечном счете, она позволяла Шерлоку Холмсу многие вещи, которые казались бы недопустимыми для других квартирантов, а сам Уотсон характеризовал их гостиную как «неопрятную». Дело в том, что городская пыль была в те времена не просто сравнительно безвредными и досадливыми мельчайшими твердыми частичками, носящимися в воздухе и оседавшими на мебели. Ширли Мерфи в «Наших домах» предупреждал, что «домашняя пыль – это, фактически, порошок из высушенной лондонской грязи, в значительной степени составленной, конечно, из тонко диспергированного гранита или древесины тротуаров, но содержащий, в дополнение к ним, частицы всякого рода разлагающейся животной и растительной материи. Навоз от лошадей и других животных, рыбы внутренности, капустная хряпа, трупы дохлых кошек и вообще разнообразное содержание мусорных ящиков, все вносит вклад... и чтобы сохранить приют для

этой смеси, исполненные благих намерений люди не допускают [чрезмерной драпировкой] солнце, чтобы его лучи не могли испортить их ковров».

Пока квартиранты и хозяйка вставали и приводили себя в порядок, горничной надо было успеть вытрясти циновки и коврики из холла, от парадной двери и с лестницы, вымыть пол в холле и отполировать всю медную фурнитуру. Затем она должна была переодеться в чистое хлопковое платье, передник и наколку, накрыть в гостиной на стол и принести с кухни завтрак.

Сервировочный стол. Рисунок из каталога “JUNIOR Army and Navy Stores”. 1893

Подавать его на стол Шерлоку Холмсу и доктору Уотсону предпочитала сама хозяйка, миссис Хадсон. В то время как постояльцы и хозяйка завтракали, горничная отправлялась проветривать спальни. Ей нужно было снять белье, перевернуть матрасы, опорожнить и прополоскать ночные горшки горячей водой с содой. Мытье полов занимало летом три дня в неделю (зимой это случалось реже из опасения сырости) – в гостиной полы мылись обычно в четверг, а в спальнях во вторник и среду.

В остальное время Шерлок Холмс и доктор Уотсон не видели прислугу, разве что во время пятичасового чая, который готовила горничная, да вечером за обедом, когда она приносила блюда из кухни.

Чтобы закончить со всеми помещениями дома 221-б по Бейкер-стрит, осталось выйти во двор и оглядеть дворовую пристройку. Поднимемся по крутой лесенке обратно в холл и пройдем в глубину дома. Если бы не было пристройки, дверь из холла вела бы прямо на улицу, однако в нашем случае мы попадем сперва в небольшие сени, из которых одна дверь ведет наружу, а другая – в кладовку. Здесь же в сенях оборудованы полки для съестных припасов. Внутренний двор был мощеный, образованный кирпичными стенами невысоких построек, перекрывших доступ к Кинг-стрит-мьюс, когда-то значительно более широкой и проходившей прямо перед домом. Во дворе рос платан. Платан – дерево большое, и ему было бы маловато места в реальном дворике дома Бенинга Арнольда. Но мы вынуждены

смириться с тем, что он должен здесь расти. Возможно, он рос у самой дальней стенки двора и был уже достаточно большим, чтобы его ветви простирались над крышами нашей пристройки и невысоких строений на Кинг-стрит-мьюс. Здесь, во дворе, миссис Хадсон и ее горничная развешивали сушить белье – завидная возможность, которой не было у соседей.

Прачка на заднем дворе. Рисунок из журнала “Punch”. 1900

В дворовой пристройке было два этажа. Часть второго этажа занимала приемная, а дальний конец – ванная комната, которую можно видеть на плане. Специальные ванные комнаты стали строить с 1870-х годов, а после 1900 года уже все дома строились с такими комнатами. Как правило, они были небольшими, так как умывались все еще в спальнях, и не было необходимости отводить место под умывальник. Примерно в это же время в старых домах под ванные комнаты стали переделывать одну из спален, как правило, над кухней или судомойней, откуда шла горячая вода и где имелаась канализация; в этом случае ванные были значительно больше по размерам. Для защиты нижних помещений от воды благоразумная миссис Хадсон могла постелить на пол свинцовый лист с загнутыми вверх краями и сливной трубой, связанной с трубой канализационной. Сверху на свинец клался либо линолеум, имитирующий плитку, либо коврик из пробки. Как правило, в ванных ставились стенные шкафчики, покрашенные в темно-коричневый цвет. В 1880-х сами ванны и раковины изготавливались из железа, олова, белой жести, керамики или фаянса. Появились и чугун-

ные эмалированные ванны, однако в то время эмаль была весьма несовершенна и требовала частого подновления. Снаружи ванну красили (что делалось чаще всего) либо забирали в короб. Нижнюю половину стекла в окнах и в двери ванной делали, как правило, матовой, чтобы уберечь моющего от нескромных взоров.

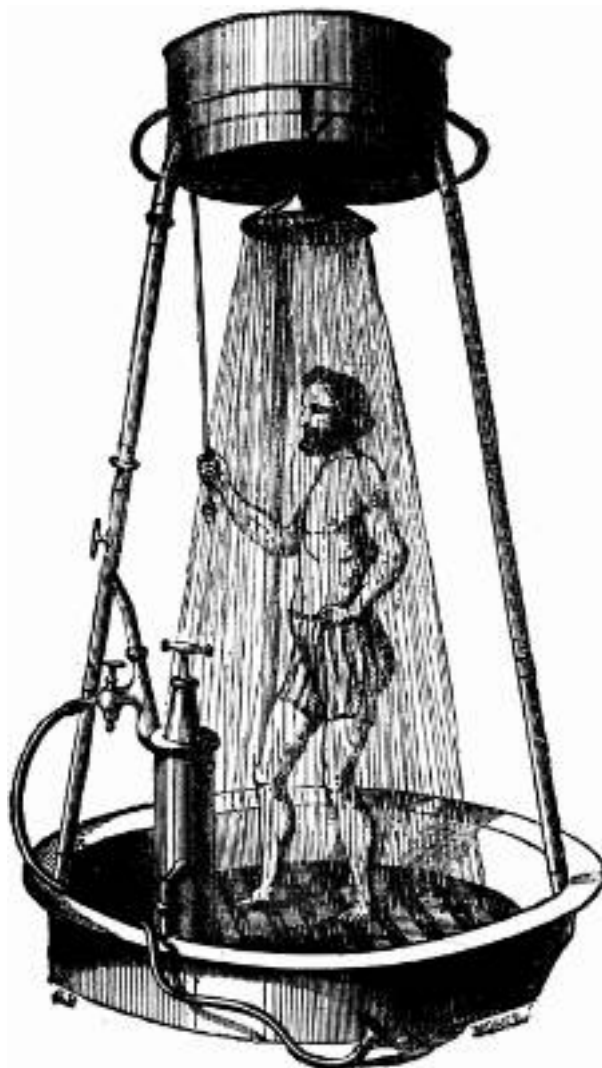

Ванная с водонагревательной колонкой «Куин». Рисунок из каталога “Young & Marten, Merchants and Manufacturers”. 1895

Наличие ванной в доме увеличивало величину годовой аренды примерно на 10 фунтов, что составляло в случае Холмса с Уотсоном чуть более 20 % суммы, которую они платили миссис Хадсон. Поэтому мы можем предположить, что первоначально ванны как таковой в доме на Бейкер-стрит не было. До появления в доме квартирантов миссис Хадсон и прислуга мылись в своих комнатах или гардеробных при помощи тазов и кувшинов, а купались в сидячих ваннах, обтираясь губкой. Эти ванны были весьма разнообразны: от самых дешевых оловянных до эмалированных и оцинкованных. Материал выбирался не только в зависимости от стоимости, но и от того, переносили ванну или она всегда стояла на одном месте; в последнем случае ее можно было делать тяжелее. Горячую воду наверх таскала прислуга в медных бидонах, вмещавших примерно ведро воды (ок. 12 литров). Такими же сидячими ваннами пришлось пользоваться первые несколько лет Холмсу с Уотсоном.

Когда доходы постояльцев миссис Хадсон выросли, и она смогла увеличить им плату за жилье, ванная была, конечно, установлена. Обычно в домах, где сдавались меблированные комнаты в наем, домовладельцы предпочитали для нагрева воды непосредственно перед купанием использовать водонагревательные колонки, появившиеся в 1860-х годах. С точки зрения владельцев, это было значительно выгоднее, чем проводить наверх трубы с горячей

водой: колонки нагревались газом, коксом или нефтью, за которые платили жильцы, стоимость же самой колонки была невелика. Сами жильцы такой любви к колонкам не испытывали: это были дорогие и шумные устройства, которые, к тому же, иногда взрывались. Мы знаем со слов Уотсона, что впоследствии миссис Хадсон благоговела перед Холмсом, к тому же он хорошо платил ей, поэтому вместе с установкой ванны она могла провести и трубы с горячей водой (стоило это в 1880-х годах 50–60 фунтов). В 1890-х стало доступно такое новшество, как душ, но он был еще очень несовершенен, подсоединялся напрямую к крану и норовил облить моющегося то кипятком, то ледяной водой, поэтому в доме 221-б во времена проживания там Шерлока Холмса он вряд ли прижился.

Душ. Рисунок из книги "Illustriertes Haushaltungs-Lexicon". 1890

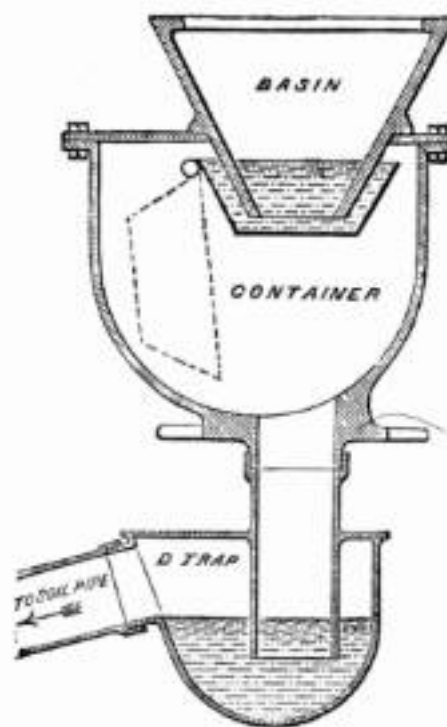
Следует добавить, что уже к 1870-м годам считалось, что ежедневно нужно мыть с мылом лицо, подмышки, ноги и область паха, также рекомендовалось каждый день обтираться губкой, но уже без мыла, поскольку такое обтирание делалось не ради чистоты, а чтобы взбодрить организм. Регулярное мытье головы рекомендовалось как «превосходное средство для предотвращения периодической головной боли». Купание в ванной тоже рассматривалось скорее как тонизирующее, а не гигиеническое средство, поэтому мылись обычно отдельно от приема ванны, поздно вечером перед сном. Причем до конца века существовал различный подход к купанию: в нашем случае Холмс с Уотсоном постоянно исполь-

зовали ванну, а вот миссис Хадсон и женская прислуга предпочитали ей теплые обтирания губкой у себя в спальнях.

Первый этаж дворовой пристройки занимала кладовка, служившая, скорее всего, одновременно и прачечной, и туалетом. В гигиеническом отношении, с современной точки зрения, Лондон в царствование королевы Виктории не был образцовым городом, хотя здесь в самом широком ходу были ванны, ватерклозеты и другие блага цивилизации. Диспепсия (т. е. расстройство желудка) мучила горожан самым неприличным образом, и если у нас в России в ходу было выражение «старый пердун», британцы предпочитали другое – “old” или “aged dyspeptic”. Поэтому можно предположить, что обитатели квартиры на Бейкер-стрит – хотя Уотсон нигде не пишет об этом – пользовались ретирдным местом чаще, чем мы можем предположить.

Согласно закону об общественном здоровье от 1848 года, любой домовладелец обязан был иметь какой-нибудь постоянный резервуар для фекалий, будь то выгребная яма с золой, отхожее место или ватерклозет. Когда наступал ответственный момент, ставилась на бронзовую подставку недокуренная трубка, откладывалась в сторону скрипка или лупа, закрывалась так и не дочитанная статья в «Британской энциклопедии» или курс патологии, и раздавались торопливые шаги великого детектива-консультанта или его верного друга. Куда они направлялись, мы знаем, но что ожидало их там, куда они так стремились?

К тому времени ватерклозет прошел уже довольно длительный путь развития. Ватерклозет «Аякс», изготовленный в 1596 году для установки в Ричмонд-Палас сэром Джоном Харингтоном, крестником королевы Елизаветы I (известной тем, что принимала ванну раз в месяц «вне зависимости от того, нужно это было или нет»), был первым нужником (necessary) в английской истории. Однако сэр Джон был высмеян другими пэрами за такое абсурдное устройство и никогда больше не строил ничего подобного, хотя и он сам, и королева продолжали пользоваться этими ватерклозетами вместо ночных горшков. Первый патент на пра-унитаз принадлежал Александру Каммингу, который в 1775 году изобрел S-образный сифон, в котором водяная пробка надежно изолировала сортир от запахов канализации. Он имел сдвижной клапан внизу для удержания воды. Три года спустя Джозеф Брама, слесарь и инженер, запатентовал улучшенную версию с двумя шарнирными клапанами – один клапан закрывал днище чашки, а второй (предтеча современного поплавкового клапана) – слив в бачке (оригинал до сих пор используется в палате лордов; он также стал прототипом клозетов на кораблях и в поездах). В 1782 году было изобретено «U-образное колено» или сифон с водяным запором. В 1852 году Дж. Дж. Дженнингс представил смывную систему с неглубокой чашкой, опорожняемой в S-образный сифон.

Клозет с U-образным сифоном. Из книги “Our Homes, and How to make them Healthy” Ширли Мерфи. 1883

Туалетные чашки ватерклозетов системы Браммы изготавливались литыми из металла, красились и не имели бортика на ободе. Чтобы понять принцип их действия, достаточно вспомнить известные всякому, кто ездил на поездах, системы, в которых при нажатии на педаль открывается дно, и вода смывает содержимое горшка в отверстие. В системе Браммы вода из чашки попадала сперва в особый резервуар внизу, а потом уже в выгребную яму или сточную канаву. У этих ватерклозетов было много недостатков. Металл ржавел и швы между чашкой и нижним резервуаром протекали. Поскольку клапан был ненадежен и часто застревал, бачок нередко переполнялся. Кроме того, при смыве приходилось рассчитывать исключительно на силу спускаемой воды, а лондонские правила запрещали использовать за один смыв более двух галлонов, чего было недостаточно для полного удаления фекалий. Хотя вся конструкция помещалась в деревянный корпус, клозет все равно ужасно вонял и не годился для применения внутри дома, поэтому уборную старались размещать во дворе у задней стены дома так, чтобы над ней не было никаких окон.

К 1870 году Томас Туайфорд модернизировал клозет Браммы, заменив подверженные коррозии металлические части фаянсовыми. Хотя ему не удалось кардинально избавиться от основных недостатков клозета Браммы, примерно с этого времени в новых домах уже при строительстве стали устанавливать уборные внутри дома. Однако хозяева старых строений не спешили переносить сортиры со двора внутрь. Новые и неудачно расположенные водосточные трубы, указывал Ширли Мерфи, приводили к тому, что «каждый раз, когда содержание бачка спускалась, звук воды, мчащейся вниз по трубке, был отчетливо слышен в гостиной». Была и еще одна проблема, мешавшая быстрому распространению внутридомовых уборных: страх эпидемий тифа и холеры, которые свирепствовали в 1860-х годах, унося тысячи жизней. «Сколько смертных случаев, – спрашивал в 1877 году санитарный инженер С. Стивенс Хелльер, – были вызваны ... грязной водосточной канавой, зараженным ватерклозетным сифоном, переполненной канализационной трубой...?»

Организация в 1870-х годах системы канализации покончила с эпидемиями, но не везде она была устроена должным образом, как это показывает письмо уже известного нам анонимного доктора редактору «Таймс». В цитируемом ниже отрывке для нас интересны две вещи: доктор жил где-то неподалеку от Бейкер-стрит (я предполагаю, что он занимал бывший дом Стивенса Хеллнера, но точно это установить не удалось), и письмо было написано 17 апреля 1881 года, то есть чуть больше месяца после поселения Шерлока Холмса и доктора Уотсона в меблированных комнатах у миссис Хадсон.

«Мой первый позыв к тому, чтобы выяснить фактическое состояние вещей был вызван приблизительно спустя неделю или десять дней после начала моей аренды визгом одной из моих служанок из цокольного этажа, которая была испугана внезапным появлением крысы. Моей первой мыслью было то, что незваный гость обнаружил какой-то проход между моей кухней и Баркингским устьем (водоотводом); но при осмотре я обнаружил, что дом даже не был связан с уличным коллектором, и что мы жили над сотами выгребных ям. На следующий день я отослал семейство в Брайтон, освободил выгребные ямы и полностью засыпал их, проложил канализационную трубу к коллектору, и был некоторое время доволен. Мой прямой арендодатель очень щедро и любезно позволил мне вычесть из моей аренды половину фактической стоимости работы; но он не стал делить расходы по отправке моей семьи или непредвиденной потере из-за временной непригодности дома для использования в качестве места приема пациентов.

В назначенное время мы все вновь водворились в наше жилище, и вскоре сосед-медик посетил меня. Мой посетитель не знал, через что мы прошли, но он привык посещать моего предшественника по аренде и был хорошо знаком с домом. После разговора в течение какого-то времени он начал принохливаться и, наконец, воскликнул: «Вот это да! Вы избавились от запаха N!» Он приписывал слабый аромат, который прежде витал в комнате, в которой мы находились, личному присутствию выдающегося гигиениста, которого он имел в виду».

В «Этюде в багровых тонах» констебль Рэнс поведал Шерлоку Холмсу и доктору Уотсону, что два дома на Лористон-Гарденс близ Брикстон-роуд стоят пустые и никто не желает в них селиться, потому что хозяин не хочет чистить канализационные трубы, хотя последний жилец умер там от брюшного тифа. К этому времени развитие медицинских знаний уже позволяло отвергнуть представление о человеческих экскрементах как прямых разносчиках холеры и тифа и о загрязненной грунтовой воде как сопутствующем им факторам. На плохие канализационные трубы все еще возлагалась ответственность за многие другие болезни, вроде дифтерии, лихорадки, расстройства желудка, запора и рожистых воспалений. Поэтому устройство прямо в доме помещений, которые служили источником опасности для здоровья, многим казалось нерациональным. Неудобство же ночных хождений во двор решалось старинными методами – при помощи ночного горшка под кроватью, который утром при уборке опорожняла горничная.

В 1884 году на Выставке здоровья в Лондоне золотую медаль получил напольный вазообразный клозет Дженнингса, однако честь создания революционной конструкции цельного клозета выпала на долю Томаса Туайфорда. В 1885 году он изготовил цельное (состоявшее из чашки и S-образного сифона Дженнингса), свободно стоящее на цокольной подставке устройство, а несколько позднее в том же году изобрел туалет вообще без клапанов, который был изготовлен целиком из фарфора и назван им «Юнитас» (откуда, собственно, и пошло название «унитаз»). Эти изобретения во многом решали проблему подтекающих соединений и неприятных запахов.

В 1886 году лондонская компания «Бофорт Уоркс» из Челси изготовила клозет, в котором улучшила проход воды через сифон для смывания самых тяжелых фракций, и унитаз приобрел практически современное устройство. Примерно в это же время Томас Краппер,

владелец лондонской сантехнической компании, внедрил сифонную систему для опустошения сливных бачков, построенную на приобретенном им патенте Альберта Гиблина от 1819 года на «Бесшумный Бесклапанный Предохранитель Расхода Воды», что избавило пользователей от протечек в бачках, обычных для ранних систем с плавающим клапаном.

Когда в 1880-х годах принц Уэльский приобрел свою сельскую усадьбу Сандрингем-Хауз в Норфолке, он пригласил Томаса Краппера и Ко для водопроводных и сантехнических работ, в том числе устройства тридцати уборных со стульчаками из кедра и оборудованием. Краппер получил свое первое королевское свидетельство и стал одним из основных производителей унитазов в стране; они стояли не только в Сандрингеме и Вестминстерском аббатстве, но и в значительной части лондонских домов.

Можно с уверенностью утверждать, что один из этих новомодных унитазов со временем занял место в сортире на Бейкер-стрит. Он мог приютиться в чулане, устроенном на первом этаже под лестницей, а мог в помещениях над кухней, рядом с ванной комнатой, куда можно было войти с лестничной площадки второго этажа. Причем старый сортир во дворе, скорее всего, остался для прислуги.

Стандартная клозетная чашка того времени была своего рода предметом искусства. Около 1875 года прежде закрытые кожухом из красного дерева унитазы были из санитарных соображений разоблачены, чтобы домохозяйки и прислуга имели легкий доступ к прохудившимся трубам и соединениям. Этим воспользовались изготовители клозетов. Вплоть до начала Первой мировой войны эти фарфоровые изделия богато украшали лепниной и росписью. Роспись состояла из любимых викторианских сюжетов: листьев, цветов и фруктов, хотя довольно распространен был и геометрический рисунок. Типичными цветовыми комбинациями для унитазов были коричневый и желтый либо красный и голубой.

Клозет. Рисунок из каталога “Young & Marten, Merchants and Manufacturers”. 1895

После смерти королевы Виктории количество украшений несколько уменьшилось, и эдвардианские унитазы имели более простой вид.

Первоначально бачки подвешивались довольно высоко, примерно в двух метрах над чашкой, и соединялись с ней литой железной трубой большого диаметра. Эти бачки вмещали примерно 13 литров воды, гораздо больше, чем позднейшие образцы. Крепились они либо к стене на литых железных кронштейнах, либо устанавливались на высоком деревянном коробе. К концу 1880-х улучшенные сифонные чашки сделали возможным уменьшить высоту крепления бачков, постепенно спустив их до положения прямо над чашкой.

Сами бачки обычно изготавливались в виде медного или оловянного бака, помещенного в ящик из дуба или красного дерева, иногда, впрочем, их отливали из железа. В этом случае их красили в красный или черный цвет либо эмалировали под фарфор. Чтобы слить воду, нужно было потянуть за фарфоровую или деревянную ручку, подвешенную на цепочке.

Стульчаки обычно делались из дуба или красного дерева, и были двух видов: т. н. «тронный стульчак» закрывал как чашку, так и смывной вход, и мог использоваться исключительно с подвесными бачками, тогда как простой овальный стульчак годился при любом способе крепления бачка.

Интересны способы контроля качества, применявшиеся в те времена производителями сантехники. Так, например, Дженнингс, чей туалет считался «столь совершенным санитарным клозетом, какой только может быть изготовлен», тестировал свое устройство, бросая в него 10 яблок диаметром сантиметра три, одну плоскую губку и четыре куса бумаги. Если все это смывалось, устройство объявлялось прошедшим проверку. Другой производитель, Джон Шенкс, разработал иной тест для своих устройств. Он бросал в чашку оберточную бумагу и тянул за цепочку. Если бумага исчезала, он выкрикивал: «Работает!»

Коль уж речь зашла о бумаге, нельзя не упомянуть о том, каким образом обитатели дома 221б по Бейкер-стрит завершали отправления своих нужд. Для этого использовалась любая ненужная бумага. Не будет преувеличением представить себе горничную, которая получила от Шерлока Холмса прочитанную корреспонденцию, конверты, бумажные пакеты – одним словом то, что не удостоилось чести быть вклеенным в его альбомы, – и сидя в цокольном этаже за столом, режет бумагу на квадраты и нанизывает на нитку, которая потом будет подвешена в сортире на дворе.

Однако уже в 1880 году английская «Бритиш Перфорейтед Пейпер Компани» начала производить для своих сограждан довольно грубую по современным понятиям туалетную бумагу, продававшуюся не в рулонах, а заранее нарезанными листами в картонных коробках. Вероятно, сэру Генри Баскервиллю, прибывшему в Лондон из Америки, были знакомы более совершенные образцы подтирочной бумаги – еще в 1857 году Джозеф Гайетти начал продавать упаковки т. н. «Терапевтической бумаги», которая была пропитана алоэ для излечения трещин и других неприятных явлений в нижней части человеческого тела. Стоила такая упаковка 50 центов и содержала 500 узких и длинных (примерно в половину согнутого поперек листа писчей бумаги, 21х14 см) листов, причем на каждом листе имелся водяной знак с подписью изобретателя. Впрочем, из-за дороговизны особого успеха эта бумага не имела, хотя производилась до 1920-х годов. В Англии в 1890-х и в начале XX века эксклюзивным продавцом ее была фирма «Б. Т. Хугланд». Из различных патентных преамбул, а также по более поздним сведениям, листовая туалетная бумага в пачках, скрепленных проволокой либо просто в коробках, продолжала производиться многими фирмами, но поскольку она стыдливо скрывалась под именем оберточной бумаги, ее трудно с уверенностью идентифицировать в списках товаров производителей бумаги. точно известно, что нью-йоркский производитель листовой туалетной бумаги «Бромико» фирма “Diamond Mills Paper Company” получила награду за свое изделие на Парижской выставке 1878 года. В сер. 1890-х годов в Лондоне Джон С. Даунинг с Брайд-стрит производил патентованные туалетные принадлежности и наполнение к ним.

В 1871 году произошло событие, ознаменовавшее наступление новой эры: эры рулонной туалетной бумаги. В этот год, 25 июля, другой американец, Сет Уилер из городка Олбани в штате Нью-Йорк, получил патент на гениальное изобретение – перфорированную оберточную бумагу в рулонах. Из этого патента родились первые рулоны американской и британской туалетной бумаги. А дело было так: все тот же Сет Уилер, организовавший через три года после получения патента компанию «Рулонная оберточная бумага» и в 1877 преобразовавший ее за отсутствием прибыли в «Олбанскую компанию перфорированной оберточной бумаги», ставшую выпускать в рулонах не только оберточную, но и туалетную бумагу. На пятый год существования компании удалось-таки получить чистую прибыль, да тут еще владелец додумался до второго гениального изобретения, которое до сих пор каждый из нас может лицезреть у себя дома – до картонной трубочки, которую надо вставлять в середину рулона, чтобы тот не сминался – и Сет Уилер решает расширить свое дело.

В конце 1882 года он подал заявку на патент на свой картонный сердечник, на который 13 февраля 1883 года ему был выдан патент за номером 272369. В том же году в Лондоне он встретился с Джеймсом Лоусоном из Брикстона, с которым 31 июля подписал кон-

тракт о начале производства в Англии туалетной бумаги по его патенту. До этого момента на Британских островах не было оборудования, которое бы позволяло англичанам производить перфорированную туалетную бумагу самим, и начиная с 1880 года торговцы стали продавать бумагу, импортировавшуюся ими из Америки. Кто именно из американских бумагопроизводителей поставлял им туалетную бумагу – неизвестно. Это мог быть тот же Уилер или братья Ирвин и Кларенс Скотт, организовавшие свою “Scott Paper Company” в Пенсильвании в 1879 году, которые поставляли бумагу для многих чужих брендов, но до 1902 года стеснялись создавать собственную марку такого неудобосказуемого по их викторианским меркам товара.

Созданная Лоусоном под британское производство компания, получившая название «Британская патентованная перфорированная бумага», начала свое существование в августе 1883 года, а в ноябре следующего года оформила с Уилером лицензионное соглашение. Компания стала изготавливать как неперфорированную, так и перфорированную туалетную бумагу, как правило пропитанную лечебным составом, с 1000 листов в каждом рулоне, который стоил 1 шиллинг. Но если у Уилера в Америке дела шли сравнительно неплохо, и в 1885 году он выплатил первые дивиденды своим акционерам, то у Лоусона дела шли ни шатко, ни валко. В первый год он наторговал произведенной бумагой на 2,5 тысячи фунтов, в следующем году удвоил доход, на третий увеличил еще на тысячу фунтов, но никак не мог добиться чистой прибыли. В 1886 он принял председателем в совет директоров У. Дж. Олкока и в 1887 компания имела порядка 600 крупных клиентов: гостиниц, клубов, гидротерапевтических заведений, пароходных компаний и оптовых складов, но это не меняло дела. Компания регистрировала все новые виды изделий: сперва это была бумага «Британская № 1 тонкая» (1890), превратившаяся в популярную марку “Bronco” (1894), затем “Medipathic” (1887), “Mazella”, “Sanico”, “Queen”, «Британская № 3», “Eureka” и “Bel-cap”. В 1895-96 гг. дела компании вроде бы пошли на поправку, но в 1897 она разорилась, и уже на следующий год в компанию был назначен официальный ликвидатор. Имущество компании было продано, а Оллок с санкции судьи купил ее права на патенты и, основав компанию под тем же названием – «Британская патентованная перфорированная бумага», стал производить уже знакомые викторианцам марки туалетной бумаги.

PRESERVE HEALTH BY USING THE NEW PATENT PERFORATED MEDICATED TOILET PAPER.

PATENT TOILET REQUISITE
BRONZE REQUISITE
WITH
500 SHEETS
PATENT PERFORATED
MEDICATED
TOILET PAPER
1/-
ROLLS OF 1000 SHEETS
PAPER TO RE-FILL 1/-

This Requisite can be readily fastened to the wall of Closet, Bath, or Dressing Room, two necessary screws being sent with each. It is impossible to get out of order, and one roll of this paper will last as long as six packets of loose paper. Its use reduces the cost and annoyance of Plumbers' Bills. Waste and litter cannot occur.

On receipt of 5s. the P. T. R. CO. will deliver free, as sample, One Handsome Nickel Requisite on Ebonised Panel and Three Rolls, each 1,000 sheets of the Toilet Paper.

PATENT TOILET REQUISITE CO.,
4, COLEMAN STREET BUILDINGS,
MOORGATE STREET, LONDON.
Agents Wanted in every town in the United Kingdom.

PATENT TOILET REQUISITE
NICKEL REQUISITE
WITH
1000 SHEETS
PATENT PERFORATED
MEDICATED
TOILET PAPER
2/6
ROLLS OF 1000 SHEETS
PAPER TO RE-FILL 1/-

Реклама перфорированной туалетной бумаги с держателем "The Times". 1883

У компании Лоусона-Олкока были, конечно же, конкуренты. Практически одновременно с компанией «Британской патентованной перфорированной бумаги» возникла компания «Патентованные туалетные принадлежности» (Patent Toilet Requisite Co.), принадлежавшая Моррису Харту, которая стала давать рекламу на месяц раньше своего конкурента. Самая ранняя из обнаруженных мной появилась в "Daily News" 29 июня 1883 года. Судя по косвенным данным, первое время она не производила бумагу сама – вероятно, импортировала из Америки, – ее коньком были патентованные кронштейны для рулонов. Харт получил два патента на сходные конструкции в мае 1883 года. В рекламе он предлагал два вида держателей: кронштейны бронзированные и кронштейны никелированные. Первые с прилагавшимся рулоном на 500 листов стоили 1 шилл., вторые, с рулоном на 1000 листов, 2 шилл. 6 пенсов. Если покупатель посылал на адрес компании 5 шиллингов, то в ответ он получал никелированный кронштейн на крашенной под черное дерево планке с приложением трех стандартных, на 1000 листов, рулонов бумаги. В 1888 году управляющий Харта, Уолтер У. Колли, покинул компанию, и Харт преобразовал свою фирму в "Paper Cutting & Toilet Requisite Co." Среди марок туалетной бумаги, выпускавшейся им, можно назвать лечебную "Requisite" в рулонах, № 1 тонкую (которая с 1905 года называлась "Novio"), "Special", "Ivory", "Kirby" и "Goswell". В 1895 году Харт стал поставщиком туалетной бумаги правительству Ее Величества, а в следующем – министерства по делам Индии. С этого времени Харт даже телеграфным адресом избрал "Toilet, London". Ушедший от Харта Колли основал свою собственную "W. W. Colley and Co.", которая в 1891 была преобразована в "Colley's Patents Ltd.". Знаменем фирмы Колли стала лечебная «Терпеновая перфорированная бумага», получившая высшую награду на Всемирной Парижской выставке 1889 года, где этой бумагой были снабжены все туалеты на территории выставки, в том числе и на Эйфелевой башне. С 1890 года в ее арсенале появились еще три сорта туалетной бумаги: № 1 тонкая, № 2 стандартная и № 3 средняя, выпускавшиеся с 1895 года под маркой "Ship

Brand”, а к терпеновой лечебной бумаге добавилась марка “Yelloc Medicated”, также выпускавшаяся трех сортов.

Интересно, что если сами рулоны бумаги практически не становились предметом споров между производителями бумаги (известен только иск 1889 года, поданный чикагцем Оливером Хиксом из “Morgan Envelope Co.” – Хикс придумал овальные в сечении рулоны вместо цилиндрических, – к Сету Уилеру, закончившийся анулированием патента самого Хикса в пользу уилеровского патента от 1871 года), то за патентные права на держатели заправились клозетпапирной промышленности бились в судах не на шутку. Дважды судились (в 1888 и 1890) бывшие компаньоны Харт и Колли: предметом раздора был держатель, зарегистрированный Хартом 23 мая 1883 года в качестве «туалетной принадлежности, являвшейся машинкой для держания рулона перфорированной бумаги», но права на патент на который при разделе имущества перешли к Колли. На уже упомянутом суде «Хикс против Уилера» истец очень сильно напирал на незаконное поведение ответчика, который, по утверждению Хикса, в феврале 1885 года, еще до того как Хиксу был выдан патент на держатель овальной туалетной бумаги, уже продававшийся им под названием «Овальный король», купил одно из этих изделий вместе с бумагой, и отправил их в Англию с указанием своим агентам (надо полагать, это была компания Лоусона) подать там заявку на регистрацию патента. Такой патент был выдан. Еще до выдачи Уилеру этого патента Хикс попытался сам получить патент в Англии и, узнав о сделанной Уилером заявке, подал протест. В свою очередь Уилер, чтобы не допустить регистрации патента Хиксом, под присягой заявил, что он узнал об изобретении не от Хикса или кого-либо еще, а видел его используемым повсеместно в США. Хиксу не повезло ни в Англии, ни в Америке. В Туманном Альбионе патент, как мы уже знаем, получил Уилер, а в США Хиксу был предъявлен патент некоего Пикока от 6 марта 1883 года на устройство держателя овальных рулонов, который конструктивно отличался от хиковского только тем, что сердечник был прикреплен к жесткому корпусу, в котором для удобства носилась бумага, и был меньше размером. Кроме того, сам Уилер выпускал держатель под названием “Wheeler Pocket Companion”, который тоже был меньше по размерам, чем у Хикса, но конструктивно был идентичен тому, что для овальной бумаги. В результате два патента Хикса были анулированы полностью, а один сохранен лишь частично.

Первые годы продававшиеся рулоны туалетной бумаги вовсе не имели никакой упаковки, только этикетку без рисунка. Как правило компании в Британии использовали для этикетки желтые цвета различных оттенков. Примерно с 1886–1887 бумага стала продаваться в упаковках все тех же желтых оттенков, часто кроме названия марки и компании-производителя наносился рисунок рулона на кронштейне с утверждением, что бумага произведена из настоящей манильской пеньки, т. е. отходов канатного производства, но это была обычная формула, не имевшая отношения к действительности. Распространены были не только бумажные, но и фольгированные упаковки. Обычная ширина бумаги составляла 6 дюймов (~15 см), диаметр рулона 4,5–5 дюймов (~12 см).

Из книги в книгу и с одного сайта на другой ходит утверждение, что возможным британским предшественником Гайетти был некто Дж. У. Аткинс, с 1817 года бывший поставщиком всех королевских дворов. Может оно так и было, но докопаться до первоисточника этого утверждения, равно как и до источника утверждений некоторых биографов королевы Виктории, что она так и не приняла рулонной туалетной бумаги, в связи с чем двор пользовался листовой бумагой до самого вступления на престол Эдуарда VIII, я не сумел. Надо полагать, что значительную часть жизни королева использовала какие-то более экзотические для нас способы подтирки, нежели бумага. В своих воспоминаниях о детстве в Кембридже в 1890-х годах внучка Дарвина, Гвен Рейверат, приводила широко распространенную среди кембриджцев того времени историю об экскурсии по Тринити-колледжу, которую вел для королевы Виктории мастер колледжа в 1841–1866 гг. д-р Уильям Уэвелл (возможно, это было

во время визита королевы и принца-кносорта в 1843 г.). Стоя на мосту через речку Кам, в которую выходили стоки кембриджской канализации, королева наивно спросила: «Что это за куски бумаги, которые плывут вниз по реке?» На что тот, не растерявшись, ответил: «Это, мэм, объявления о том, что купаться запрещено.»

Глава 9. Освещение

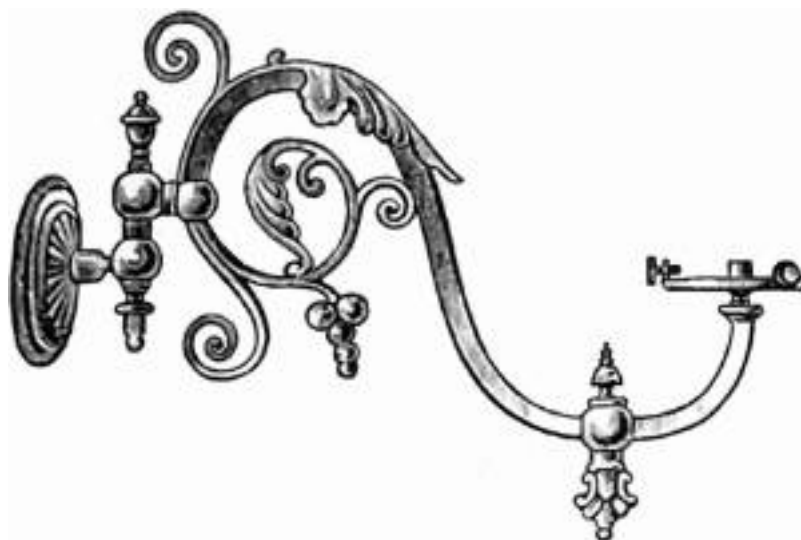
Последняя деталь жизненного уклада на Бейкер-стрит, о которой осталось рассказать, чтобы реконструкция быта Шерлока Холмса и доктора Уотсона в доме миссис Хадсон не составляла большого труда – освещение. За те 34 года, что великий детектив провел в Лондоне, освещение проделало большой путь от парламентской комиссии для суда над электричеством до почти повсеместного его распространения. Итак, посмотрим, чем же пользовались Шерлок Холмс и доктор Уотсон на протяжении этих трех с половиной десятилетий.

В Англии освещение светильным газом впервые было применено в 1798 году в главном корпусе мануфактуры Джеймса Ватта, а спустя шесть лет возникло первое общество газового освещения. В 1818 году газом осветили улицы Парижа, а затем новый способ уличного освещения стал распространяться во всех больших городах на континенте и на Британских островах. К моменту появления Холмса в Лондоне в 1878 году газовое освещение имелось повсеместно и продолжало быть основным примерно до рубежа XIX и XX столетий, поэтому газовые горелки, газовые счетчики и газовые трубы сопровождали Холмса и доктора Уотсона большую часть их активной жизни – миссис Хадсон не относилась к числу богатых домохозяек, готовых внедрять новомодные новшества сразу после их появления, да и ее жильцы не были принцами Уэльскими. В большом ходу все еще было керосиновое освещение, распространившееся в 1860 годах, даже свечи продолжали использоваться, но это был самый неэффективный и дорогой способ освещения.

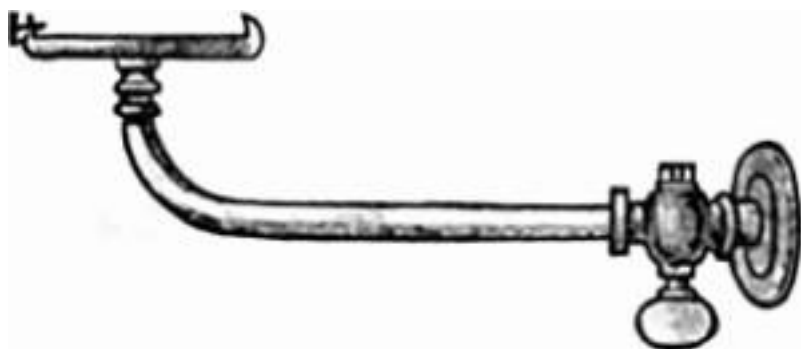

Газовый уличный фонарь. 1880-е

Газовые рожки были медными и отличались типом горелки, каковых насчитывалось четыре: горелки с открытым пламенем, аграндовы горелки, регенеративные горелки и, с середины 1890-х годов, горелки накаливания. Наиболее простыми и самыми распространенными во времена Шерлока Холмса были горелки с открытым пламенем. Обычно они были изготовлены из фарфора и имели два круглых сопла под углом 90° друг другу, образующих пламя в форме рыбьего хвоста. Значительно реже, как наименее экономичные, встречались разрезные горелки, пламя которых, проходя через узкую щель в фарфоровом наконечнике, принимало форму крыла летучей мыши. Чтобы пламя было полноразмерное и без мерцания, газ следовало открывать полностью, так как иначе он плохо сгорал. Горелки «рыбий хвост» как дешевые, простые и способные обеспечить очень хорошее сгорание газа использовались в небольших комнатах. Лучшими считались горелки, изготовленные фирмой Сагга из Вестминстера, которые продавали все уважающие себя поставщики газа. Пламя давало гораздо более яркий и устойчивый свет, когда вырывалось из сопла горелки горизонтально, а лепесток получаемого языка пламени лежал в вертикальной плоскости, чем тогда, когда оно горело вертикально в стеклянном шаре, все время мерцая и утомляя этим глаза. Потребляла обычная горелка «рыбий хвост» от трех до четырех кубических футов газа в час и давала свет от шести до девяти свечей.

Витой латунный газовый рожок. Рисунок из каталога “JUNIOR Army and Navy Stores”. 1893

Лакированный газовый рожок. Рисунок из каталога “JUNIOR Army and Navy Stores”. 1893

Там, где требовалось большое количество света, более экономичными, чем «рыбий хвост», были круговые или аграндовы горелки. Они были запатентованы еще в 1784 году проживавшим в Лондоне швейцарцем Эми Аграндом. Чтобы получить в распространенных тогда масляных лампах устойчивое и яркое пламя, необходимо было обеспечить к нему постоянный приток воздуха. Агранд решил эту проблему, запатентовав конструкцию, состоящую из кольцеобразной фарфоровой или горелки с рядом мелких отверстий, из которых вытекало горючее. Горение происходило у каждого отверстия собственным пламенем, и эти отдельные языки пламени, соприкасаясь наружными краями, образовывали одно общее цилиндрическое пламя. Такая схема обеспечивала приток воздуха как изнутри пламени, так и снаружи, а ламповое стекло создавало необходимую тягу. Чтобы не создавать слишком сильный поток воздуха, стекло таких горелок в высоту не должно было быть более 18 см. Аграндова горелка потребляла приблизительно пять кубических футов газа в час и давала количество света, равное свечению пятнадцати спермацетовых свечей.

Трехрожковая бронзовая газовая люстра. Рисунок из каталога “JUNIOR Army and Navy Stores”. 1893

Когда к середине 1880-х газовое освещение получило смертельного конкурента в лице электрического освещения, газовые компании вынуждены были финансировать новые исследования для усовершенствования уже имевшихся горелок. Так возникли регенеративные газовые горелки, в которых продукты горения утилизировались на нагревание газа и воздуха, поступающих к пламени, однако при довольно ярком пламени (более 60 свечей) потребление газа тоже было велико. Единственным (и последним) фундаментальным улучшением конструкции газовых горелок, сделанным после Агранда, была разработка калильной сетки, позволившей резко повысить яркость свечения за счет более полного сгорания горючего и свечения самой сетки. Честь ее изобретения принадлежит Карлу Ауэру Велсбаху, который в 1885 году предложил «Осветительное приспособление для газовых и иных горелок». Само по себе изобретение заключалось в том, чтобы специально обработанную ткань помещать в пламя горелки. В 1892 году удалось найти оптимальный состав для этой специальной обработки: хлопчатобумажная ткань пропитывалась смесью из 99 % окиси тория и 1 % окиси церия, затем сжигалась, а оставшаяся тонкая структура помещалась в смесь коллодия, эфира, камфары и касторового масла для придания сетке прочности. В результате этого сетка приобретала способность ярко светиться в нагретом состоянии и не рассыпаться в прах при транспортировке. С этого момента в Англии и остальной Европе началось

обвальное распространение газокалильного (а также спиртокалильного и позднее керосинокалильного) освещения. После 1894 года газокалильные горелки Ауэра стали настолько распространены, что позволили газовым компаниям еще на десятилетие оттянуть победное шествие электричества и даже выигрывать какое-то время в конкуренции с этим новым видом освещения. Впрочем, это единственный вид газового освещения, который дожил и до нашего времени.

Подвесная газовая лампа из бронзы или бронзированной стали с аграндовой горелкой. Рисунок из каталога “JUNIOR Army and Navy Stores”. 1893

Светильники были настенные и подвесные. Стенные бра как правило монтировались на уровне плеча. Часто они имели шарниры у точек крепления, чтобы направлять свет на нужный объект, и тогда для подвода газа использовалась эластичная резиновая трубка. В парадных помещениях – гостиных и столовых – использовали газовые люстры (gaseliers или pendants) с несколькими рожками-горелками. Люстры имели опускной механизм с блоком и противовесом, позволявшем поднимать или опускать их на цепи, меняя тем самым уровень освещенности. Поскольку такая люстра, в отличие от керосиновых или свечных люстр, нуждалась в постоянном подводе газа, подводная трубка делалась из двух половин: нижняя была несколько больше в диаметре и позволяла верхней свободной вдвигаться внутрь при подъеме лампы. Для предотвращения утечки газа между стенками верхней и нижней трубок

наливалась вода, которая из-за малой площади поверхности, соприкасавшейся с воздухом, испарялась достаточно медленно. Тем не менее хозяева должны были следить за уровнем воды, потому что возможна была ситуация, когда воды было достаточно для запечатывания газа при поднятой люстре, но при ее опускании вниз газ мог вырваться из устья нижней трубки наружу и скопиться под потолком в опасном количестве прежде, чем запах обратит на себя внимание и заставит забить тревогу. Обычно воду доливали между подводными трубками люстры раз в месяц или в шесть недель. Для уменьшения испарения воды домохозяевам рекомендовалось наливать поверх воды небольшое количество миндального или оливкового масла.

Часто светильники снабжались матовыми стеклянными плафонами и декорировались подвесными хрустальными украшениями. Здесь тоже были свои тонкости. Лучшей формой для плафона считалась сферическая, с широкими отверстиями для прохода воздуха сверху и снизу. А вот плафоны в форме дыни или ананаса не рекомендовались, равно как и плафоны в форме блюда. Для гостиных и спален считались самыми подходящими матовый абажур или плафон «Христиания» с горелками № 4 или 5 с горизонтальным пламенем, которые давали наилучший результат при минимальном потреблении газа. Для помещений цокольного этажа рекомендовались горелка № 4 с горизонтальным пламенем.

Для экономии газа в Лондоне было принято проводить широкие трубы при низком давлении, поэтому не допускались трубы со внутренним диаметром меньше 1,3 см. Любая труба, проложенная где-либо в доме, должна была быть из ковкого чугуна и окрашена в два слоя масляной краской. Стоимость газа в это время варьировалась от 3 шиллингов до 3 шиллингов 6 пенсов за 1000 кубических футов, то есть, газовое освещение обходилось в 16 раз дешевле, чем свечи. Именно из-за дешевизны газа многие богатые дома Лондона вообще им не пользовались, расценивая наличие газа показателем низкого общественного статуса. Они так и пережили со свечами весь период расцвета газового освещения, сразу перейдя на электричество, которое на первых порах было очень дорого.

Быстро сменяющиеся усовершенствования в освещении. Вернувшаяся из путешествия дама обнаруживает, что у нее в доме вместо свечей электричество. Рисунок из журнала "Punch". 1892

Производство светильного газа было серьезной отраслью промышленности. Получали его путем перегонки в коксовых или газовых печах с горизонтальными ретортами. Сперва в течении примерно 4 часов уголь нагревался без доступа кислорода, выделяя при этом газ. В каждой реторте перегонялось около 200 кг. угля. Для увеличения выхода газа за час до окончания цикла в реторту пускали пар, который разлагался при контакте с раскаленным углем. Из 100 кг ньюкаслского угля получалось около 50 куб. м газа. Дешевизна светильного газа объяснялась именно тем, что газовые заводы производили так или иначе необходимый кокс, а газ был побочным продуктом. В первоначальном виде газ содержал главным образом водород, метан, другие газообразные углеводороды, а также в качестве примесей пары воды, сероводород, пары углеаммиачной соли и жидких углеводородов, углекислый газ, СО и сернистый газ и синильную кислоту. Очистка этой смертельной смеси была весьма примитивной, газ пропусклся через взвесь извести в воде, и только. Все более сложные способы очистки, запатентованные в огромном количестве, упорно не приживались – газ был дешев, а население к нему привыкло и принялось.

Для хранения светильного газа газовые компании строили огромные резервуары-газгольдеры, которые стали неотъемлемой деталью лондонского пейзажа. Эти газгольдеры

большей частью представляли собой плавающий в бассейне с водой железный колокол, под которым собирался газ. Колокол делался телескопическим, из 2, 3, 4 и более частей, будучи похож на перевернутый дорожный складной стакан. Когда газгольдер был пуст, все его части были погружены в воду, а по мере наполнения его газом они начинали подниматься. Кольцевые пазухи между частями были заполнены водой и поэтому герметичны. Газ находился в газгольдере под давлением, определяемым весом всех плавающих в воде конструкций. Эти гигантские сооружения, сразу бросающиеся в глаза на любом плане Лондона, вблизи производили сильное впечатление. Исполинский ржавый цилиндр, со скрипом и бульканьем плавающий в огромном бетонном доке и отравляющий воздух до рези в глазах на милю кругом стоил какого-нибудь «Грейт Истерна». Но современники не были способны оценить эстетическую сторону газового производства, и жилье в окрестностях газовых заводов стоило очень дешево.

Количество компаний-поставщиков газа в Лондоне менялось со временем, но вот список тех, что снабжали газом лондонцев в год женитьбы доктора Уотсона на мисс Мери Морстон: The Gas Light and Coke Company, Хорсферри-роуд, Ю.З.

The London, Саутгемптон-стрит, 26, Стрэнд
The South Metropolitan, Олд-Кент-роуд, 589
The Phoenix, Банксайд, 70
The Commercial, Харфорд-стрит, Степни

Как строились отношения между газовыми компаниями и их клиентами? Миссис Хадсон заключала с инспектором компании контракт, в котором указывалось число газовых горелок для освещения, газовых плит для приготовления пищи и газовых каминов для обогрева (если таковые имелись). Газомеры в жилых зданиях рекомендовалось не покупать, а арендовать у газовой компании, чтобы сама компания отвечала за надлежащую работу газовых счетчиков и обслуживала их. Когда поставка газа прекращалась из-за отложения нафталина в подводящей газовой трубе, миссис Хадсон должна была письменно известить газовую компанию и та бесплатно устраняла нафталиновую пробку. Если бы Холмс или Уотсон покинули квартиру, оставив неоплаченным газ, компания не могла заставить въехавшего жильца отвечать за этот неоплаченный долг или отказать на этом основании снабжать его газом.

Нам, привыкшим к электричеству, трудно представить те повседневные проблемы, которые ставило перед обитателями квартиры на Бейкер-стрит газовое освещение. Во-первых, из-за относительно низкой температуры происходило неполное сгорание, и горелки начинали чадить, отчего стекла светильников мгновенно покрывались копотью. Во-вторых, поскольку газ в основном состоял из водорода, при сгорании в большом количестве образовывалась вода. Если в закрытом помещении имелось много светильников, воздух быстро насыщался влагой, и Холмсу с Уотсоном необходимо было постоянно проветривать свою общую гостиную и спальни, чтобы конденсат не оседал на холодных оконных стеклах и даже на стенах. Запотевшие витрины плохо проветриваемых лавок и магазинчиков, например, были обыденной картиной на улицах Лондона. Однако проветривание имело и обратную сторону: в холодную погоду осенью и зимой с таким трудом нагретые комнаты мгновенно выхолаживались, и забота об отсутствии сквозняков и сохранении тепла часто пересиливала потребность в ярком освещении. Кроме неприятностей с конденсатом, горению газа сопутствовали неприятный запах и выброс в воздух продуктов сгорания серы, сернистого газа и примесей аммиачных солей, которые при соединении с влажным воздухом и водяными парами в газе образовывали кислоты, разрушительно действовавшие почти на все, с чем соприкасались. Страдали и мебель, и серебро, и драпировки, и книги. Картины в гостиных старались вешать на шнурах, а не на металлической проволоке, поскольку коррозия мгно-

венно разъедала ее. И это не говоря уже о массе мелких неприятностей: например, о разогревшееся стекло можно было обжечься, а сажа и пыль на каминной полке при ярком свете становилась видна даже тогда, когда на ней не было следов пальцев.

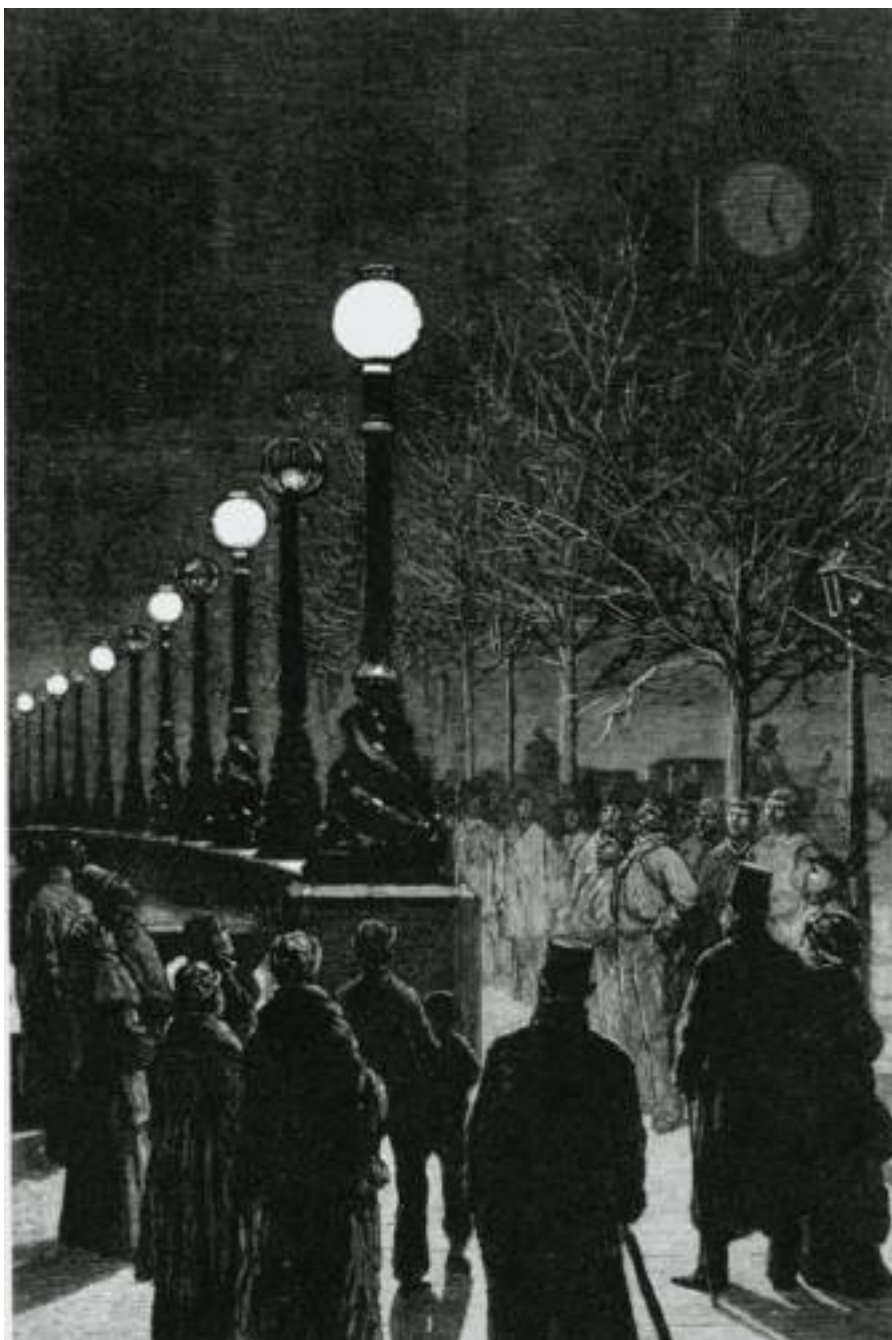
Газовый рожок легко могло задуть порывом ветра или сквозняком. Джентльмен, вернувшийся домой поздно ночью и навеселе, мог задуть рожок, дунув на него, полагая, что это свеча, а истории про неопытную деревенскую горничную, которая полагала, что так и нужно тушить свет, имели широкое хождение. Многие домохозяйки, особенно те, чьи жильцы неаккуратно платили за квартиру, имели обычай гасить свет во всем доме в определенное время, перекрывая главный вентиль.

Если газ вытекал через прохудившуюся трубу или из горелки, оставленной открытой, это могло вызвать взрыв, особенно если хозяин дома отправлялся с зажженной свечой искать утечку. Пособия по домоводству рекомендовали в случае появления сильного запаха газа немедленно завернуть главный кран в газовом счетчике, открыть для проветривания двери и окна и тотчас известить газопроводчика.

Газомеры по способу устройства разделялись на мокрые и сухие. В мокрых вода образовывала гидравлический затвор между объемами газа, поступающими и выходящими из прибора. Вследствие разности давлений вращался барабан, обороты которого учитывались счетным механизмом. В сухом газомере газ проходил через камеры определенной емкости, образуемые мехами, причем меха попеременно наполнялись и опоражнивались. Именно сухие счетчики рекомендовались пособиями по домоводству для домашнего употребления.

Среди домохозяек и домохозяев Лондона бытовала идея, что газовая компания могла заставить газомер крутиться быстрее и вообще влиять на его показания какими-то таинственными способами. Если миссис Хадсон была из числа этих недоверчивых особ, то согласно «Законам о продаже газа» она могла проверить свои газомеры в конторе Столичного управления общественных работ по западному округу на Сент-Анн-стрит в Вестминстере. В каждом помещении имелся свой газомер, и стоила бы эта проверка при количестве счетчиков от 1 до 5 по 6 пенсов за каждый, а если их было более десятка – по 1 шиллингу каждый. Если выяснялось, что счетчик работает неправильно, газовая компания, поставившая его, обязана была оплатить проверку, в противном случае все расходы нес потребитель. Миссис Хадсон могла вызвать инспектора для проверки и других подозрений, например, чтобы убедиться, что соседи не подключились тайком к ее трубе и не воруют газ.

Электрическое освещение к моменту появления Холмса и Уотсона на Бейкер-стрит не было совсем уж диковинкой. Фонари с дуговыми лампами системы Яблочкова в Вестиндских доках, на набережной Темзы, мосту Ватерлоо, в отеле «Метрополь», Гатфилдском замке и на Вестгейтских морских пляжах были установлены еще в 1877 году, за год до приезда Шерлока Холмса в Лондон.

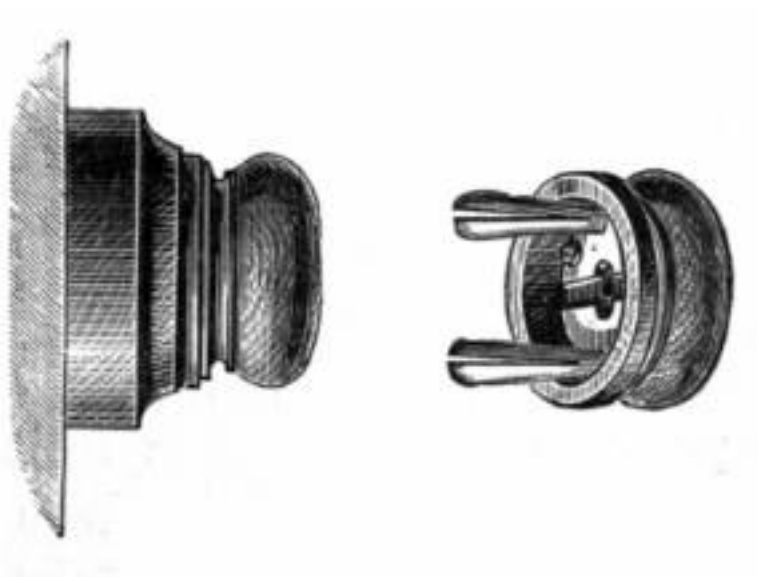

«Русские свечи» Яблочкова на набережной Темзы. Рисунок из газеты “The Illustrated London News”. 1879

На следующий год Управление общественных работ провело сравнительное испытание газового и электрического освещения на набережной Королевы Виктории, где ее ширина и полное отсутствие постороннего света от витрин магазинов и трактиров создавало равные условия для конкурентов, а также на Холборн Виадук, где были схожие условия. Почти наверняка Шерлок Холмс, влекомый любопытством, хоть раз покинул свою тогдашнюю квартиру на Монтэгью-стрит, чтобы взглянуть на «электрическое чудо». Безусловное преимущество электричества над газом по яркости света вызвало панику среди акционеров газовых компаний, хотя дороговизна электричества тоже была очевидной. Чтобы противодействовать этому очень опасному конкуренту, газовые компании в качестве противодействия пустили в дело клевету и подкуп, пытаясь сыграть на невежестве публики и распуская об электричестве разнообразные пугающие слухи. В марте 1879 года парламен-

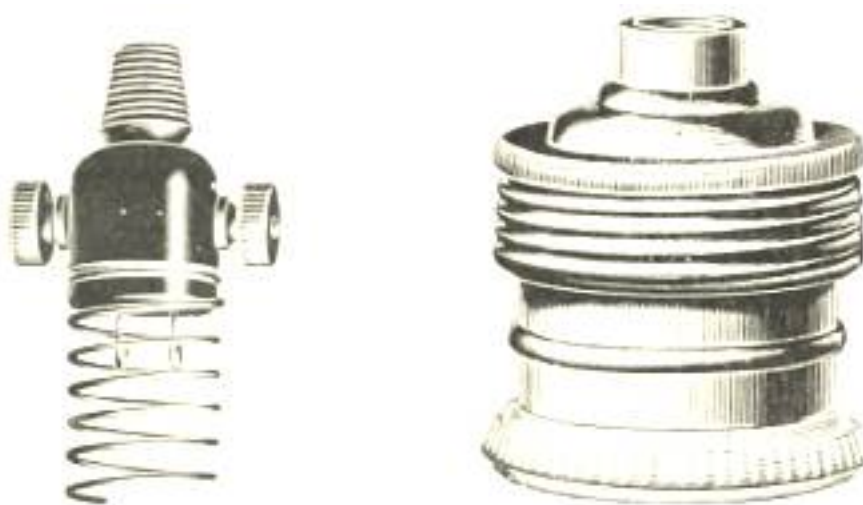
том была учреждена комиссия, которая должна была заслушать экспертов и вынести вердикт о возможности использования электричества. Председателем был выбран профессор химии Л. Плейфер, в качестве экспертов выступили Тиндаль, Томсон, Прис, Сименс, Кук и другие ученые и инженеры. Среди доводов против электричества приводилось, например мнение художников о том, что электрический свет «холоден и представляет мало экспрессии». Дамам он не нравился, потому что придавал «лицу какую-то мертвенность и, кроме того, затрудняет выбор одежды, так как освещенные электрическим светом костюмы кажутся иными, чем при обычном вечернем освещении». Торговцы с Биллингейтского рыбного рынка считали, что «электрический свет придает дурной вид рыбе, и просили снять устроенное у них освещение». Многие жаловались на резь в глазах, если смотреть прямо на лампочку, и на мигание света. Тем не менее, комиссия постановила, что необходимо предоставить электрическому свету возможность конкуренции с газовым освещением, при этом газовым компаниям было запрещено производить электрическое освещение «как некомпетентным в вопросах электротехники».

5 февраля того же 1879 года, еще до начала работы комиссии, Джозеф Уилсон Сван (Joseph Swan; в современной транскрипции следовало бы написать Суон, но оставим традиционное написание этой фамилии) продемонстрировал свою лампу с угольной нитью накала в присутствии примерно 700 человек в Литературно-философском обществе Ньюкасла-на-Тайне. Затем он оборудовал электрическими лампами свой собственный дом в Гейтсхиде-на-Тайне, а в декабре 1880 сэр Уильям Армстронг из Крейгсайда близ Ньюкасла установил их у себя в усадьбе. Электроток производился гидравлической турбиной. Это была первая гидроэлектростанция в Англии. В своем доме установил электрический свет также лорд Кельвин. Успех демонстрации в Ньюкасле побудил Свана построить в Бенуэлле, западном пригороде Ньюкасла, первую в мире фабрику по производству электрических лампочек накаливания. Позднее Сван установил освещение на Моусли-стрит в центре Ньюкасла, которая стала первой улицей в мире, освещенной электрическим светом. В конце 1881 года лампы Свана были установлены в лондонском театре «Савой» (824 лампы для сцены и 370 для других частей театра).

Электрическая вилка и розетка. Рисунок из “Electricity in our homes and workshops. A practical treatise on auxiliary electrical apparatus”. 1889

Однако все-таки не ему, а американцу Томасу Эдисону мир был обязан широким внедрением электрического освещения. Спустя 11 месяцев после Свана Эдисон публично продемонстрировал свою 16-ваттную лампу с угольной нитью накаливания, помещенной в шар с откачанным из него воздухом. Патент под номером № 223898 был выдан ему 27 января 1880 года. Она была рассчитана на 36 вольт и 1,3 ампер, а эффективность ее составляла 1,4 лм/Вт (для сравнения световая отдача современных ламп накаливания составляет 8-20 лм/Вт, люминесцентных – до 90 лм/Вт, металлогалогенных и натриевых – до 130 лм/Вт). Отличием изобретения Эдисона от предшественников была сама нить накаливания, для подбора материала которой он перебрал около шести тысяч разновидностей растительного волокна, остановив свой выбор на бамбуке. Нить накаливания в его первом практическом образце могла проработать 1,5 тыс. часов против нескольких десятков часов у его конкурентов. Но даже не это было главное. Еще до начала лабораторных исследований Эдисон изучил систему снабжения газом в городах и разработал аналогичный план электроснабжения, состоявший из центральной электростанции и сети радиальных труб с кабелями, идущих к конечным пользователям. Он полагал, что концепция централизованного снабжения позволит ему сделать систему экономной. Им также были созданы прототипы практически всех основных электроустановочных устройств: патрон с винтовой резьбой, цоколь, клеммы, выключатель, штепсельная розетка и вилка, электрический счетчик и предохранители. Эдисон подсчитал и максимальную цену одной лампочки, при которой проект будет иметь коммерческую целесообразность: не больше 40 центов.

Свановский (слева) и эдисоновский патроны. Рисунок из журнала "Marine Engineer And Naval Architect". 1908

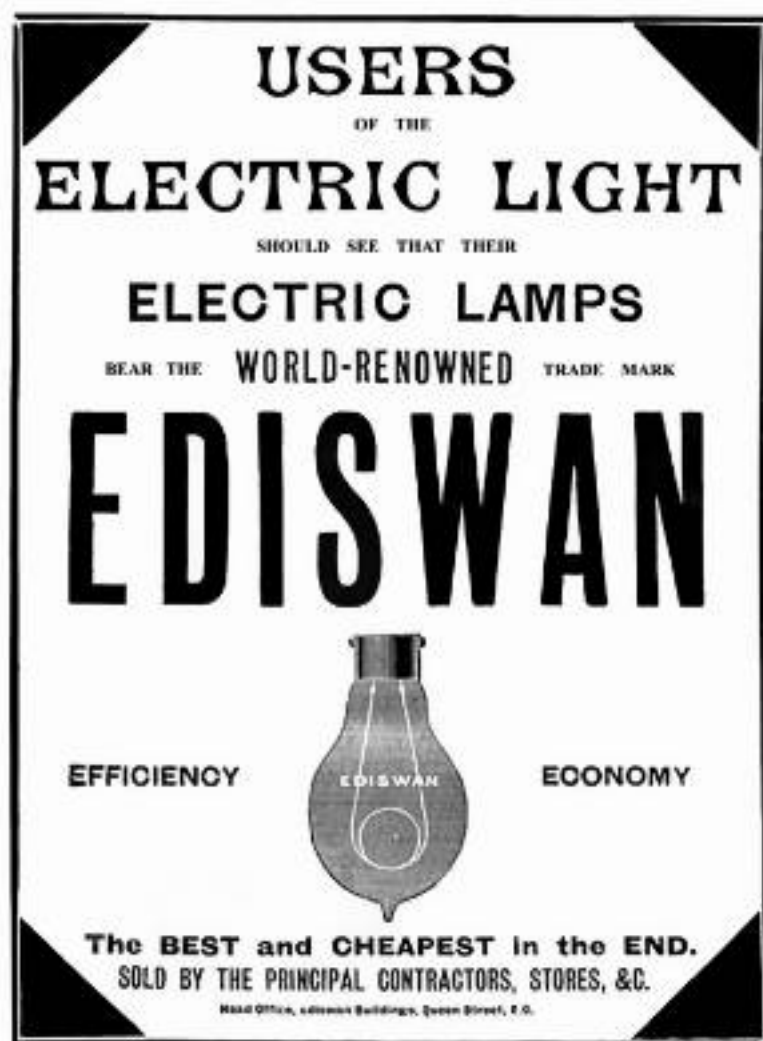
На Первой всемирной электротехнической выставке в Париже в августе 1881 года американский инженер продемонстрировал свою систему, построенную на основе сконструированного им двухфазного парозенергетического электрогенератора мощностью 120 л.с., приводившего в действие динамо-машину мощностью 50 кВт и получившего «слоновье» имя «Джамбо». Фойе павильона Эдисона освещала люстра, в которой горело 300 угольных ламп накаливания.

Первая в Британии коммерческая электростанция была открыта и эксплуатировалась «Компанией электрического освещения Эдисона». Поскольку для получения разрешения от городских властей на раскапывание улиц требовалось время (с учетом скрытого сопротивления со стороны газовщиков), представители Эдисона в Лондоне предложили провести электрические линии под путепроводом Холборн-Виадук. Место это было выгодным

для Эдисона и с точки зрения рекламы, поскольку поблизости на Флит-стрит размещались многочисленные газетные конторы. Временная энергетическая 60-киловаттная установка начала работать в январе 1882 года и действовала до 1884 года, когда могла обеспечивать энергией уже свыше 3000 ламп – достаточно долго, чтобы продемонстрировать, что концепция центрального электроснабжения технически осуществима.

В том же 1882 году в Британии состоялся процесс по разрешению патентного спора между Сваном и Эдисоном, закончившийся решением в пользу первого. Спор был улажен заключением соглашения, по одному из условий которого Эдисон должен был взять Свана партнером в свой британский электрический бизнес. В октябре 1883 года «Компания электрического освещения Эдисона» и «Объединенная компания электрического освещения Свана» слились в единую «Компанию электрического освещения Эдисона и Свана» – «Эдисон энд Суон Электрисити Лайт Компани Лимитед» (позднее ставшую известной как «Эдисван»).

В середине 1880-х дело электрификации слегка застопорилось, но ненадолго. В 1887 году полковник Рукс Эвелин Белл Кромптон построил электростанцию на Кенсингтон-корт, ставшую одним из первых практических предприятий электроснабжения. С 1890 года начинается использование электросчетчиков, отсутствие которых также было препятствием к широкому распространению электроосвещения.

Реклама компании «Эдисван». 1882

В 1890 году в Лондоне было уже 9 электроосветительных компаний и 66 подрядчиков по электроосвещению и электроснабжению. Таким образом, можно полагать, что электрическое освещение появилось в доме 221-б вскоре после «воскрешения» Шерлока Холмса в 1894 году, сперва, скорее всего, в виде газово-электрической комбинации.

С начала 1890-х начинают возникать электрические бытовые приборы. Так, известно, что в 1891 году, в год исчезновения Холмса, в Лондоне была выставлена на продажу полностью электрифицированная кухня (неизвестно, правда, из чего состоявшая), в 1892 появились первые тостеры, фритюрницы, кофеварки, холодильники, пылесосы и миксеры, в 1894 был произведен первый электрический чайник. Примерно на рубеже веков в новых домах электрические провода стали прокладывать уже при строительстве, до этого их вели обычно вдоль газовых труб.

Настольная электрическая лампа. Рисунок из книги Сидни Уокера “Electric Lighting for Marine Engineers”. 1896

Электрическая люстра. Рисунок из каталога “JUNIOR Army and Navy Stores”. 1893

Электрические лампочки появляются не только в домах, но и в вагонах поездов, в каютах пароходов. В 1888 году аккумуляторами для электрического освещения пассажирского салона начинают снабжать лондонские омнибусы, в 1898 электрический свет был впервые использован в наружной фаре.

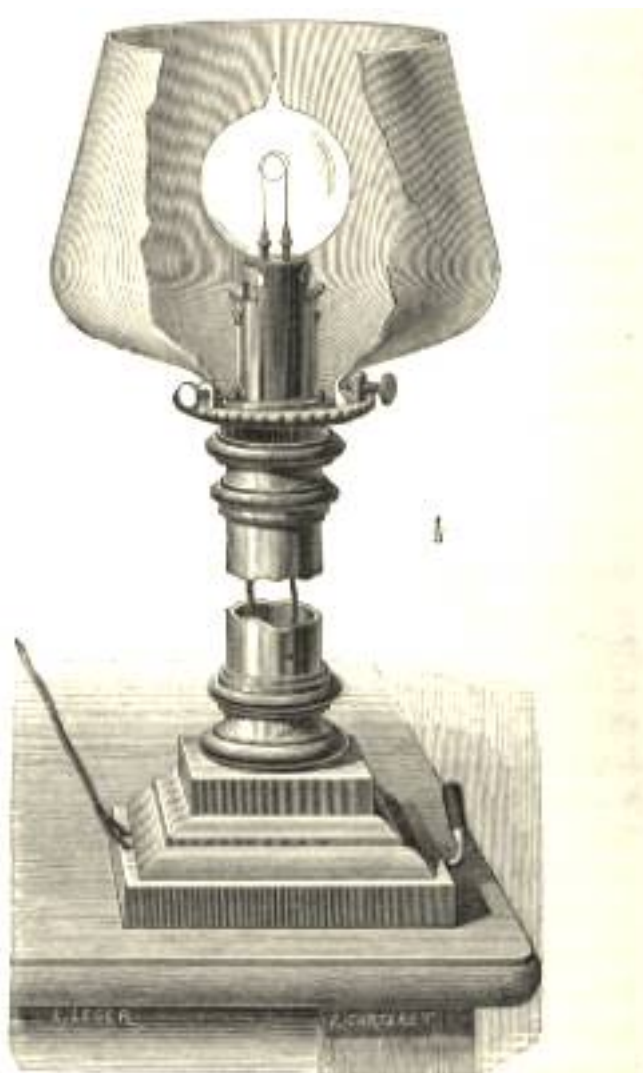
Впрочем, шествие электричества было не таким уж триумфальным, как это может показаться. Благодаря внедрению калильной сетки и возможности почти неограниченно снижать цены на газовое освещение конкуренция между двумя типами освещения еще долго шла очень жестко и почти на равных, несмотря на явные преимущества электричества в яркости и в санитарно-гигиенической стороне дела.

Электрический переключатель фирмы «Эдисван». Рисунок из книги Сидни Уокера “Electric Lighting for Marine Engineers”. 1896

В 1910 году Уильям Кулидж из «Дженерал Электрик» изобрел лампу с вольфрамовой нитью накаливания, световая отдача которой составляла до 10 люменов на ватт. Но настоящий перелом произошел в 1912 году, когда Ирвинг Лангмюр выявил преимущества витой вольфрамовой нити накаливания, если она работает в среде инертных газов (сначала азота, а затем и смеси азот и аргон), что позволило выпустить лампы в 40, 60 и 100 Вт. Это был год, когда Шерлок Холмс с доктором Уотсоном последний раз действовали в рассказе «Его прощальный поклон». Поэтому мы не станем следить за дальнейшим развитием электрического освещения, а посмотрим на другие средства освещения, использовавшиеся на Бейкер-стрит.

В середине 1890-х годов серьезным соперником традиционного светильного газа и электричества казался новый осветительный газ – ацетилен, выделяющийся при соединении воды с карбидом кальция и обладающий ярким и чистым пламенем. В 1894 г. французский химик Муассан открыл способ получения карбида кальция накаливанием угля с известью в особой электрической печи при температуре 3000–3500, что позволяло сделать его достаточно дешевым при производстве в больших количествах. При одинаковой силе света стоимость ацетиленового освещения была в полтора-два раза ниже электрического. Однако ацетилен был ядовит и взрывоопасен. Менее ядовитый, чем светильный газ, ацетилен не имел специфического запаха, который позволял бы заметить его утечку. Поэтому к нему применяли не улучшающие его светильных свойств, но обладающие резким запахом газы. То же самое делали для уменьшения взрывоопасности: смешивали со светильным газом или растворяли в некоторых других газах. Однако ацетилен не сумел победить в конкуренции с электричеством и использовался в тех случаях, когда требовался автономный источник, дающий сильный и яркий свет, который по несовершенству тогдашних аккумуляторных батарей не могли обеспечить электрические лампы – в фонарях экипажей и автомобилей, в освещении железнодорожных поездов и при горных работах.

Свановская переносная лампа. Рисунок из книги *“The modern application of electricity”*.
1883

Каретный фонарь. Рисунок из каталога “JUNIOR Army and Navy Stores”. 1893

Почти наверняка на Бейкер-стрит имелись керосиновые лампы. В 1850 г. Джеймс Янг запатентовал технологию очистки нефти и разделения легких и тяжелых нефтяных фракций. Получаемое при этом светильное минеральное масло было названо им «керосином», и с начала 1860-х годов оно стало в Британии самым распространенным источником света. Керосин был дешев, а керосиновые лампы неприхотливы в использовании, поэтому он долго выдерживал конкуренцию газа и электричества. В доме миссис Хадсон керосиновые лампы наверняка использовали как наиболее удобные автономные источники света. Как и газовые светильники, они имели свои неприятные стороны: при небольшом пламени из-за прикрученного фитиля или недостаточном поступлении кислорода они давали сильный неприятный запах, а если в лампе кончался керосин, она начинала выбрасывать в воздух клубы черного дыма. Слишком короткий фитиль норовил провалиться внутрь лампы, а стекла нуждались в ежедневной чистке от копоти. Вряд ли нужно все это подробно описывать, керосиновая лампа дожила до нашего времени. Серьезной проблемой керосинового освещения до 1890-х годов был нестабильный состав керосина. Собственно слово керосин означало совсем не то, что сейчас подразумевается под этим стандартом. Иногда керосин содержал слишком много легких фракций, да и вообще тогдашний керосин был ближе к бензину, поэтому нередко происходили взрывы, приводившие даже к человеческим жертвам. Позднее продажа взрывоопасного минерального лампового масла была запрещена.

*Подвесная керосиновая люстра. Рисунок из каталога "JUNIOR Army and Navy Stores".
1893*

Двунаправленная подвесная лампа для минерального топлива. Рисунок из каталога “JUNIOR Army and Navy Stores”. 1893

Никелированная настольная керосиновая лампа с патентованной горелкой Хинкса и огнегасителем. Рисунок из каталога "JUNIOR Army and Navy Stores". 1893

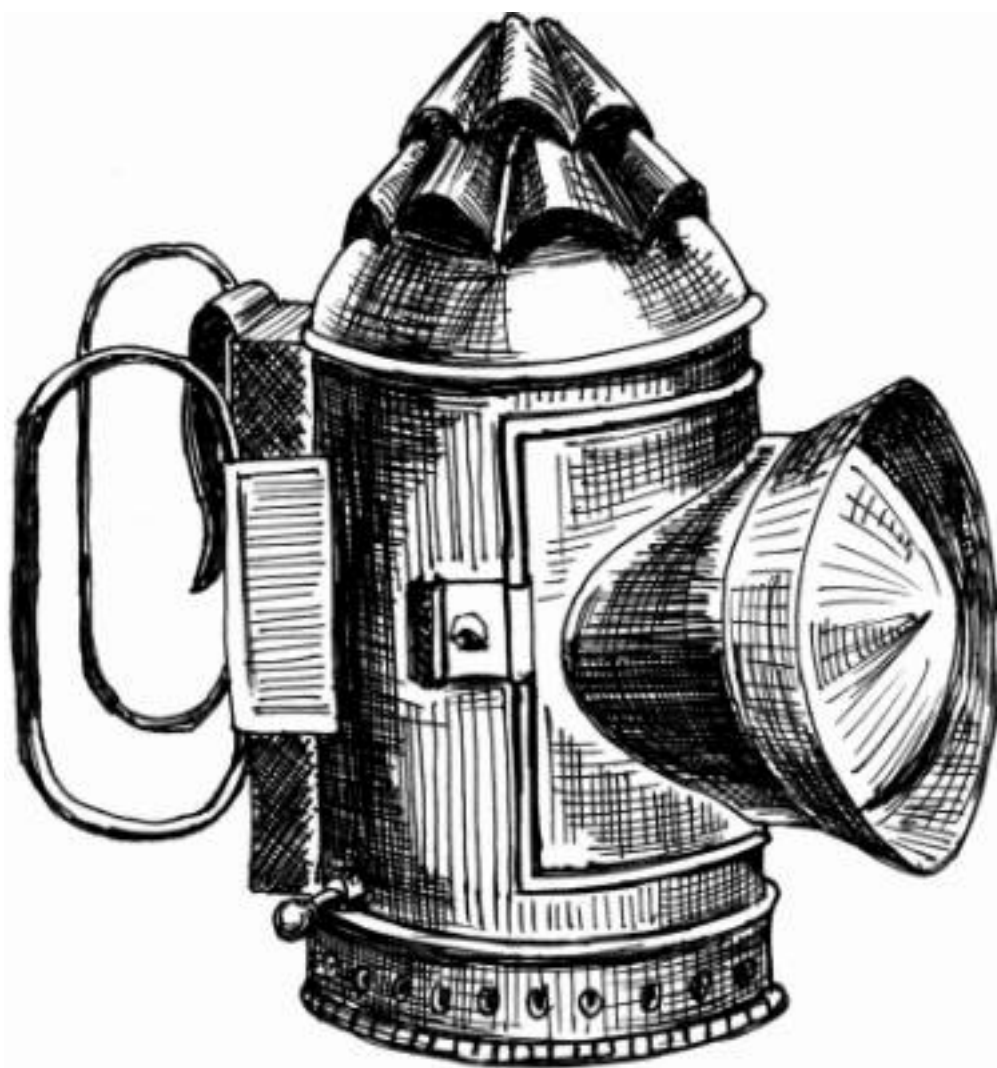
Никелированная настольная керосиновая лампа. Рисунок из каталога “JUNIOR Army and Navy Stores”. 1893

Настольная керосиновая лампа для чтения "Queen's". Рисунок из каталога "JUNIOR Army and Navy Stores". 1893

Настольная керосиновая лампа из кованого железа. Рисунок из каталога “JUNIOR Army and Navy Stores”. 1893

Полицейский фонарь «Бычий глаз». Рисунок С. Поберовского

Все еще оставались в обиходе масляные лампы, в которых применялся либо животный, либо растительный жир. К первому относился китовый или тюлений жир, а из растительных употреблялось оливковое или рапсовое масло. К 1881 году масляные сигнальные фонари на железных дорогах были окончательно вытеснены фонарями, использовавшими минеральное масло или керосин. Но большинство фонарей, известных как «бычий глаз», все еще оставались масляными. Название свое эти фонари получили от толстой стеклянной выпуклой линзы, позволявшей фокусировать свет. Имелись две разновидности этих фонарей: фонарь с заслонкой, позволявшей закрывать свет, не гася фонаря, и обычный, без заслонки. Первая из этих двух разновидностей называлась потайным (black или dark lantern) фонарем и использовалась как полицией, так и преступниками. В рассказах «Конец Чарльза Огастеса Милвертона», «Чертежи Брюса-Партингтона», «Лига рыжих» Шерлок Холмс тоже использует потайной фонарь. Потайной фонарь представлял собой внешний оловянный кожух цилиндрической формы, как правило, окрашенный снаружи в черный цвет и увенчанный гофрированным многоуровневым вентиляционным колпаком. Спереди на нем была установлена стеклянная увеличивающая линза с блендой, не дававшей лучу света рассеиваться в стороны. Внутри помещалась масляная лампа с резервуаром и регулируемым фитилем. Позади пламени находился полированный отражатель, позволявший добиваться довольно сильного потока света. Для регулировки количества света, проходившего через линзу, поворачивали

вентиляционный колпак, вместе которым поворачивались и перемещавшаяся между пламенем и линзой металлическая заслонка. В некоторых моделях для управления заслонкой использовался рычажок под линзой или позади фонаря. Полицейский, сторож или преступник мог вообще закрыть заслонкой пламя, делая его невидимым для посторонних. На полицейских фонарях сзади были две поворачивавшиеся проволочные скобы, использовавшиеся как ручки, и зажим для крепления на ремне.

Следующим средством освещения были спиртовые лампы. Спиртовки давали пламя значительно большее, чем свечи, были сравнительно безопасны, если были хорошо заправлены, а хозяин ее не додумывался заняться обрезкой фитиля вблизи открытого пламени, у горящего камина или над газовым рожком, и являлись самым дешевым источником небольшого локального освещения. Если спиртовка использовалась в качестве ночника, то во избежание появления в комнате пара и запахов после того как фитиль гасили, ее рекомендовалось ставить под дымоход.

Наиболее древними из используемых источников света были свечи.

Лондон при свечах. Рисунок из журнала “Illustrated London News”. 1872

В течение девятнадцатого века к восковым свечам добавились свечи стеариновые, затем понемногу парафиновые, причем на рубеже веков стеариновые свечи были основным типом. Но все это время, почти до 1900 года, продолжал свое существование самый омерзительный, после газа, источник света – свеча сальная. Это именно она оставляла несмываемые никаким бензином пятна на шляпе у джентльмена, поднимающегося по темной лестнице со шляпой в одной руке и подсвечником в другой. Кроме пятен на шляпе, штанах, письмах и деловых бумагах, она оставляла сильные ожоги на руках, с треском брызгала расплавленным салом в глаза, наполняла комнату запахом эскимосской хижины, а упав на пол или просто налив на пол небольшую лужицу, ломала руки и ноги лучше любой банановой корки. Самым омерзительным ее свойством было образование висящего в виде черного курдюка нагара на конце фитиля, который скаредные особы еще и старались подольше не срезать из экономии.

Производились свечи нескольких сортов: восковые, стеариновые, чисто парафиновые, стеариновые с различными примесями парафина и спермацетовые. Последнее было чистейшим надувательством или, во всяком случае, условным названием и не более, что показывает простой подсчет добываемых кашалотов. Продавались даже спермацетовые свечи с амброй и стоили они примерно как восковые.

Свечи были самым дорогим и самым неэффективным способом освещения, и применялись там, где необходим был мобильный и компактный источник света, еще более компактный, чем масляный фонарь. Например, в устройствах *rocket lantern*, которые в «Знаке четырех» и в «Происшествии в Вистерия-Лодж» неправильно переводят как карманный фонарик. Это термин обозначал фонарь-контейнер, куда можно было поместить любой переносной источник света. Такие фонари бывали настенными, и переносными, часто они использовались для чтения в садовых беседках. Шерлок Холмс возил с собой небольшой футляр для свечи, одна из сторон которого имела стекло. Футляр этот был чуть больше самой свечи, но защищал ее нестойкое пламя от ветра и непогоды.

В доме на Бейкер-стрит свечи, скорее всего, имелись на всякий случай или для того, чтобы спуститься к входной двери ночью, если у миссис Хадсон не было легкой керосиновой лампы, но для освещения они не употреблялись. Свечи долго, до появления ацетилена, использовались в каретных фонарях наряду с маслом и керосином. Кроме того, пока электричество боролось с газом, в изрядной части Лондона, скажем, к востоку от Тауэра, в большинстве жилищ и вовсе не было никакого освещения, кроме сального или стеаринового огарка.

Глава 10. Карьера доктора Уотсона

В начале своих воспоминаний Уотсон сообщил нам, что в 1878 году получил степень доктора медицины Лондонского университета и отбыл в Нетли для прохождения курса, предписанного армейским хирургам. Чуть дальше мы узнаем, что Стэнфорд был у него ассистентом в больнице Сент-Бартоломью. Ничего больше о своем образовании Уотсон не сообщает, но и этого достаточно, чтобы восстановить его карьеру в деталях.

В то время Лондонский университет еще не был учебным заведением, это было учреждение, которому королевской хартией 1863 года было даровано право проводить вступительные и аттестационные экзамены, а также присуждать кандидатам в случае успеха одну из ученых степеней. В области медицины этими степенями были бакалавр медицины, бакалавр хирургии, магистр хирургии и доктор медицины. Образование же кандидаты должны были проходить в одной из признаваемых университетом медицинских школ. Уотсон, конечно, мог учиться сразу в нескольких школах, но стесненность в средствах, скорее всего, вынудили его ограничиться медицинским колледжем при больнице Сент-Бартоломью.

Право сдавать вступительные экзамены в университет стоили Уотсону 2 фунта, без этого взноса абитуриентов на экзамен не пускали. Если учитывать принятую дату рождения Уотсона – 1852 год – то несложный подсчет на основе экзаменационных правил Лондонского университета позволяет сказать, что будущий компаньон Шерлока Холмса сдал вступительные экзамены между 1868 и 1872 годом. Но еще до вступительных экзаменов Уотсон наверняка посещал подготовительные курсы. Состоявшие из трех классов трехмесячные курсы при больнице Сент-Бартоломью стоили 10 фунтов 10 шилл.

Чарльз Китли, младший хирург в Западно-Лондонской больнице и одно время демонстратор в больнице Сент-Бартоломью, оценивал в брошюре «Студенческий путеводитель по медицинской профессии» (1878) стоимость дальнейшего обучения примерно в 700 фунтов, хотя признавал, что при должном старании можно уложиться и в меньшую сумму. Воспользуемся его расчетами. Итак, курс обучения – до получения степени бакалавра медицины – длился не менее четырех лет. Если Уотсон не посвящал учению все свое время, а пытался объединить учебу с добыванием средств к существованию, то еще дольше. Китли рекомендовал студентам не заниматься ерундой, а лучше жить в каморке, питаться копчёной селёдкой и черствым хлебом и учиться. Два с половиной года из этих четырех следовало провести в медицинской школе (в случае Уотсона, как я уже говорил, это был медицинский колледж при больнице Сент-Бартоломью). В эти два с половиной года входили каникулы – летние по два месяца и зимние по месяцу, итого шесть месяцев. Оставшиеся полтора года обучения могли быть проведены с любым доктором. Часто доктора предоставляли студентам кров и пансион в обмен на их услуги, особенно если студент прошел полугодовую больничную практику, требовавшуюся для сдачи первой бакалаврской сессии. Скорее всего, Уотсон начал свои занятия в колледже Барта в октябре и в конце своего второго зимнего семестра сдал первую экзаменационную сессию по анатомии и физиологии. После чего, как человек, сильно ограниченный в средствах, пристроился к какому-нибудь доктору в качестве ассистента, что позволяло ему закрепить полученные знания на практике. В больнице Сент-Бартоломью 16 наиболее достойным студентам второго года обучения, с отличием прошедшим экзамен по хирургии, дозволялось ассистировать больничным хирургам без внесения за это обычной платы (такие ассистенты назывались *dressers*; Стэнфорд, познакомивший Уотсона с Холмсом, как раз и был ассистентом у нашего героя до получения тем степени доктора медицины); остальные желавшие ассистировать обязаны были за это платить. Увы, мы не знаем, насколько прилежно учился Уотсон, возможно, он тоже попал в число счастливицов.

Из наиболее прилежных студентов отбирались также ассистенты для врачей и врачей-акушеров, называвшиеся *clinical clerks*.

Денежные расходы в течении описанного времени на еду, жилье, одежду, карманные деньги и т. п. зависели, конечно, от студента, но было распространено совместное проживание двух студентов с примерно с одинаковыми средствами. Это позволяло им делить пополам расходы на газ и уголь, и на треть уменьшить расходы на наем квартиры. Даже в Лондоне приличная квартира для двух студентов в Излингтоне могла быть снята 15–18 шиллингов в неделю, включая все отдельно оплачиваемые опции, кроме угля. Правда, от Излингтона до Барта путь неблизкий. Обычно на квартиру тратилось 25–30 шиллингов в неделю. Очень часто домовладелицы жалели бедных студентов и снижали им плату в ущерб себе. Китли утверждал, что существовало большое количество бедных студентов-медиков, полный пансион которых не превышал 25 шиллингов в неделю, т. е. за девять календарных месяцев в Лондоне стоили им менее 50 фунтов. Однако обычно расходы составляли 37 шиллингов в неделю, т. е. 74 фунта за девять месяцев. Следовательно, в среднем на жилье, еду и карманные расходы тратили более 100 фунтов во время зимнего и летнего семестра. Надо учесть, что больница Сент-Бартоломею имела на своей территории студенческое общежитие (во времена учебы Уотсона его комендантом был Моррант Бейкер), для проживания в нем студенты делали вступительный взнос 2 фунта 3 шилл. Скорее всего именно там, а не на частной квартире жил Уотсон во время учебы.

Медицинские колледжи брали со студентов деньги за лекции и больничную практику, плата за три года обучения в больнице Сент-Бартоломею в 1869 году составляла 100 ф. 15 шилл. (31 фунт 10 ш. в начале первого зимнего семестра, 31 фунт 10 ш. в начале первого летнего семестра, 36 фунтов 15 ш. в начале второго зимнего семестра). Доступ к каждой из экзаменационных сессий (таких сессий было три: базовая научная, первая бакалаврская и вторая бакалаврская) стоил 5 фунтов.

Во многих случаях студентам приходилось нанимать частного репетитора, которому платилось от 7 фунтов 7 шилл. до 10 фунтов 10 шилл. за семестр. Обычно это был один семестр для первой и один для проходной сессии. Иногда репетиторы собирали целые классы, тогда присутствие на его занятиях стоило только 5 гиней в течении неограниченного времени. Некоторым студентам требовалось значительно больше занятий, но Уотсону двух семестров должно было хватить. В больнице Сент-Бартоломею существовали также подготовительные курсы для прохождения базовой научной экзаменационной сессии и для первой бакалаврской сессии, стоившие студентам больничного колледжа 6 гиней.

На книги и инструменты уходило порядка 15 фунтов. Время для досуга у студентов-медиков было невелико, но зато они использовали его по полной. Студенческое буйство, пьянство и распутство было широко известно, равно как и огрубляющее воздействие такой жизни. «В течение первых моих двух лет в Бартсе, – вспоминал Э. Р. Фарбес о 1880-х годах в книге «Лондонский доктор» (1940), – удовольствия ставились прежде работы.» Впрочем, подписки в доступных студентам клубах и обществах были недорогими, так что основной расход тут мог быть на выпивку.

Поскольку Уотсон не был лондонцем, в расходы следовало включить дорожные расходы от дома до Лондона и обратно – если, конечно, его отец был еще жив к этому времени.

Получив степень бакалавра медицины, Уотсон, как мы знаем, на этом не успокоился и продолжил учебу дальше. Но получение аттестационного диплома также стоило денег. Диплом члена Королевской корпорации хирургов стоил 20 гиней, лицензиата той же корпорации – 15 гиней, лицензиата Общества аптекарей – 9 гиней. Обычно практикующие врачи старались получить два аттестационных свидетельства: одно – члена Королевской корпорации хирургов, второе – медицинское (во времена учебы Уотсона это был, как правило, сертификат лицензиата Общества аптекарей, а в 1880-х – члена Королевской корпорации

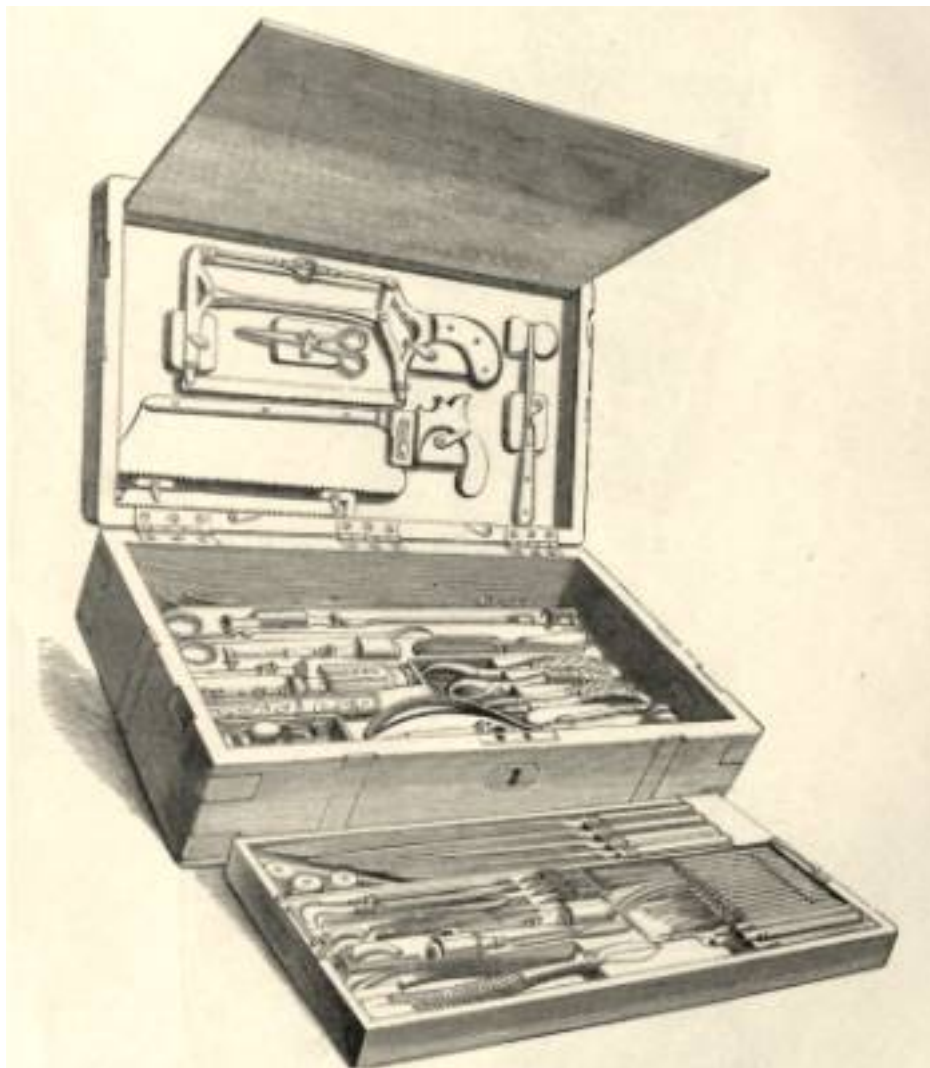
врачей). Какой хирургический диплом предпочел получить Уотсон – мы не знаем, но о медицинском он говорит сам – в 1877 году он получил степень доктора медицины. Для получения степени доктора надо было не менее двух лет проработать врачом-резидентом или хирургом-резидентом в больнице. Больничная администрация в Сент-Бартоломею назначала ежегодно четырех врачей-резидентов (house physicians) и четырех хирургов-резидентов (house surgeons), которым предоставлялась квартира при больнице, уголь и свечи, а также платилось символическое жалование в 25 фунтов. Видимо, Уотсон был одним из таких хирургов-резидентов. Взнос за допуск к испытанию на степень доктора медицины был, видимо, последней тратой Уотсона на свое образование – стоило это ему еще 5 фунтов. Получив степень доктора, Уотсон, казалось бы, обладал всем, что нужно, чтобы завести врачебную практику, однако он неожиданно поступает на курсы военных хирургов в Королевском госпитале Виктории в Нетли.

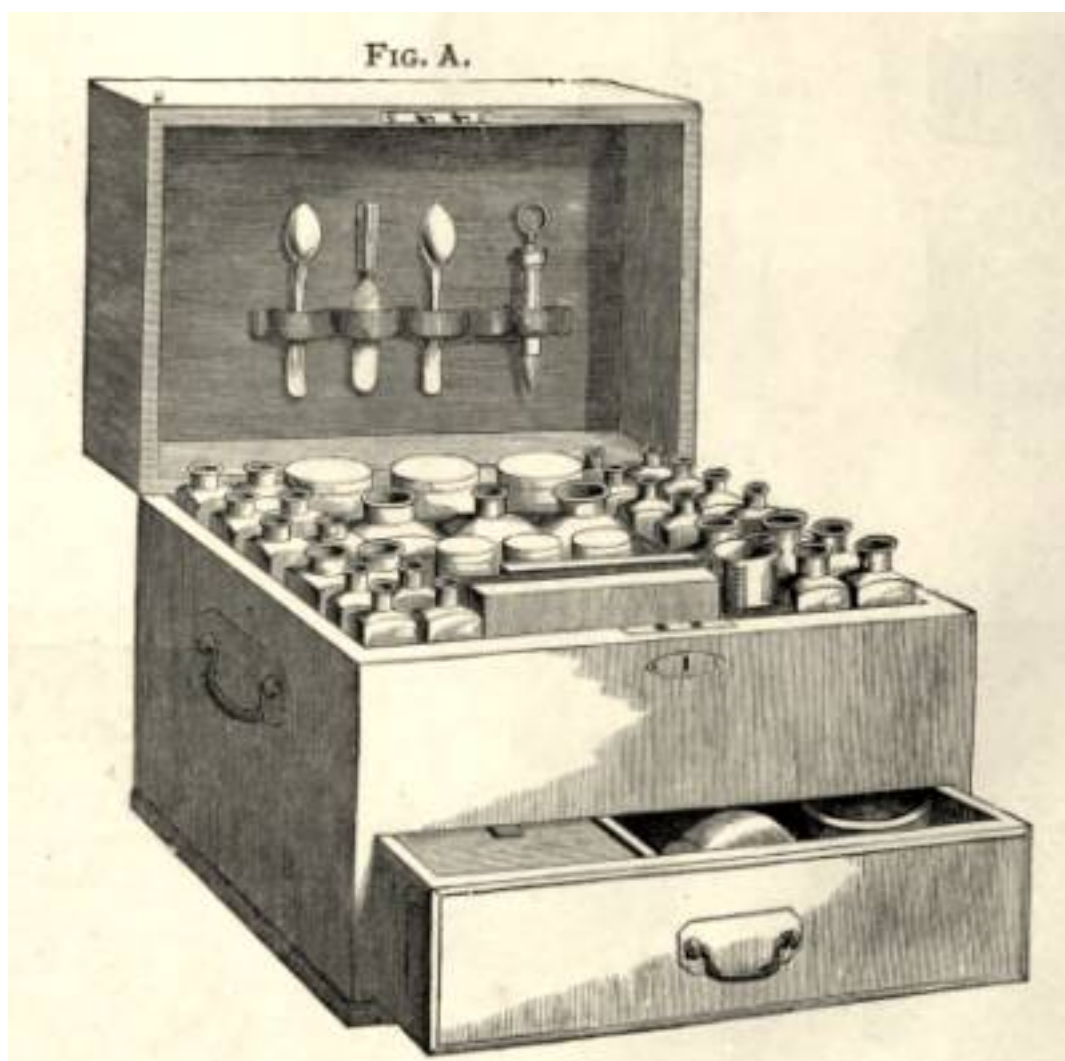
Королева посещает госпиталь в Нетли. Рисунок из журнала "The Graphic". 1874

Условия, которые предлагало военное ведомство поступившим на службу в Армейский медицинский департамент, были отнюдь не шикарными. После прохождения вступительного экзамена все зачисленные на курсы получали звание хирурга на испытательном сроке и жалование 6 шиллингов в день, которое получали в течении четырех месяцев нахождения в Нетли. Сдав выпускной экзамен, курсанты в зависимости от числа набранных им баллов, получали назначение в различные части, и с этого момента числились уже полноценными хирургами (а не младшими хирургами, assistant surgeons, как утверждает в «Этюде в багровых тонах»; чин хирурга-ассистента был ликвидирован в 1873 году), первые шесть лет службы приравняваемыми к лейтенантам. С ними заключался контракт на 10 лет, который мог быть затем продлен Департаментом. Первые пять лет хирурги получали 200 фунтов в год и довольствие, затем жалование увеличивалось на 50 фунтов. По истечении срока контракта хирурги, если им не предлагали продолжить дальнейшую службу, имели право получить вместо пенсии единовременную выплату в 1000 фунтов. Впрочем, уже через два года

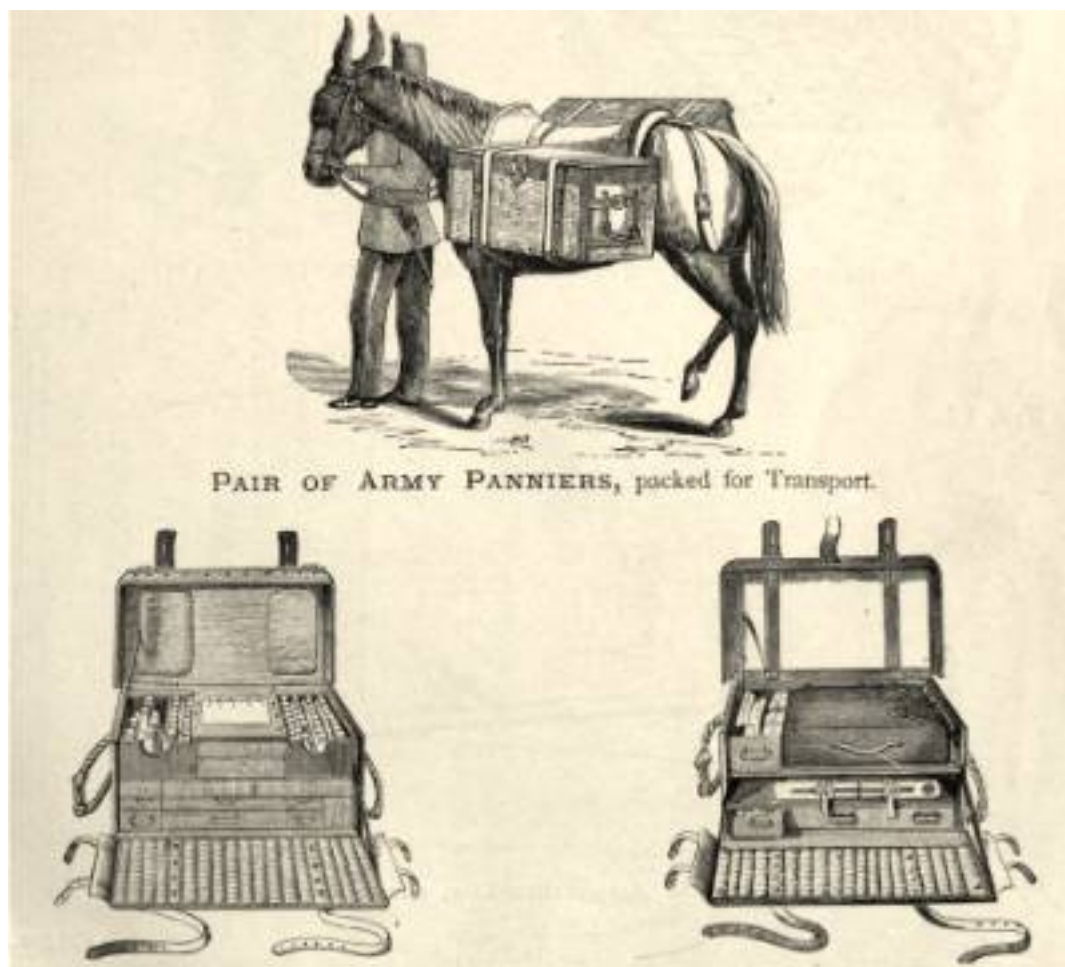
хирург мог попытаться пройти экзаменацию и получить звание хирург-майора и жалование 1 фунт в день.

Армейский хирургический сундук. Рисунок из каталога "S. Maw & Son's Quarterly price-current". 1869

Походная аптека. Рисунок из каталога "S. Maw & Son's Quarterly price-current".
1869

Хозяйство полкового врача, навьюченное на мула. Рисунок из каталога "S. Maw & Son's Quarterly price-current". 1869

Поступление в армейские хирурги считалось едва ли не самым худшим способом начать медицинскую карьеру. Особо занимательно становится, когда мы узнаем, что выпуск военно-медицинских курсов, в который попал Уотсон, был едва ли не самым провальным за всю историю их существования: на 40 вакансий оказалось всего 19 кандидатов, прошедших экзамен. Более того, в течении следующего года курсы в Нетли вообще не выпускали армейских хирургов, готовя в основном чиновников Индийской медицинской службы и в небольшом количестве врачей для военно-морского флота. Как бы то ни было, Уотсон оказался сперва в Индии, а потом в Афганистане, где за 200 фунтов в год выполнял должность полкового хирурга. Ему также был положен денщик-санитар, которого нанимали из рядовых Армейского госпитального корпуса, прослуживших там не менее двух лет. Вместо санитаря хирург мог взять положенные на того деньги, но Уотсон этого не сделал и тем спас свою жизнь: санитар Мюррей в битве при Майване сумел увезти его под носом у афганцев.

Армейский санитарный фургон. Рисунок из журнала "The Graphic". 1882

Офицеры на афганской войне. Рисунок из журнала "The Graphic". 1878

Пенсия по ранению медицинским офицерам назначалась на тех же условиях, что и соответствующим по чину боевым офицерам: при ранении, не граничащим с потерей глаза или конечности (т. е. более легком) могла быть по усмотрению военного министра назначена на срок от трех до 12 месяцев в размере полного жалования. Уотсону, как мы знаем, назначили по 11 шилл. 6 пенсов в день в течении 9 месяцев. Сумма, правда, больше, чем должна была платиться Уотсону: в 1881 году он мог рассчитывать лишь на 8 шиллингов в день. Как не выслуживший даже 5 лет, и не потерявший в бою ни глаза, ни конечности, и даже не получивший ранения, которое лишило бы его возможности конечностью или глазом пользоваться, рассчитывать на пенсию по ранению или на существование на половинном жаловании не мог, хотя и уведомлял читателя несколько раз, что такая пенсия служит ему главным средством к существованию.

Итак, как же был устроен медицинский мир и какое место занимал в нем доктор Уотсон.

Врачи, или «чистые» врачи, врачи-консультанты, практиковали только медицину. Они обычно являлись почетными членами коллегии врачей, и докторами медицины одного из университетов. В любом случае они только давали советы, выписывая рецепты на требуемые лекарства. Предполагалось, что врач берет две гинеи за первый осмотр и по гинее за каждый следующий визит, поскольку первый визит пациента требует от врача значительно больше времени и беспокойств, который берет семейную и личную историю пациента, и тщательно и основательно изучает записывает состояние органов тела. Многие пациенты приходили только раз за мнением и рецептом, и в дальнейшем возвращались к семейному доктору или вообще обходились без дальнейших советов. Плата врачам, приходящим осматривать пациентов к ним домой, зависит от расстояния. Общее правило, что число гинеи, составляющих плату, должно равняться двум третям расстояния в милях от дома пациента до дома врача. Т. е. чтобы посетить пациента в трех милях, врач должен получить 2 гинеи, 6 миль – 4 гинеи, 55 миль – 33 гинеи, 100 миль – 66 гинеи 150 миль – 100 гинеи и т. д. Впрочем, эта идеальная картина в рамках из золотых соверенов редко соответствовала действительности, хотя именно она являлась идеалом всякого начинающего студента. Хотя корпоративная этика пуше всего прочего следила за тем, чтобы врачи не сбивали цену, на практике врачи всех категорий соглашались выставить счет или даже принимали в оплату векселя с рассрочкой.

В Лондоне «чистый» врач обычно занимал пост врача в одной из лондонских больниц. Вне Лондона чистые хирурги были немногочисленны. В провинции врачебная практика сливалась с практикой семейных врачей, и даже в Лондоне врачи часто выполняли обязанности хирурга или семейного доктора.

Хирурги, «чистые» хирурги или хирурги-консультанты – те, кто посвящали себя полностью хирургической практике. Они обычно были почетными членами одного из Коллегий хирургов, некоторые являлись магистрами хирургии какого-нибудь университета. В отношении оплаты единственное различие между ними и врачами состояло в том, что к обычной плате должны быть сделаны дополнения за совершение операции. За пределами Лондона существовало очень мало чистых хирургов, они либо совмещали хирургию с акушерством, либо действовали как семейные доктора.

Акушеры, или акушерские хирурги, занимались только болезнями женщин и детей. Право называться врачами имели только те акушеры, которые не совершали операций, а действовали, давая советы дамам. Те же, кто культивировал только хирургическую часть акушерской практики, назывались хирургами.

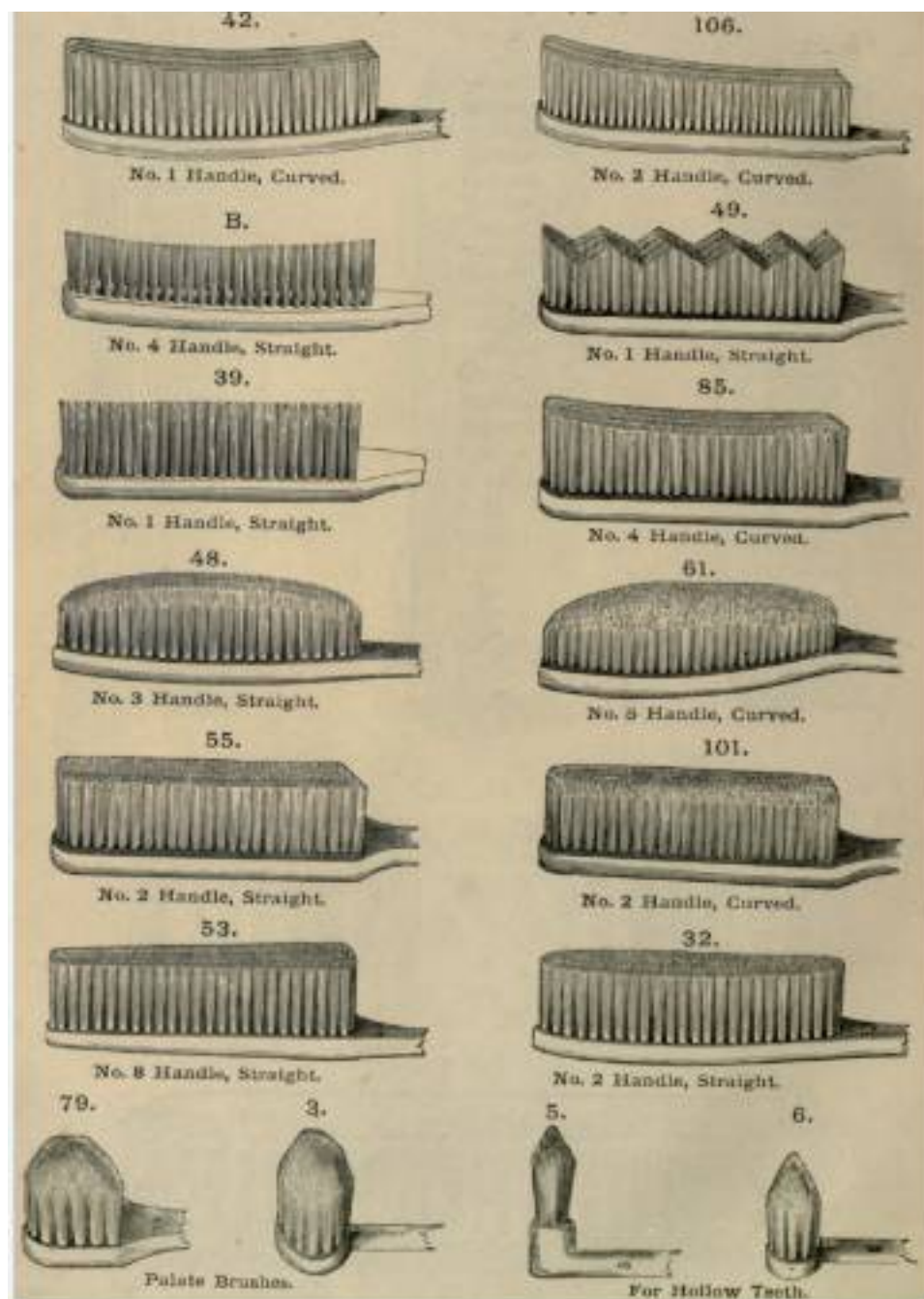
Специалисты являлись либо врачами, либо хирургами, либо врачами общей практики, которые посвятили себя либо в основном, либо полностью, какой-то специфичной ее части. Некоторые специализировались на умственных болезнях или помешательствах, некоторые на болезнях глаз, некоторые на болезнях уха, некоторые хирурги специализировались на болезнях горла, некоторые на болезнях кожи – дерматологи, либо хирурги, ибо кожа считалась «нейтральной» территорией, и некоторые – уродствами (ортопедические хирурги). Но, кроме этих вполне естественных специализаций, большая часть врачей и хирургов были вынуждены по требованию публики ассоциировать свое имя с каким-то конкретным органом. Каждый консультирующий хирург или врач должен был считаться хорошим специалистом в узкой области, причем речь вовсе не шла об определенных заболеваниях. Он должен был «взять» какой-нибудь орган – сердце, легкие, желудок, печень, почки, мочевой пузырь, прямую кишку – и либо он должен был написать книгу или даже брошюру в несколько листов по этому вопросу, или он должен был принадлежать к некоторому учреждению, специально посвященному конкретному органу (специальные отделения общих больниц не так выигрышны), или должен был так или иначе, по рекомендации своего собрата по профессии

приобрести репутацию узкого специалиста. Практически это был единственный реальный способ занять более-менее высокооплачиваемую нишу. Врачей-светил, которые могли консультировать по всем болезням и подставлять кошелек вышеописанному дождю из гиней, было очень мало. Однако такая практика все же пахла не очень хорошо. Официально врачебная этика не допускала сговора по взаимной поставке пациентов, но ведь врач, афишировавший свою узкую специализацию, мог существовать только благодаря такой взаимопомощи. Следующий шаг к откровенному шарлатанству состоял в том, что пациентами такой системы становились в основном люди из провинции, приехавшие в Лондон лечиться.

«Пациент приедет из провинции и будет консультироваться у четырех или пяти практикующих врачей – у одного насчет его общего состояния, у другого насчет уха, у третьего – насчет своей груди, еще у кого-нибудь – насчет горла. Второй пациент, который приходит консультироваться у хирурга насчет глаз, попросит рекомендовать ему кого-то еще насчет его кожи, хотя тот же самый хирург может оказаться равно хорошим, или даже лучше, по коже, чем по глазам» – пишет современник-американец.

Врачи общей практики (General practitioners) образовали основную массу медицинской профессии. Они были рядовым составом медицинской армии, генералами и офицерами которой являлись врачи, хирурги, акушеры и наиболее избранные специалисты. Большая часть врачей общей практики имела как медицинскую, так и хирургическую квалификацию, будучи членами Коллегии хирургов Англии и лицензиатами Коллегии врачей либо Общества аптекарей. Эти врачи разделялись на множество категорий – разумеется, имущественных.

Существовали surgeon-chemist или surgeon-apothecary, которые совмещали работу медика с розничным бизнесом аптекаря. Первые просто сидели при лавке или даже небольшой витрине с патентованными лекарствами (без права изготовления), зубными щетками, средствами для ращения волос, мылом и прочим. Медицинская практика в этом случае была побочной деятельностью. Это было то состояние, о котором действительно можно было сказать, что человек «докатился». Вторые имели приемную и зубными щетками не торговали, по крайней мере явно, но лекарства своим больным продавали сами, выдавая пузырек впридачу к консультации. Они часто были полицейскими врачами, вели бесплатный прием за небольшую плату от благотворительных обществ и тому подобное.

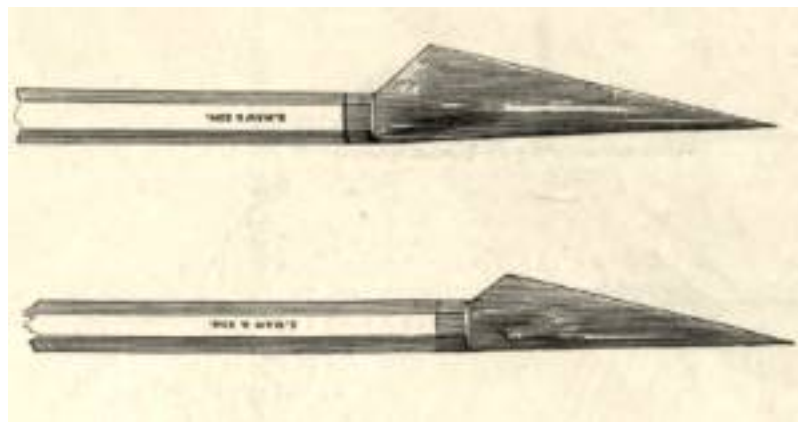

Зубные щетки. Рисунок из каталога "S. Maw & Son's Quarterly price-current". 1869

В этом классе ключевым словом является «шиллинг», подобно тому, как в верхнем сообществе таким словом является «гинея».

Врачи общей практики более высокого класса вели обычный прием, выписывали лекарства, которые затем изготовлялись у аптекаря рецепты готовятся у аптекаря. Оплата таких врачей зависела от разных обстоятельств, в том числе и от состоятельности пациента и находилась в промежутке между шиллингом и гинеей, если сказать точнее, то между шиллингом и совереном – исчисление гонорара в гинеях все-таки было привилегией избранных. Именно к этому среднему классу врачей принадлежал доктор Уотсон после покупки практики.

Как мы знаем из рассказов «Приключения клерка» и «Палец инженера», вскоре после женитьбы на мисс Мэри Морстон доктор Уотсон приобрел в районе Паддингтон клиентуру у старого мистера Фаркуара, страдавшего от недуга, схожего с пляской Св. Витта.

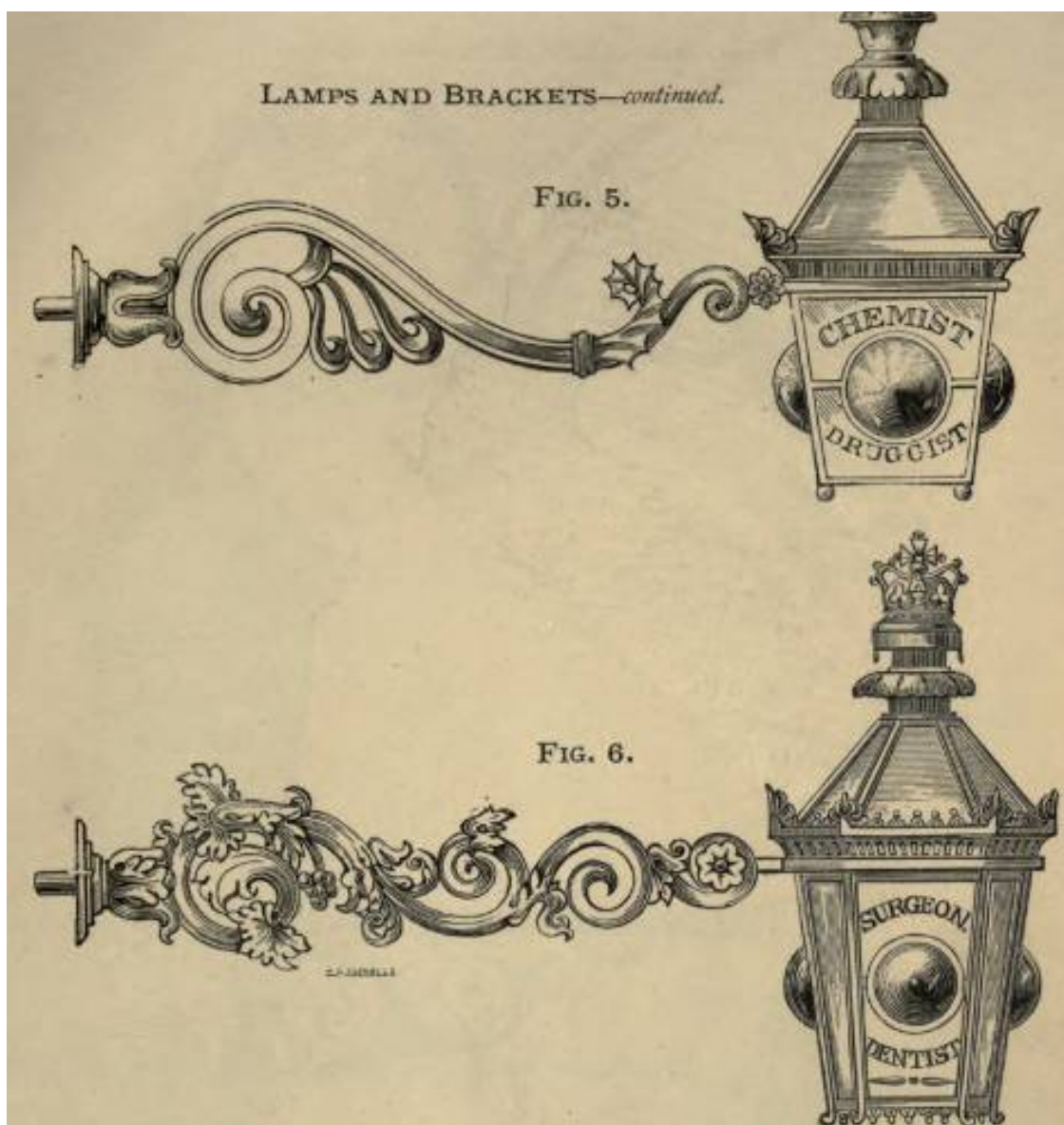
Катарактальный нож, известный нам по рассказу «Серебряный»

Когда-то у предшественника доктора была обширная практика, приносящая 1200 фунтов годового дохода, но к моменту приобретения ее Уотсоном она давала чуть больше 300 фунтов. Уотсон энергично взялся за дело, полагая, что через несколько лет практика расцветет как прежде. Видимо, в чем-то он оказался прав, потому что уже летом 1889 года в его распоряжении был целый дом неподалеку от Паддингтонского вокзала с отведенной специально под приемную комнатой, и они с женой нанимали горничную. «Практика моя неуклонно росла», – писал об этом времени Уотсон. Почему она неуклонно росла – непонятно, видимо потому, что этого неудержимо хотелось Конан Дойлу. Немолодой уже врач, с плохой, с карьерной точки зрения, репутацией военного медика, к тому же обремененный семьей, никак не мог сильно преуспеть за несколько лет.

Правда, к концу 1890-х большинство хирургов, не состоявших в штате больниц, уже занимались общей практикой. Изменился и социальный статус хирурга, практически сравнявшись с положением врача. Более того, к рубежу столетий хирурги стали даже более ценимы и уважаемы в обществе, чем просто врачи-терапевты.

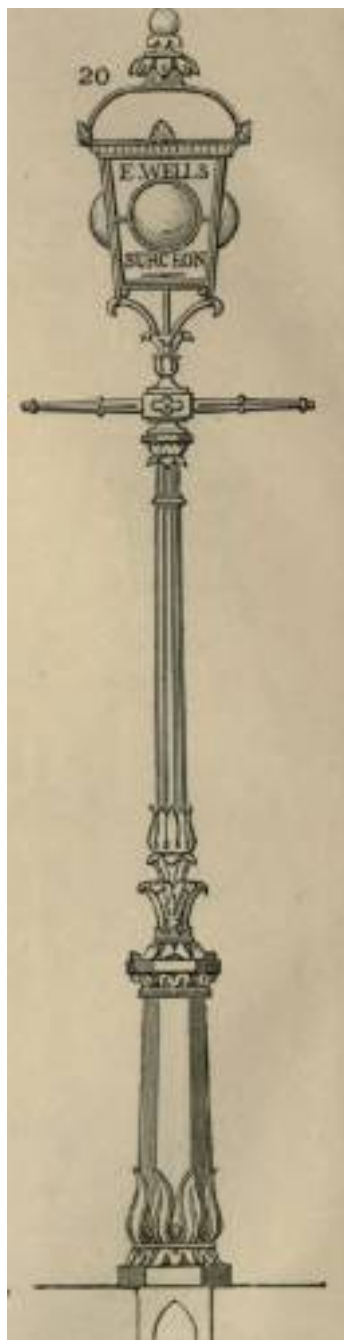
Жизнь доктора Уотсона в Паддингтоне (а также в Кенсингтоне и на Куин-Анна-стрит) отличалась от его холостяцкой жизни с Холмсом на Бейкер-стрит. Доктор снимал дом целиком.

Фонари у двери врача. Рисунок из каталога *“S. Maw & Son’s Quarterly price-current”*. 1869

На первом этаже в комнате, выходившей окнами на улицу, размещалась столовая, где в приемные часы посетители дожидались приглашения в кабинет. Остальное время помещение действительно служило столовой. В центре комнаты располагался большой квадратный, круглый или прямоугольный стол с простой столешницей, покрытой скатертью и украшенной сложной композицией из цветов. Вокруг стола ставились стулья с высокими вертикальными спинками: часто эти стулья имели кожаную обивку, так как ее легко было чистить. Во главе стола должно было стоять большое кресло с подлокотниками, предназначавшееся для доктора Уотсона – обычно оно носило название «резчик», поскольку во время трапезы хозяин резал жаркое. Лишние стулья ставились вдоль стен. Скорее всего, большинство стульев стояли там всегда, поскольку Уотсон нигде не упоминает об обедах, которые он давал бы своим знакомым, о своих друзьях он не говорит, и жена его сама предпочитала ездить к подругам. А стулья у стен были удобны для пациентов во время ожидания приема.

Уличный фонарь у дома. Рисунок из каталога “S. Maw & Son’s Quarterly price-current”. 1869

Задняя комната была значительно более востребована. Во-первых, она служила семейству Уотсонов для ежедневных трапез, а также была местом, откуда миссис Уотсон управляла хозяйством. Она же использовалась доктором как смотровая. В доме Уотсонов непременно было помещение для приготовления лекарств – очень часто хирурги брали на себя также и роль фармацевтов и сами готовили и продавали препараты вопреки всем неотменным правилам.

Гостиная Уотсонов мало отличалась от гостиной на Бейкер-стрит, а вот спальня требовала для жены если не отдельной комнаты, то, по крайней мере, собственной гардеробной с зеркалом и шкафчиками, где миссис Уотсон могла хранить свою, уже и в те времена многочисленную, парфюмерию и косметику.

При годовом доходе в 600–700 фунтов семья Уотсонов могла позволить себе горничную (12–16 фунтов в год) и кухарку (16–20 фунтов). Мэри Уотсон следовало не только следить за работой прислуги, но также вести расходную часть бюджета. Ей пришлось узнать много нового, от чего она была прежде ограждена. Но и Уотсону пришлось узнать много такого, от чего он был огражден на военной службе и впоследствии, проживая с Холмсом. Прежде всего, это была довольно сложная система учета приема больных, продажи лекарств и выездов. Врачу рекомендовалось иметь «Список посещений» для записей о визитах, назначенных и сделанных каждый день, «Ежедневник» содержал запись о визитах и приемах, за которые назначена цена, и о лекарствах, которые заказаны и выписаны; «гроссбух» (*leger*), который составлялся на основе «ежедневника», содержал копии выставленных счетов. Рекомендовалось вести гроссбух с такой регулярностью, чтобы отчет по пациенту мог быть сделан в любое время. Счета посылались в различные интервалы – иногда ежеквартально, иногда полугодично, иногда только на рождество. Но чем больше затягивалось выставление счета, тем больше была вероятность безнадежных долгов. Как отмечал современник, «никакая другая профессия не страдает так от безнадежных долгов, как медицинская. Ничто не испаряется так быстро, как благодарность за профессиональные услуги. Как говорил один покойный ныне (1878) лондонский врач, «Всегда берите плату, пока еще текут слезы».

Глава 11. Одежда

Шерлок Холмс был довольно «старомоден» и «неизменен в своих привычках», поэтому на ночь он надевал льняную ночную сорочку. Такие сорочки бывали двух фасонов: чуть ниже колена или до пола – и застегивались у ворота на одну пуговицу. Льняные сорочки стоили от 9 шилл. до 11 шилл. 6 пенсов, хлопчатобумажные – от 4 шилл. до 4 шилл. 6 пенсов.

Ночная рубаха. Рисунок из журнала "Punch". 1892

Ватсон, скорее всего, вынес из своих индийских и афганских странствий любовь к пижамам. Благодаря возвращавшимся из колоний офицерам это произошедшее от индийского национального костюма одеяние в 1890-х годах стало популярно в Англии. Например, в магазине «Сампсон и Ко» с Оксфорд-стрит, 129–130 предлагались пижамы по 12 шилл. 6 пенсов, 16 шилл. 6 пенсов и 25 шиллингов.

Пижама. Рисунок из каталога "JUNIOR Army and Navy Stores". 1893

Ночные колпаки носились уже только пожилыми людьми, поэтому Холмс с Уотсоном спали без этого колоритного приспособления, хотя в лавках все еще можно было купить шелковый или хлопчатобумажный колпак.

Нижнее белье, как правило, состояло из хлопчатобумажных кальсон и рубашки. Кальсоны были двух вариантов: до лодыжек (pants) или до колен (drawers). Изготавливались они из плотного бурого хлопка, мериносовой шерсти или гладкого шерстяного бельевого трикотажа «балбригган». Стоимость колебалась в зависимости от материала и размера от 2 шилл. 8 пенсов до 9 шилл. 3 пенсов (за подштанники из «англо-итальянского шелка и шерсти»). Завязывались кальсоны сзади у пояса, а штанины либо застегивались на пуговицу спереди под коленом, либо имели тесемки, завязывавшиеся вокруг лодыжек. По мере распространения эластичного трикотажа завязки были заменены растягивающимися манжетами. Нижние рубашки изготавливались также из фланели, хлопка, мериносовой шерсти и могли быть с длинными рукавами или с рукавами до локтя. Разброс цен здесь был еще выше: от 2 шиллингов за рубашку из искусственной мериносовой шерсти до 8 шиллингов за рубашку из «англо-индийского шелка и шерсти».

Единое нижнее белье в виде вязаного или сшитого из хлопка комбинезона, который имел спереди застежку на пуговицах, а сзади отвязывавшийся на шнурках клапан, облегчавший посещение отхожего места, в Англии было значительно меньше распространено,

чем в Америке, поэтому в гардеробе Холмса и Уотсона оно вряд ли присутствовало. Зато наверняка был хотя бы один комплект шерстяного трикотажного «егеровского» белья, как оно называлось в России. Своим распространением оно было обязано немецкому зоологу и физиологу доктору Густаву Егеру, считавшему, что только белье из волокон животного, а не растительного происхождения может быть полезно для здоровья. В Англии адептом этой идеи стал Льюис Томалин, открывший в 1884 году в Лондоне склад одежды, названный им «Санитарная шерстяная система доктора Ейгера».

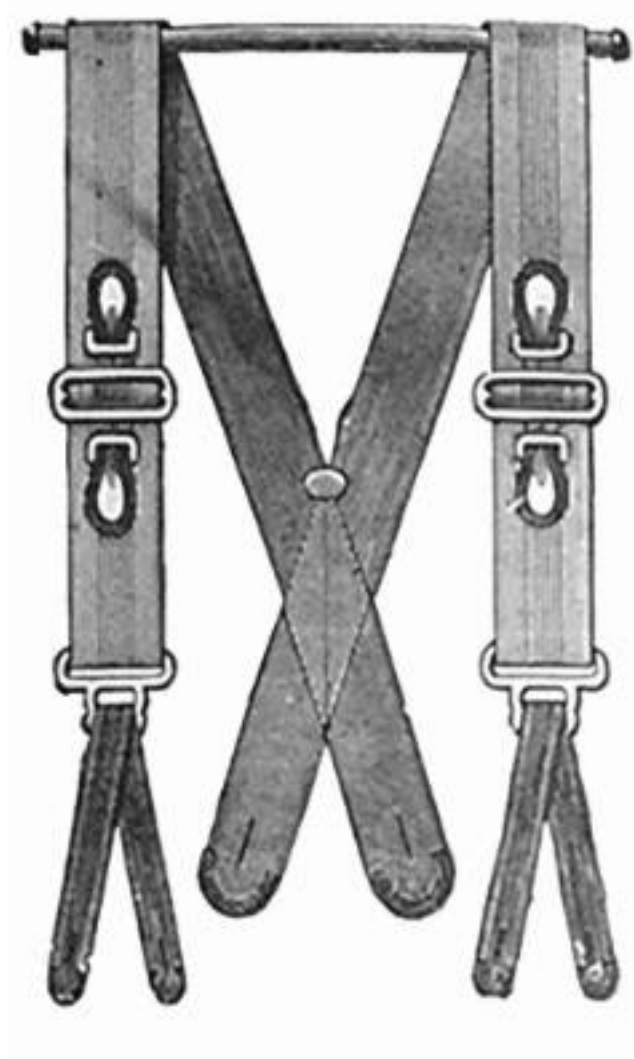
Носки и гольфы делались из шерсти, «балбриггана», кашемира, мериносовой шерсти, хлопка, могли быть простыми небелеными, полосатыми, черными, белыми, темно-синими или темно-красными, по заказу на них делалась также вышивка. Стоимость их за пару была от 11 пенсов до 4 шиллингов. Для сна зимой можно было приобрести шерстяные с начесом носки и гольфы (первые стоили около трех шиллингов, вторые чуть меньше шести).

Доктор Уотсон не менее 18 раз упоминал домашние халаты Шерлока Холмса, для трех из них мы знаем даже цвета: бледно-серый, мышинного цвета и фиолетовый. Бывали мужские халаты из необлицованного бобрика за 14 шилл. 9 пенсов, фетровые различных цветов по 16 шилл. 9 пенсов, пестрые клетчатые твидовые – от 16 шилл. 6 пенсов до 28 шилл. 6 пенсов, домотканые – от 21 до 31 шилл. 6 пенсов, русские пуховые, крытые лощёным турецким хлопчатобумажным чинтсом с рисунком из цветов и птиц – от 22 шилл. 6 пенсов до 42 шилл.; тропические и летние твидовые по 24 шилл. 6 пенсов, желтовато-коричневые летние вигоневые по 39 шилл. 6 пенсов, облицованные и необлицованные халаты из верблюжьей шерсти – 29 шилл. 6 пенсов; халаты из мягкой шерстяной ткани «пейсли» с характерным разноцветным орнаментом в виде загогулин и, наконец, из шелка (шились только по заказу) – от 45 до 84 шилл.

Рубашки шились, как правило, из хлопчатобумажной ткани (от 4 до 9 шилл.), воротнички и манжеты обычно пристегивались. Это позволяло менять засалившийся воротник на чистый несколько раз в день, не меняя самой рубашки. Стоили воротнички около 8 шилл. 6 пенсов за дюжину (хотя вполне можно было найти магазины, где та же дюжина стоила 3 шиллинга, а один воротничок стоил не более 6 пенсов). В поездки брали запас чистых накрахмаленных воротничков и манжет в специальном футляре, чтобы они не помялись. Были в ходу также водостойкие целлулоидные воротники и манжеты, которые легко чистились при помощи влажной губки, однако нет никакого сомнения, что Холмс не мог носить такую гадость. Высота модного воротничка постоянно росла, достигнув примерно трех дюймов к 1899 году.

Мужские брюки из-за необходимости носить их при фраках на вечерних приемах шились с высокой талией, что сделало использование ремня непрактичным, так как брюки не опирались на бедра. Опять же, поясу брюк не следовало торчать из-под жилетки. Поэтому во времена Шерлока Холмса неотъемлемой принадлежностью мужского туалета были подтяжки с гуттаперчевыми, шелковыми или кожаными петлями на концах, которыми они пристегивались к пуговицам на штанах (стоили они от 1 до 5 шилл. в зависимости от материала петель).

Во времена знакомства Холмса с Уотсоном среди лондонских франтов в моде были мешковатые штаны, но их быстро сменили узкие брюки на маленьких пуговицах. Ткани были либо одноцветные, в тон пиджака, либо в широкую полосу или клетку. В 1895 году возникла мода на отвороты, причем на первых порах брюки подворачивали только по утрам и в дождливую погоду. Складок на брюках ни у Холмса, ни у Уотсона не было – они вошли в моду только в 1911-12 гг. Штаны из шерстяного сержа стоили от 13 до 17 шиллингов, фланелевые – от 19 до 21 шилл.

Подтяжки. Рисунок из каталога “JUNIOR Army and Navy Stores”. 1893

Подтяжки в употреблении. Рисунок из журнала "Punch". 1891

Днем в городе полагалось носить традиционные ботинки с черным гладким носком оксфордского типа, со шнуровкой или застегивавшиеся на пуговицы, без декоративных дырочек и насечек, с замшевым верхом.

Классический «оксфордский» ботинок. Рисунок из каталога "JUNIOR Army and Navy Stores". 1893

Для вечера предназначались черные лакированные туфли. В моде были застегивающиеся сбоку на пуговицы короткие гетры (spats), закрывавшие щиколотки и подъем ноги. Часто их делали из того же материала, что и брюки, летом при визитке модно было носить белые гетры. Стоили ботинки по-разному. Сэр Генри Баскервилль заплатил за пару коричневых ботинок, купленных, вероятнее всего, в обувном магазине Дж. Х. Харриса на 418, Стрэнд, 6 долларов, т. е. 26 шиллингов, что было несколько выше обычной цены в 1 гинейю. В гардеробе у Холмса с Уотсоном были и теннисные туфли на резиновой подошве.

Теннисная туфля. Рисунок из каталога "JUNIOR Army and Navy Stores". 1893

Непременной и весьма важной составляющей костюма был жилет. В 1880-1890-х он был длинным, с четырьмя карманами. Если надевавшиеся поверх жилета фрак или визитка имели клапаны, то клапаны были и на жилете. С визитками полагался однобортный жилет из узорчатых материалов, без воротника и с перламутровыми пуговицами, с сюртуком нужно было носить двубортный жилет. В 1888 году на жилете между двумя петлями для пуговиц появилось специальное отверстие для часовой цепочки.

В начале 1890-х появился кардиган в виде короткого, тесно облегающего жакета из цветного гаруса или английской камвольной ткани. У него или не было воротника вовсе, или был бархатный. Стоить он мог от пяти до 40 шиллингов.

Верхняя часть костюма зависела от времени дня и цели выхода. Для утренних и дневных визитов предназначался соответствующий «утренний костюм» (morning suit), носившийся до пяти дня и никак не позднее семи вечера и состоявший из брюк, жилетки и верхней одежды. С 1850-х годов такой одеждой был сюртук (frock coat), который в качестве формальной дневной одежды вытеснил фрак, оставив ему только функцию вечерней парадной одежды.

Сюртук. Рисунок из журнала “Modes nouvelles de Paris”. 1894

Как правило, сюртук был двубортный, приталенный, с полами чуть выше колен, с тремя-четырьмя пуговицами и одной на отвороте. В качестве материала использовались шевиот, вигонь, саржа и особенно «рогожка», шерстяная или хлопчатобумажная ткань нарочито грубого плетения. Двубортный сюртук носил название «Принц Альберт» в честь покойного супруга королевы Виктории. Был он обычно черного или угольно-серого цвета и носился застегнутым на одну пуговицу у талии. Характерной чертой сюртука было отсутствие не только накладных, но вообще каких-либо наружных карманов. Только в конце викторианской эры иногда стали делать нагрудные карманы. В парадных случаях сюртук носился с полосатыми темно-серыми брюками. Среди принадлежностей, допускавшихся для ношения с сюртуком, были цилиндр, трость и бутоньерка в петлице.

В 1880-х годах на роль дневной одежды стала претендовать визитка (morning coat), ведшая свое происхождение от одежды для утренних верховых прогулок (редингота). Она представляла собой однобортный сюртук с отрезной талией и закругленными полами длиной до колена.

Визитка. Рисунок из журнала “Modes nouvelles de Paris”. 1892

На бедрах и слева на груди были прорезные карманы, прикрытые клапанами; внутренний нагрудный карман был добавлен в 1888 году. Визитка имела три-четыре пуговицы и носилась застегнутой, кроме периода конца 1880-х, когда могла носиться и открытой. Шилась она из камвольной ткани, шевиота, вигони, диагонали или мельтона (тяжелое сукно типа кастора) обычно черного или темно-синего цвета. С визиткой обычно носили серые брюки в полоску и цилиндр, хотя в менее формальных случаях допускался котелок с высокой тульей. К концу десятилетия визитка стала дневной одеждой врачей, адвокатов и банковских служащих, так что доктор Уотсон чаще всего облачался именно в визитку. «Стряпчие и доктора почти не носили даже сюртуки; всегда визитки», – вспоминал о 1887 годе один современник. В визитке с белым жилетом и светлыми брюками доктор Уотсон венчался с мисс Мери Морстон. К 1889 году сюртук стал, было, возвращаться, теперь уже будучи длиною до колен, часто из темно-синего сукна или вигони. Вместо четырех пуговиц он имел только три, был двубортным или однобортным. Но после смерти королевы Виктории сюртук окончательно уступил позиции визитке, которая стала парадной дневной мужской одеждой.

С середины XIX века, по мере того как визитка все больше переходила в разряд парадной дневной одежды, в качестве повседневной одежды стал распространяться пиджак (lounge jacket), прежде носившийся в сельской местности или на пляжах. Его кардинальным отличием от сюртука, фрака и визитки было отсутствие шва на талии, поскольку верх и полы его

кроились целыми. В 1880-х пиджак большей частью был однобортным, полы были всегда закруглены. К 1888 году пиджак обрезался спереди до четырех пуговиц, а носился застегнутым на одну. Рукава были достаточно короткими, чтобы демонстрировать модные цветные льняные манжеты. В 1890-х примерно треть пиджаков шилась уже двубортными, с пятью карманами, один из которых (с правой стороны груди) был внутренним. На пиджаки обычно шла камвольная ткань, твид, а с 1892 года и полосатая фланель.

Пиджак. Рисунок из журнала “Modes nouvelles de Paris”. 1891

Вечерней одеждой продолжал оставаться фрак. Во времена Холмса фрак был, как правило, черный, шился из хорошего саржевого кашемира, шевиота, диагонали и вигони, подкладка делалась из шелка или сатина. Воротник обычно покрыт атласом, облицованные рубчатый шелком лацканы спускались до нижних двух пуговиц. С фракком обычно носился белый жилет и черные прямые брюки.

Шерлок Холмс был холостяком и человеком не слишком светским, поэтому мог предаваться курению трубки и сигар, не заботясь о специальной одежде для этого процесса. Однако в те времена было весьма распространено мнение, что резкий запах табачного дыма, впитавшийся в одежду и волосы, неприемлем для «чувствительных и тонких» дамских ноздрей. Поэтому на свет появилась специальная куртка для курения (smocking jacket), надевавшаяся после обеда. Она была длиной до талии, шилась из фланели, бархата или плюша, с

воротником-шалькой, обшлагами и деревянными пуговицами. Ткани подбирались глубоких тонов, например багрянисто-красные или бутылочно-зеленые. Куртка отделялась узорами из шнура (т. н. «брандебурами», сходные брандебуры украшали гусарский мундир). Кроме защиты от запаха, куртка предохраняла костюм курильщика от пепла и тлеющих угольков. Стоила она около 20 шиллингов.

В 1888 году в Англии появился и быстро стал популярным на загородных приемах и неформальных вечеринках пиджак из черного шевиота с открытой грудью и длинными, до талии, отворотами, облицованными черным атласом. В русском языке за ним закрепилось название «смокинг», хотя в самой Англии его так никогда не называли. Холмсу с Уотсоном он был известен как *dress lounge*, а после смерти Эдуарда XVII, с начала 1910-х, уже в качестве допустимой одежды для городских приемов, он стал называться *dinner-jacket*, обеденный пиджак. У смокинга были одна-две пуговицы и петли в нижней части отворота, боковые карманы и рукава как у фрака. Подобно фраку, он носился всегда открытым, и стоил от 2 до 3 гиней.

Ходить по улице во фраке, сюртуке или визитке в общем не было принято, для этого существовала верхняя одежда, различная для разных случаев. С фраком или сюртуком положено было носить специальное пальто (*overfrock*), скроенное так же как сюртук, но несколько шире и длиной чуть ниже колен. Шилось оно из тяжелой зимней шерстяной ткани. В отличие от фраков и сюртуков, вообще не имевших наружных карманов, оверфроки изредка снабжались нагрудным или даже боковыми карманами. В 1902 году, буквально за год до удаления Холмса от дел, как с дневной, так и с вечерней парадной одеждой стало допустимо носить пальто-честерфилд.

Оверфрок. Рисунок из журнала "Punch". 1892

Классическое однобортное пальто-честерфилд (изредка встречались и двубортные) было названо в честь лорда Честерфилда, заказавшего его когда-то по образцу сюртука.

Пальто честерфилд. Рисунок из журнала “Modes nouvelles de Paris”. 1894

До 1889 года оно было коротким, плотно облегающим, и обычно с потайной застежкой, а также с косыми карманами. Затем его длина увеличилась до середины икры и даже до щиколоток. Характерной чертой и оверфрок, и честерфилда был черный бархатный воротник. В конце 1880-х – начале 1890-х появилась модификация честерфилда, «честерфилд с пелериной» или «скарборо». Это пальто было широким, с пелериной до локтя, и, подобно инвернесскому плащу, не имело рукавов, а только проймы для рук. В зависимости от материала были летние пальто, и пальто для остального времени года. Летние пальто-честерфилды из пестрого и черного кашемира стоили от 50 шиллингов, из мельтона (тяжелого сукна типа кастора) от 45 фунтов. Зимние пальто стоили дороже: из мельтона и бобрика от 70 до 100 шиллингов, шевиотовые и вигоневые от 60 до 75 шиллингов, камвольные от 70 до 90 шиллингов. Суконное пальто, отделанное каракулем, стоило 10 фунтов 10 шилл., облицованное и отделанное мехом виверры – 8 фунтов 15 шилл., бобром – 27 фунтов, выдрой – 47 фунтов.

Однако образ Шерлока Холмса, растиражированный многочисленными экранизациями, иллюстрациями и даже рекламой, связан совсем с другой верхней одеждой – с длинным твидовым плащем-крылаткой.

Инвернесский плащ. Рисунок из журнала “Modes nouvelles de Paris”. 1890

Этот плащ назывался «инвернесским» (Inverness cape) в честь городка в Шотландии и впервые был надет на великого детектива артистом Уильямом Джиллеттом, сыгравшем сыщика в ряде пьес между 1900 и 1929 годами. Именно этот артист и драматург наградил Холмса также знаменитой пенковой трубкой с изогнутым мундштуком и фразой «Элементарно, Уотсон», отсутствующей у Конан Дойла. Этот плащ вовсе не предназначался для хождения по городу и тем более каких-нибудь визитов, он был призван защищать от дождя во время путешествий и загородных прогулок. У инвернесского плаща не было рукавов, зато он имел пелерину, которая достигала длины опущенных рук и могла быть полной или неполной. В последнем случае ее края вшивались в боковые швы плаща позади пройм для рук. Инвернесский плащ очень любили охотники, поскольку он не стеснял движений при стрельбе. Однако все-таки существовал вариант инвернесского плаща, который допускался для ношения в городе с вечерним фракком – сшитый из однотонной ткани темных цветов. Летние инвернесские плащи из твидового мельтона стоили 45 шиллингов, зимние шевियोтовые или вигоневые от 60 до 95 шилл., если «крылья» были облицованы атласом, дополнительно 15 шилл.

Еще одним популярным вариантом верхней одежды для путешествий и сельской местности был ольстер. В него Сидни Паджет обрядил Шерлока Холмса в классических иллюстрациях к рассказам «Тайна Боскомской долины» и «Силвер Блаз». Скорее всего, именно

он был упомянут в «Тайне Боскомской долины» как «длинный серый дорожный плащ» (long gray travelling-cloak). Ольстер представлял собой двубортное или однобортное пальто, которое отличалось от инвернесса наличием рукавов и поясом (полным или в виде хлястика сзади) и которое обычно имело пристегиваемую пелерину или капюшон «достаточного объема для натягивания на голову». Ольстеры из шевиота, бобрика или твида стоили от 80 до 100 шиллингов, из этой стоимости примерно 8 шилл. стоил капюшон.

Ольстер. Рисунок из журнала "Punch". 1892

Шерлок Холмс в ольстере с капюшоном и дирстокере. Рисунок Сидни Паджета к рассказу «Серебряный». Журнал "The Strand Magazine". 1892

Молодые люди во времена Шерлока Холмса носили еще два вида верхней одежды: бушлат (teefer jacket), шившийся по образцу бушлатов королевского военно-морского флота, и норфолкскую куртку. Бушлат мог быть двубортным или однобортным, достигавшим середины бедра, и отличался от обычного пиджака тем, что имел полы с прямоугольными углами спереди. В повести «Долина ужаса» его носил в дополнение к плотному серому костюму, короткому желтому пальто и мягкой кепке Тед Болдуин, член «Чистильщиков», убитый Джоном Дугласом. Норфолкская куртка (Norfolk jacket) была свободной однобортной курткой с поясом, с бантовыми складками на спине (а иногда и спереди) и с двумя нагрудными карманами. Некогда такие куртки носили охотники на уток в графстве Норфолк, поскольку они не сковывали движения. Норфолкские куртки стали модными после 1860-х в охотничьем кругу принца Уэльского, позднее Эдуарда VII, который часто гостил в своем поместье Сандрингем-Хауз в Норфолке. Норфолкская куртка обычно носилась с коричневым котелком и бриджами из той же материи. А шилась преимущественно из ворсистого яркого харрисовского твида, ткавшегося из чистой шотландской шерсти на внешних Гебридских островах — группе островов к западу от побережья Шотландии, особенно на островах Льюис и Харрис. Норфолкскую куртку носил молодой Джон Холпи Нелиган из рассказа «Черный Питер».

Норфолкская куртка. Рисунок из журнала "Punch". 1892

Коль скоро зашла речь о традиционном образе Шерлока Холмса, нельзя не упомянуть о его кепке с ушами и двумя козырьками. Называлась такая кепка «дирстокер» (deerstalker) и первоначально получила распространение в шотландских поместьях, где была распространена охота на оленей. Шилась она чаще всего из пестрого твида и совершенно не предназначалась для повседневного ношения. Сама ее конструкция – опускающиеся и завязываемые под подбородком «уши» и два козырька, защищавшие от непогоды глаза и шею, выдавали ее предназначение. В текстах Конан Дойла она нигде не упоминается, мы встречаем лишь ссылку на «плотно облегающую суконную кепку». Впервые Холмс появился в ней на иллюстрациях к «Тайне Боскомской долины» в 1891 году, а затем к «Сильвер Блаз» в 1893. Автор иллюстраций был Сидни Паджет, который сам предпочитал носить за городом «дирстокер» и потому изобразил его на герое Конан Дойла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.